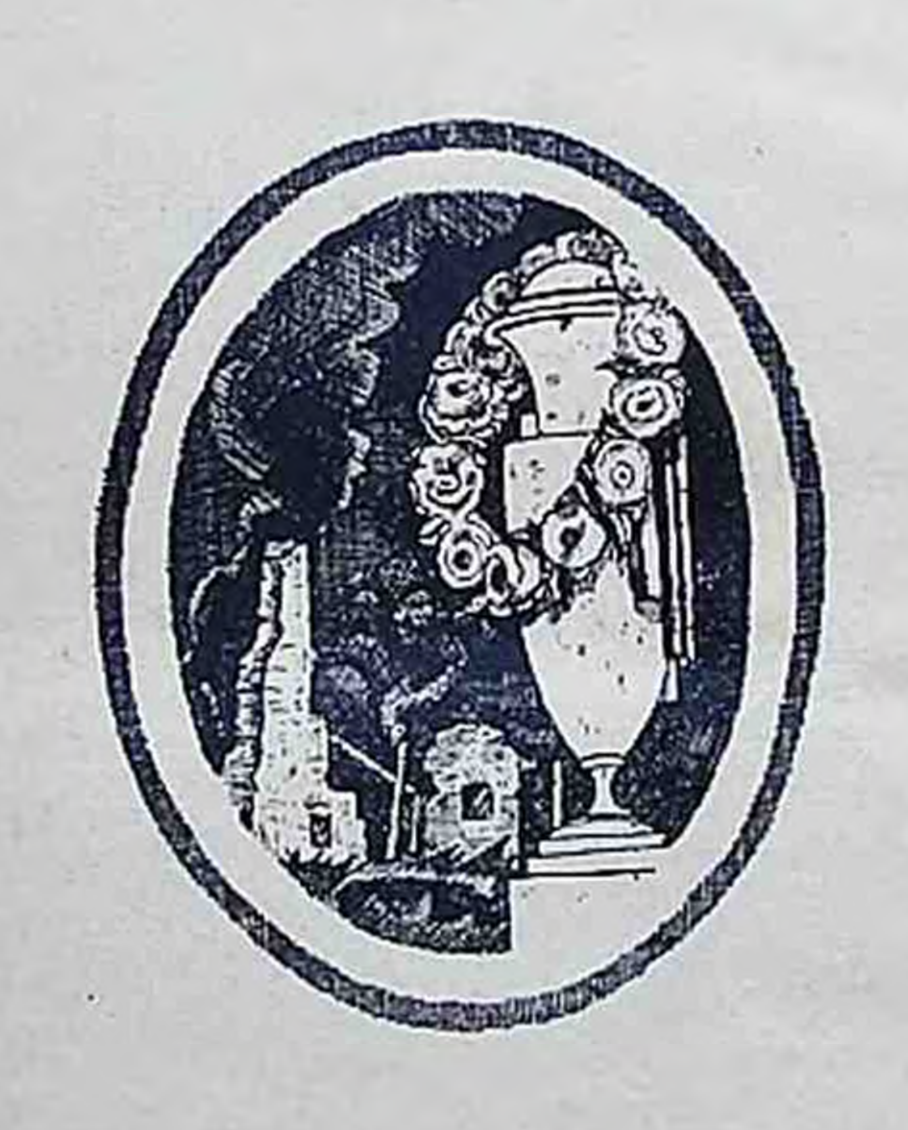
ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ

1918–1921

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ

1918—1921

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКЦ. ОБЩЕСТВО «ШКОЛА И КНИГА»
МОСКВА 1926.

Типография „Эмес"
Москва, Покровка 9.
Телефон № 2-72-14.
Тираж 5.000 экз.
Главлит № 71634.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемый краткий очерк погромной эпопеи 1918-1921 г. составлен три года тому назад на основании многочисленных материалов и документов по поручению Еврейского общественного комитета помощи погромленным (Евобщестком).

Наиболее важные из этих документов и иллюстраций к ним фигурировали еще в Москве летом 1923 г. на выставке, организованной Евобщесткомом.

К сожалению, по чисто техническим причинам выпуск альбома выставки задержался на несколько лет, и только теперь явилась возможность опубликования наиболее интересных материалов из обширной коллекции, хранящейся теперь в архивах быв. Евотдела Наркомнаца.

Текст к альбому также, как и подбор материалов принадлежит тов. З. С. Островскому.

Сентябрь 1926 г.

I

Общая картина погромного периода на Украине

ОГРОМЫ описываемого периода резко отличаются от предшествующих погромов царского периода целым рядом характерных штрихов.

Прежние погромы происходили в мирной обстановке, спокойно и тщательно подготовлялись царской охранкой, проводились в жизнь с некоторой опаской и оглядкой на цивилизованную Европу, где антисемитизм имеет скрытую форму. Погромы производились с таким расчетом, чтобы это не наносило серьезного ущерба торговле и промышленности и не нарушало нормального течения жизни.

Основная цель погромов была политическая: нужно было терроризовать еврейское население с целью отвлечь его пролетарские элементы от революционного движения и в то же время с той же целью возбудить чувства национальной розни и затемнить классовое самосознание еврейских и русских трудящихся масс. Такие погромы разыгрывались, как по нотам: все было заранее рассчитано и предусмотрено; исполнителями, или, в крайнем случае, застрельщиками, являлись всегда переодетые полицейские и шпики, черносотенцы и профессиональные хулиганы. Власть действовала скрыто: она только дирижировала и подавала сигналы к началу и прекращению погромов, при чем в нужную минуту беспорядки немедленно прекращались, и громилы так же внезапно исчезали, как и появлялись.

Совершенно иную картину представляли собою погромы описываемого периода: здесь власть не только организует, но и активно проводит эти погромы вооруженной силой. Мало того: еврейские погромы являются даже непременной частью военно-стратегической программы.

Что это именно так, в этом убеждает нас целый ряд строго по-военному организованных погромов, о которых речь будет впереди; об этом же свидетельствуют многочисленные официальные об'явления, приказы, прокламации, бюллетени и др. печатные матер иалы, пропитанные ядом безграничной ненависти к еврейскому народу без различия классов и групп.

Само собой понятно, что при таких условиях уже самый характер, размеры и темп погромов резко отличаются от предшествующих: здесь мы уже сплошь и рядом встречаемся не только с грабежами, но и с массовым истреблением еврейского населения, происходящим в различных местах в разных вариантах.

В одних случаях происходит поголовное истребление еврейского населения на дому при помощи ручных гранат и холодного оружия (как напр. в Елисаветграде, Проскурове, Умани и др.). В других случаях убивают одних только глав семейств (напр., в колонии Трудолюбовке и др.). Далее, вырезывается поголовно одно только мужское население без различия возраста (Тростинец и др.). Наконец, во многих местах убивают женщин, стариков, детей и больных, т.-е. всех тех, кто менее способен укрыться или убежать.

Но что особенно поражает в погромах описываемого периода, так это методичность, невозмутимость и хладнокровие, с которыми палачи проделывают свои величайшие жестокости и злодеяния.

Погромщики в сознании полной безнаказанности совершают свое кровавое дело, не спеша, со спокойствием и деловитостью обычных повседневных занятий. Убийства совершаются обыкновенно холодным оружием, колющим или режущим; огнестрельное же оружие или разрывные снаряды употребляются лишь в исключительных случаях.

До убийства или во время самого убийства применяются утонченные и жестокие пытки с целью издевательства над несчастной жертвой, а иногда и с целью вымогательства.

Чтобы понять характер издевательства палачей над беспомощными жертвами, достаточно указать, что в самые трагические моменты, когда кругом льется кровь и валяются груды трупов, а оставшиеся в живых и ожидающие своей горькой участи оглашают воздух нечеловеческими, безумными воплями,—в это самое время палачи и убийцы, выродки рода человеческого, поют и играют, упиваются горем и страданием своих жертв, заставляют этих несчастных петь и плясать, выполнять унизительные приказы и задания и т. п.

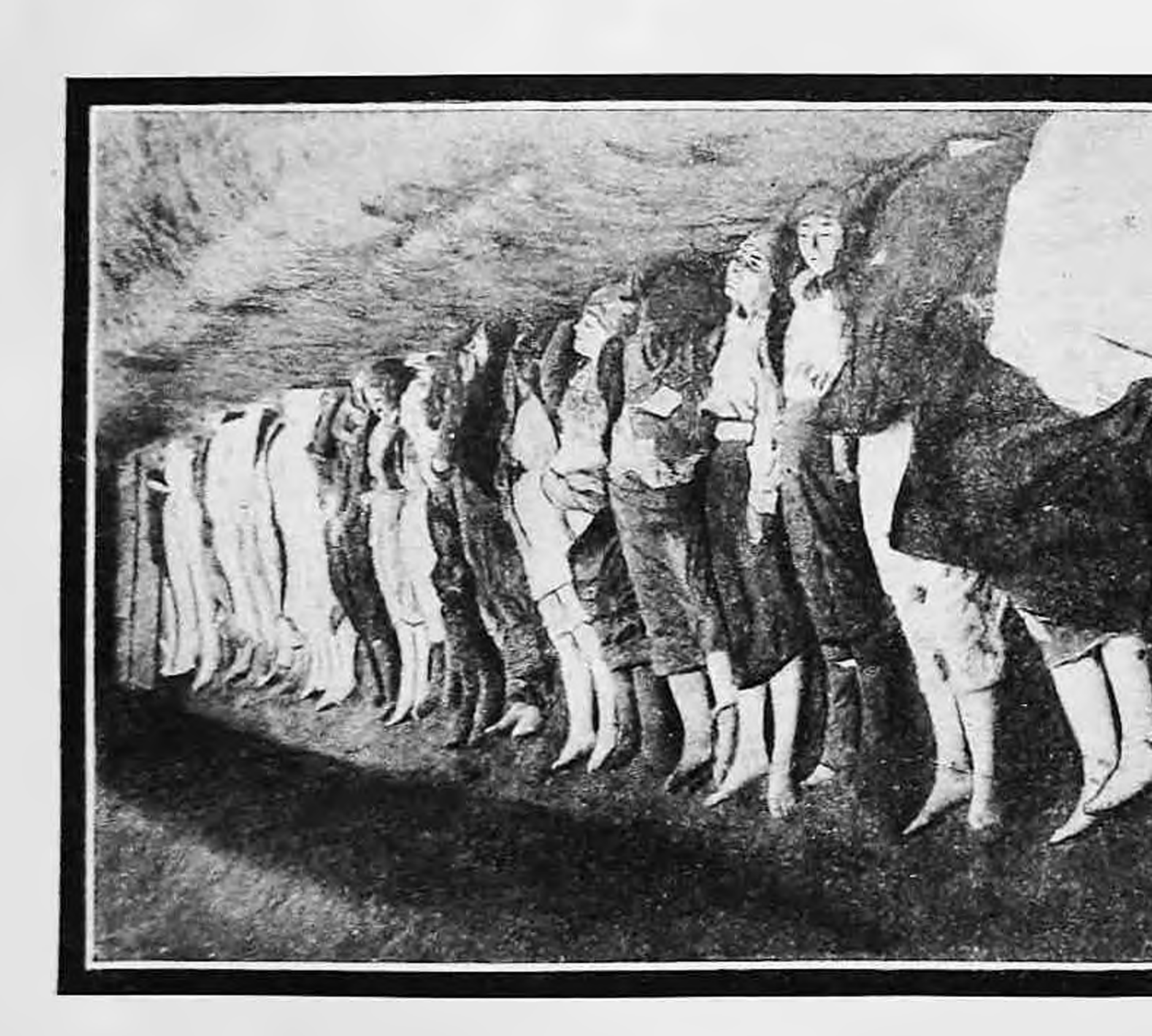
Что касается методов физической пытки, то следует отметить, во-первых, наиболее часто применявшееся, особенно деникинцами, прижигание огнем наиболее нежных органов, затем идет примерное повешение, с многократным извлечением из петли, далее следует медленное удушение веревкой, отрезывание отдельных членов и органов—носа, ушей, языка, конечностей и половых органов; выкалывание глаз, выдергивание волос из бороды, жестокая порка и избиение нагайками до полусмерти. Последние три вида пытки особенно широко применялись поляками в Белоруссии. Наконец, петлюровцами и бандитами еще практиковалось потопление в реках и колодцах, сожжение и погребение заживо... К числу пыток можно также отнести массовые насилия над женщинами, чаще всего — над подростками и совсем малолетними девочками, при чем все это цинично совершалось на глазах родителей и близких родственников. Несчастная жертва переходила в таких случаях из рук в руки, нередко тут же испуская дух. Выжившие от этой муки обыкновенно заболевали тяжкими венерическими болезнями и часто кончали самоубийством. Изнасилование особенно часто применялось деникинцами и нередко принимало характер массового бедствия, как, напр., в Екатеринославе, Киеве и других городах.

Как начинался погром?

Это зависело от того, кто являлся организатором его. Обычным, наиболее популярным поводом для деникинских и петлюровских военных погромов было наступление или отступление от какого-нибудь города, железно-дорожного пункта и т. д. под натиском Красной армии.

По установившейся белогвардейской „традиции“ в таких случаях непременно начиналась резня. При отступлении деникинцы и петлюровцы обвиняли евреев в шпионаже, предательстве, стрельбе из окон, связи с большевиками и т. д. и жестоко расправлялись с мирным еврейским населением, не щадя никого. Если же регулярные воинские части шли в наступление против большевиков, то для поощрения наступающих частей данный пункт заранее отдавался на несколько дней на поток и разграбление этим одичавшим, деморализованным ордам. Этот варварский прием применялся открыто и служил важнейшей приманкой и стимулом для наступательных операций белогвардейских армий. В тех же исключительных случаях, когда почему-либо неудобно было передать город на открытое разграбление, начинался, так называемый, „тихий погром“, который под покровительством высших властей продолжался неделями и даже месяцами, затихая днем и усиливаясь к ночи (напр. в Харькове, Киеве и др. местах).

Что касается бандитских погромов, происходивших в мирной обстановке в виде неожиданных налетов или возникавших на месте под влиянием провокации местных

Жертвы григорьевского погрома в Елисаветграде

Жертвы григорьевской резни в Елисаветграде летом 1919 г.

темных сил, то в этих случаях на сцену появлялись трафаретные, но достаточно веские „доводы": жиды—спекулянты, они прячут необходимейшие товары; они—враги христовы, осквернили, якобы, Киевскую лавру; они отравляют колодцы, нагоняют болезни; они там-то и там-то вырезали поголовно все христианское население; они стремятся захватить власть и господствовать; они все коммунисты и т. д.

Конечно, вся эта провокация преподносится устно и печатно услужливой рукой контрреволюции, при чем выступление приурочивается к базарному или праздничному дню, когда крестьянство из окружных деревень с'езжается в город или местечко.

Во всех перечисленных случаях обреченное еврейское население, неимеющее никакой возможности скрыться или уйти из этого адского кольца пыток и смерти, оказывалось в положении убойного скота, ожидающего, что каждую минуту будет над ним занесен нож убийцы.

Эта необычайная пытка ожидания казалась порою ужаснее самих погромов, и многие из обреченных, под влиянием психической подавленности с патологическим нетерпением ожидали начала резни, которая сулила им, во всяком случае, прекращение пытки ожидания и страха...

Многочисленные факты и документальные данные свидетельствуют о действительно активной и даже руководящей роли, которую петлюровская, добровольческая и польская армии сыграли в погромной вакханалии описываемого периода.

К сожалению, размеры настоящего очерка не позволяют нам использовать даже сотую часть того обширного материала, который хранится в архивах быв. Евотдела Наркомнаца и которым мы пользовались при составлении данной монографии. Мы вынуждены, поэтому, ограничиться только некоторыми наиболее типичными моментами, иллюстрирующими наше утверждение о роли всех организованных контрреволюционных сил в трагических событиях 1918—21 г.г.

Еще пресловутая украинская „Центральная Рада" ознаменовала последние дни своего существования погромными эксцессами, разыгравшимися в самом Киеве и в провинции. Такие же вспышки происходили затем и при „гетмане". Мы, однако, не будем останавливаться на них, ибо все эти вспышки были только предвестниками тех неслыханных ужасов, которые совершались на Украине позднее, в самый разгар упорной борьбы „Директории" с большевиками.

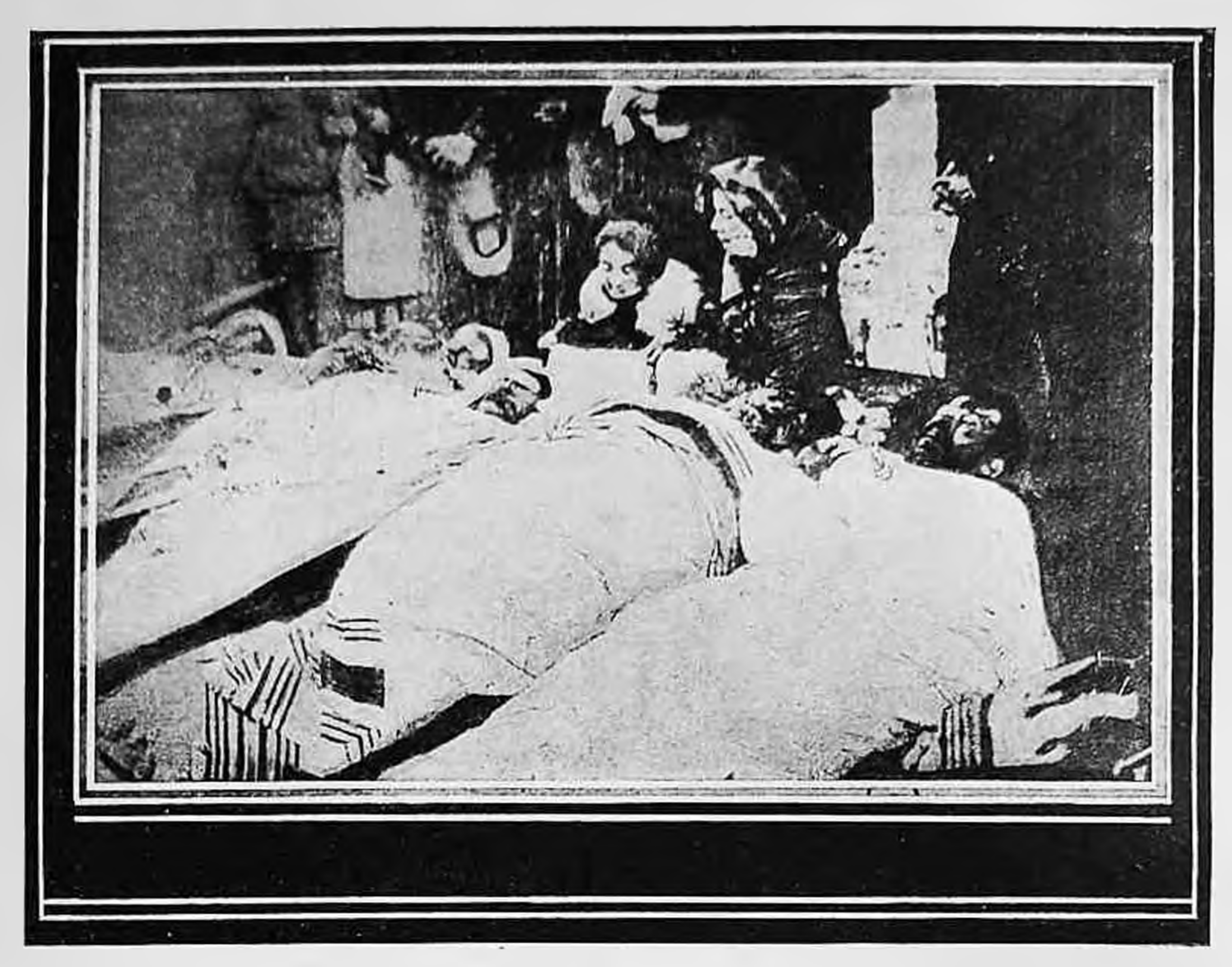
Этот период, известный под именем „Петлюровщины", представляет собой позорнейшую страницу в истории освободительного движения на Украине. Вся революционная фразеология, все „национально-социальные" иллюзии были выброшены за борт, как ненужный балласт, и реакционная сущность „Директории" предстала пред всеми в своей неприкрытой наготе...

■ ■ ■

Сподвижники Петлюры:

1. Атаман ШЛЯМА;
2. Атаман МАЦЫГА;
3. Атаман МИЛЯС;
4. Атаман ПАТАПЕНКО;
5. Атаман ПРОЦЕНКО;
6. Атаман ДЫНЬКА.

Жертвы петлюровского погрома в Житомире. (Март 1919 г.)

НАСТОЯЩИЕ кровавые погромы на Украине начались со второго периода отступления „Директории". Погромы происходили на глазах самой „Директории" и ее высшего командования. Так, например: Житомирский погром, устроенный регулярными воинскими частями и повлекший за собой 317 жертв в одном только городе, происходил на глазах самого „батьки" Петлюры, который посетил Житомир в разгаре резни, но ничего не предпринимал для ее прекращения. Полковник Захарчук, вступивший первым в Житомир, открыто заявил посетившей его делегации от Городской Думы, что „жидам не будет пощады", и эта угроза была им блестяще выполнена. Несколько позднее один из важнейших погромщиков, полковник Петров, цинично заявил чрезвычайной следственной комиссии (петлюровской), что армия шла на Житомир под лозунгом: „Бей жидов, бей коммунистов"...

Этот наглый ответ, данный чрезвычайной следственной комиссии, не помешал ему, однако, вскоре занять пост военного министра при „Директории".

А вот другой характерный штрих, проливающий яркий свет на отношение петлюровских властей к еврейским погромам. В феврале 1919 г., когда „Директория" находилась в Виннице, была послана туда делегация от Житомирской Городской Думы и других общественных организаций для выяснения вопроса о борьбе с погромными тенденциями местных властей. Одновременно прибыла туда для той же цели другая делегация из Бердичева. И вот, А. Ревуцкий, бывший тогда министром по еврейским делам при „Директории", устроил этим делегатам свидание с винницким командиром Каменко и старшинами тех гайдамацких „куреней", которые отличались своими погромными „подвигами" в Бердичеве, Житомире и др. городах. Необходимо отметить, что в числе присутствовавших находился сам атаман Палиенко, главный вдохновитель и руководитель этих погромов. По требованию Волынского губернского комиссара он

Зарубленные гайдамаками в Житомире при первом отступлении петлюровцев

Жертвы второго петлюровского погрома в Житомире

был арестован, как организатор погромов, но был немедленно затем освобожден и чувствовал себя национальным героем...

Беседа с первой же минуты приняла крайне обостренный и враждебный характер. Делегаты, готовившиеся к роли обвинителей, очутились вдруг на положении обвиняемых. Представитель высшего командования твердо и решительно заявил им, что ни о каких обвинениях по адресу армии не может быть и речи; что „курени“, учинившие погромы, являются „славой и гордостью“ украинской армии; что атаман Палиенко „лучший сын Украины“ и т. д., а генерал Ковенко, прославившийся своей погромной деятельностью и разгромивший, между прочим, профессиональные и рабочие организации Украины, с гордостью заявил делегатам, что он настоящий жандарм и ничуть этим не стесняется, что власть расправлялась, расправляется и будет расправляться со своими врагами, и что не дальше, как в эту же ночь, он повесит здесь же в Виннице 50 человек.

Легко себе представить, какое впечатление должна была произвести на делегатов эта встреча с палачами в самой столице „Директории“, куда они прибыли искать правды и справедливости. Эта беседа разрушила у них последние иллюзии насчет непричастия „Директории“ к кровавым ужасам, творившимся в стране. Все эти гайдамацкие атаманы, бравировавшие своими погромными подвигами, оказались достойными соратниками самого „головного атамана“—Петлюры, который на просьбы другой делегации—приостановить резню еврейского населения, ответил лаконически, но вполне выразительно: „Не ссорьте меня с моей армией!“.

Впрочем, не только военщина придерживалась погромной тактики, но и высшие гражданские власти открыто ориентировались на погромы, как на закономерный путь борьбы с большевизмом. Так, например, даже сам Виниченко, вождь Украинской соц.-демократии и глава Украинского правительства, в своей политической оценке положения не пошел дальше пресловутого Плеве. Когда делегация еврейских социалистических партий обратилась к нему с требованием прекратить резню еврейского населения, он вызывающе ответил, что еврейские погромы не могут быть приостановлены до тех пор, пока еврейская молодежь и еврейский рабочий класс поддерживают большевиков. Такой же точки зрения придерживалась вся официальная пресса, которая изо дня в день вела погромную агитацию против евреев и даже подтверждала свои выступления ссылками на всю прошлую историю Украины, из которой, якобы, видно, что „жиды всегда были на стороне врагов Украины“.

Люди, называвшие себя социал-демократами и революционерами, сознательно разжигали и выпячивали национальный момент за счет классового и неустанно вели демагогическую агитацию против „москалей“ и „жидов“, якобы, стремящихся подавить и закабалить „неньку“ Украину...

Если, таким образом, вся политическая и общественная атмосфера была насыщена чадом антисемитизма и чисто зоологического национализма, то неудивительно, что вся армия была проникнута погромным настроением, которое временами принимало острую форму психоза. Достаточно будет указать на то, что делегации из представителей политических и общественных организаций, выезжавшие навстречу Украинским войскам, для приветствия их при вступлении в Киев, Житомир и др. города, попадали в такую накаленную атмосферу ненависти и кровожадности, что им приходилось серьезно опасаться за свою жизнь*). Казаки открыто угрожали и похвалялись при вступлении в город вырезать все жидовское население. Что это не были пустые угрозы, видно из того, что сам Петлюра, при вступлении в Киев весною 1918 г. вынужден был по требованию особой делегации ввести свои гайдамацкие полки в Киев через нееврейскую часть города, чтобы не омрачить торжественную минуту неминуемой еврейской резней. Гайдамаки были так наэлектризованы предвкушением погрома, что эта мера предосторожности оказалась далеко не лишней.

Все это служит прекрасной иллюстрацией того, что в борьбе с большевиками погромы являлись одним из важнейших приемов, и что высшие гражданские и

*) М. Рафес. „На пороге контрреволюции“.

Жертвы деникинского погрома в Черкассах. Отрублены голова, правая рука и правая нога, левая нога отсечена ниже колен

Жертвы бандитского налета в Старове. Май 1921 г.

военные власти действительно являются непосредственными виновниками злодейств и насилий, учиненных над беззащитным еврейским населением.

Эта истина становится еще очевиднее, когда мы обращаем внимание на поразительные, хотя и очень редкие, случаи внезапной перемены курса: такие неожиданные обороты наступали иногда под давлением европейского общественного мнения, когда в Европу проникали слухи о кошмарных событиях, совершающихся на Украине. В таких случаях, точно по мановению волшебного жезла, атмосфера разряжалась и наступала кратковременная передышка, вслед за которой, однако, погромная вакханалия снова разгоралась с еще большей силой. Однако, здесь необходимо указать, что „Петлюровщина“ действовала не только через свои регулярные войсковые части, но и через свои многочисленные резервы, которые под флагом петлюровщины свирепствовали на Киевщине, Черниговщине, на Волыни, в Подолии, в Херсонщине и т. д.

Эти бандитские шайки имели даже известное преимущество в глазах Украинских „самостийников“, ибо задачу свою они выполняли не хуже Гайдамаков, а в то же время это были совершенно безответственные группы, за действия которых не приходилось отчитываться перед общественным мнением народных масс Европы и Америки.

Вот почему бандитизм так пышно расцвел под крылышком „Петлюровщины“, которая вооружала, снабжала и инструктировала его, поддерживая самую тесную связь со всеми разбойничьими атаманами и батьками.

Из всего сказанного вытекает с несомненной ясностью, что деятели Украинской контрреволюции во главе с самой „Директорией“ являются ответственными авторами, первопричиной неслыханных зверств, об'ектом которых было все еврейское население Украины. Эта властолюбивая банда шовинистов и контрреволюционеров беззастенчиво использовала исторически сложившуюся обстановку и пожертвовала жизнью и достоянием целого народа во имя своих эгоистических целей. Однако, беззаконная игра миллионами человеческих жизней окончилась трагически для самих игроков: они захлебнулись в море пролитой ими крови и были затем выброшены на свалочный пункт истории, как хлам и падаль...

Такая же судьба постигла вскоре и Деникина, и Врангеля, и всех тех, кто пытался повернуть обратно колесо истории.

■ ■ ■

БРИСОВАВ погромную физиономию „Петлюровщины“, мы коснемся теперь в общих чертах также и роли „Деникинщины“ в памятных событиях еврейских погромов на Украине. В этом смысле представляет собой огромный интерес известный „Меморандум“, врученный Деникину еврейскими общинами Екатеринослава, Харькова, Ростова и некоторых городов Таврической губернии.

Еврейские общины с глубокой горечью констатируют в означенном документе, что: „Вместо обещанного мира и правопрядка, который Ваше Превосходительство обещало, Добрармия принесла евреям грабежи и насилия со стороны солдат и в известных случаях недружелюбное отношение со стороны командования“... „Во всех местах, куда только приходит Добрармия, произошло и сейчас происходит систематическое более или менее окончательное уничтожение еврейского населения“...

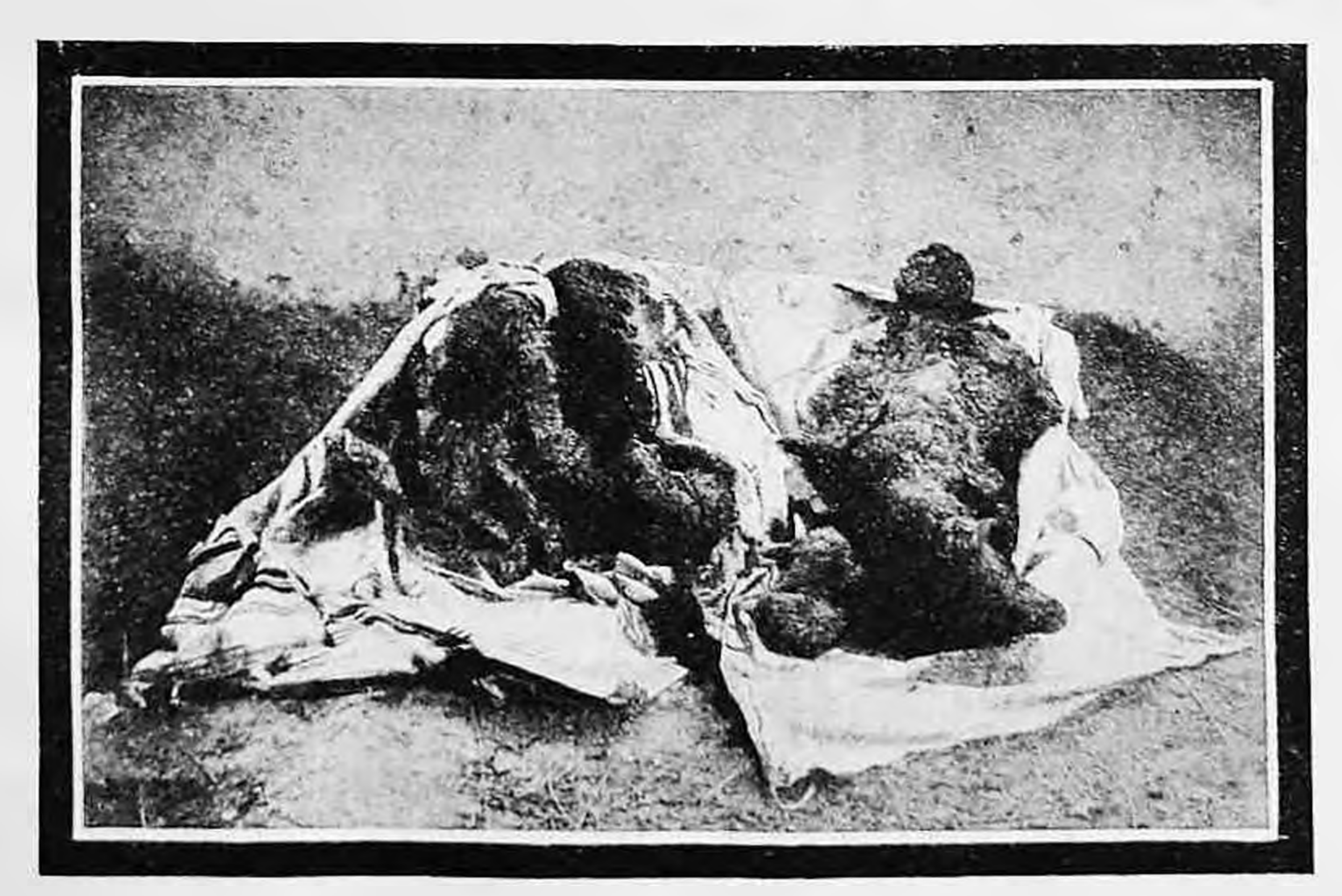
Надо иметь в виду, что эти общины представляли наиболее реакционные и угоднические слои еврейской буржуазии, весьма лойяльно относившиеся к Деникинской власти и отнюдь не питавшие никаких симпатий к большевикам. И вот, сколько ужасов должно было пережить еврейское население, чтобы даже самая трусливая и угодническая часть его отважилась на такой отчаянный шаг, как открытое обличение

Безвестная жертва петлюровщины: у несчастного заживо содрана кожа

Жертвы деникинских зверств. У одного отрублена кисть левой руки, пальцы на правой и изуродовано лицо. У другого — сильно изуродована левая рука

Жертвы петлюровского погрома в Тефнополе. Лето 1919 г. Заживо сожженные

Добровольческой армии в убийствах и грабежах, да при том еще бросить этот горький упрек в лицо самому диктатору-Деникину!

Ясно, что это была последняя ставка забитых масс еврейского населения, почувствовавшего, что все равно уже рисковать нечем, ибо стремительно катившийся „девятый вал“ контрреволюции грозил захлестнуть кровью все еврейство Украины.

Замученная, терроризованная и деморализованная непрерывными погромами, еврейская мелкая буржуазия готова была с радостью принять уже всякую власть, какая только могла бы, по крайней мере, гарантировать ей личную и имущественную безопасность.

В еврейском обывателе долгое время была крепка вера в Добровольческую армию, шедшую на смену разбушевавшейся Петлюро-бандитской стихии. Было известно, что Деникин действует по директивам и при материальной поддержке Антанты, и это обстоятельство придавало Добрармии особый вес и силу в глазах еврейского обывателя, который никак не мог себе представить, что крупнейшие и культурнейшие державы мира, в которых еврейская буржуазия играет видную роль,—что эти державы могут снабжать оружием, снаряжением и деньгами заведомых палачей и погромщиков... Еврейскому обывателю казалось, что весь вопрос только в „лойяльности“, в том, чтобы отмежеваться от большевиков. В этом отношении он, конечно, готов был пойти на все, ибо экономическая политика Советской власти в период военного коммунизма чрезвычайно болезненно отозвалась на еврейской мелкой буржуазии. И вот, еврейский обыватель снова берется за старые испытанные методы: начинаются депутации, встречи Добровольческой армии с хлебом-солью; начинаются подкупы, подарки, посылка делегаций, усиленное подчеркивание своей политической лойяльности и т. д. Но все это напрасно: Деникинская власть приносит еврейскому населению самые горькие разочарования. Погромная политика становится все более и более откровенной; пьяные казацкие и дикие чеченские орды свирепствуют во всю, и еврейское население попадает из „Петлюровского“ огня в „Деникинское“ полымя... Даже шум, поднятый заграничной еврейской прессой по поводу добровольческих зверств, не спасает положения, ибо погромная стихия является неот'емлемой частью реакции и контрреволюции.

Само собою разумеется, что и вышеуказанный „Меморандум“ не помог, и петля деникинских палачей все туже и туже стягивалась вокруг шеи еврейского населения. Резня, грабежи и бесчинства происходили повсеместно. Осведомительное агентство—„Осваг“ деникинского генерального штаба вело открытую антисемитски-погромную агитацию, рассылая провокационные телеграммы, бюллетени и воззвания.

Официозная пресса, руководимая таким выдающимся публицистом, как В. Шульгин, всячески одобряла подвиги белогвардейщины, подводя идейный базис под все эти кровавые деяния.

Так, например, в большой, талантливо написанной статье, помещенной в официозном „Киевлянине“ под заголовком „Пытка страхом“, В. Шульгин пишет: „По ночам на улицах Киева наступает средневековая жизнь. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинается душураздирающий вопль. Это кричат жиды. Кричат от страха... В темноте улицы где-нибудь появится кучка пробирающихся вооруженных людей со штыками, и, увидев их, огромные пятиэтажные и шестиэтажные дома начинают выть сверху донизу...

„Целые улицы, охваченные смертельным страхом, кричат нечеловеческими голосами, дрожа за жизнь... Это подлинный непритворный ужас, настоящая пытка, которой подвержено все еврейское население.

„Русское население, прислушиваясь к ужасным воплям, вырывающимся из тысячи сердец, под влиянием этой „пытки страхом“, думает вот о чем: научатся ли евреи чему-нибудь в эти ужасные ночи? Поймут ли они, что значит разрушать государства, которые они не создавали? Поймут ли они, что значит, по рецепту „Великого учителя Карла Маркса“, натравливать один класс против другого? Поймут ли они, что значит осуществить в России принципы „народоправства“? Поймут ли они, что такое

Опознание родственниками жертв Городищенской резни

социализм, из лона которого вышли большевики? Поймут ли они, что им теперь следует делать? Проклянут ли они теперь во всех синагогах и молельнях перед лицом всего народа тех своих соплеменников, которые содействовали смуте?

Покается ли еврейство, бия себя в грудь и посыпав главу пеплом, покается ли оно в том, что такой-то и такой-то грех свершили сыны Израиля в большевистском безумии?... Пред евреями стоят два пути: один путь — покаяния, другой — отрицания, обвинения всех, кроме самих себя. И оттого, каким путем они пойдут, зависит их судьба.

„Неужели же эта „Пытка страхом" не укажет им истинного пути?... (Курсив наш).

Еврейские трудящиеся массы ответили на это провокационное выступление массовым переходом на сторону Советской власти. „Пытка страхом" и погромный террор только усилили тягу еврейского пролетариата к коммунизму, и вместо всенародного покаяния, которого Шульгин требовал, еврейские массы, в особенности их рабочий авангард, усилили свою борьбу против кровавого режима — буржуазно-помещичьей клики.

Однако, эта гнусная статья все же произвела в свое время колоссальное впечатление на определенные слои не-еврейского населения и чрезвычайно усилила погромное настроение.

Чтобы оценить значение этой неслыханной по своей провокационной наглости статьи, нужно принять во внимание, что она появилась в печати в октябрьские дни, т.-е. именно в самый разгар киевских событий, когда в столице Украины, на глазах высшего командования и представителей союзных держав, свершались действительно средневековые ужасы. Офицерство и юнкерство поделили между собой город и спокойно, небольшими группами, обходили еврейские квартиры, учиняя убийства, грабежи и насилия над мирным населением. Описанный Шульгиным нечеловеческий крик и вопль обреченного еврейского населения ничуть не тревожили этих мародеров и палачей; они под'езжали на легковых и грузовых автомобилях к заранее намеченным домам, взламывали ворота и двери, врывались в квартиры, грабили, пытали, насиловали и убивали, при чем не только не стеснялись своим официальным положением, но, наоборот, бравировали своим благородным дворянским происхождением, подчеркивая свою воспитанность, свои „манеры", свои познания в языках и музыке...

Как это ни дико, но это установленный факт, что в самый разгар грабежа, когда обезумевшие от пытки и ужаса жертвы мысленно готовились к смерти, какой-нибудь офицер или юнкер вдруг невозмутимо садился за рояль и самым старательным образом исполнял бравурную песенку или сентиментальный романс. До такой виртуозности в пытке не дошли, кажется, и отцы „святой инквизиции".

На улице раздавались душураздирающие вопли о помощи; из каждого угла разграбленной квартиры веяло жутью и тоской, а белогвардейские рыцари старались быть „галантными" с дамами, говорили комплименты, подымали уроненные вещи и... тут же крайне бесцеремонно „обыскивали" женщин, а то и просто отводили несчастную жертву в спальню и совершали там свое гнусное дело...

О нравственном уровне этих дворянских „героев" можно судить по тому факту, что за приличную плату они нанимались охранять покой наиболее богатой еврейской буржуазии и не допускали к своим нанимателям ночных налетчиков.

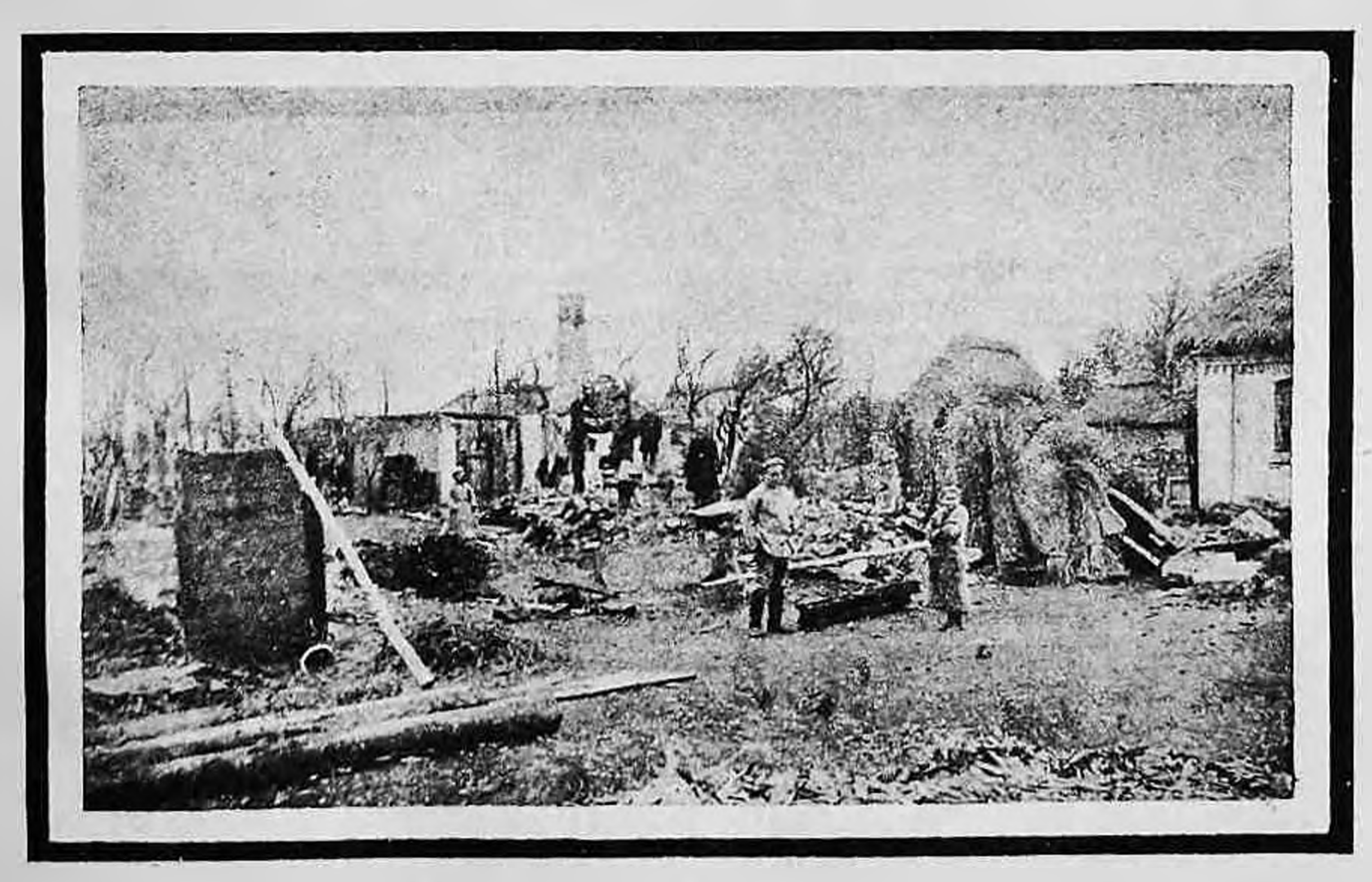
Таков был облик Добровольческой армии...

Повидимому, и сам Деникин был не особенно высокого мнения о своих доблестных соратниках; по крайней мере, в беседе с вышеупомянутой еврейской делегацией, подавшей ему „Меморандум", он довольно откровенно выразился по адресу своей армии, что это, мол, к сожалению, не идейные добровольцы, а простой сброд, и потому ничего хорошего от них и ждать не приходится...

Действительно, вся армия сверху донизу была отравлена шовинизмом, антисемитизмом и совершенно деморализована разбоями и грабежами. Вечные кутежи, беспросветное пьянство, зверские забавы, мародерство — все это пробуждало самые низменные

Развалины м. Богуслова, Киевской губ., разграбленного и сожженного погромщиками

М. Белиловка, Киевской губ. после погрома

Атаман Кваша в момент ареста

инстинкты, жадность и шкурничество, которые усиливались параллельно с увеличением обозов с награбленным добром, следовавших за армией.

Так изо дня в день гнила и разлагалась эта огромная и вначале столь сильная и дисциплинированная Добровольческая армия. Здесь проявились те же неумолимые законы истории, что и в отношении Петлюровской армии и разных других реакционных и контрреволюционных банд.

Мы видели, какую роль сыграли „деникинцы" в жизни украинского еврейства. Тем поразительней тот факт, что все эти неслыханные зверства и деморализация армии, шедшей под лозунгом „спасения родины и установления прочного правопорядка"—не встретили никакого осуждения со стороны какой бы то ни было из политических партий и групп, на которые опиралась деникинщина.

Эти политические и общественные круги не только не осуждали погромной и открыто-реакционной политики Деникина, но, наоборот, аттестовали его перед всей Европой, как истинного „демократа", и прославляли его, как спасителя отечества от большевистского ига...

Мало того, кадетская партия, являвшаяся тогда официальной правительственной партией и взявшая на себя всю ответственность за его политику, — эта партия на своей конференции, состоявшейся в Харькове 19/XI 1919 г., т.-е. в самый разгар погромной вакханалии, не нашла ничего лучшего, как взять „Добрармию" под свою защиту и в то же время довольно недвусмысленно пригрозить еврейскому населению ужасными последствиями, если оно не удержит свои революционно-настроенные элементы от активной поддержки большевистского движения.

„Российское еврейство должно понять, что если оно не станет определенно за полную и безусловную поддержку национальной диктатуры и „Добровольческой" армии, которые восстановляют русскую государственную жизнь, то для него нет спасения".

Таков подлинный текст принятой резолюции. Кадетская конференция, таким образом, стала вполне на идейную позицию от'явленного черносотенца

и монархиста В. Шульгина; тем самым подтвердила, что в борьбе против большевизма стерлись все грани между монархическими и буржуазно-демократическими группировками, для которых на первом плане стоит защита своих классовых интересов против общей опасности...

Мало того: в этом лагере защитников белогвардейщины и погромщиков оказалась и еврейская буржуазия. Представители крупной еврейской буржуазии, скрывшиеся за границу при первых раскатах Октябрьской революции, взяли на себя задачу реабилитации и защиты всех мародеров и погромщиков, погубивших несколько сот тысяч человек еврейской бедноты, разоривших свыше миллиона еврейского населения и пустивших по миру около 300.000 еврейских сирот.

Мы не будем здесь останавливаться на поведении еврейской эмиграции в лице Винаверов, Каменек, Гессенов, Биккерманов и других, открыто перешедших в лагерь заклятых врагов Советской России. Но мы не можем обойти молчанием активное выступление еврейских контрреволюционеров в защиту палачей и погромщиков.

Достаточно указать на известное выступление Пасманика на Парижской конференции русских монархистов и матерых погромщиков и на другое аналогичное выступление киевского еврея Марголина в роли представителя Петлюровского „правительства" на мирной конференции.

Украинская реакция не без задней мысли послала своего „жида" на мирную конференцию, где, естественно, должен был всплыть и вопрос о еврейских погромах. Посылка еврея для защиты интересов Украинской Петлюровской „Республики" должна была продемонстрировать „братские" отношения между украинским и еврейским „народами".

И. вот еврей Марголин, этот типичный представитель еврейских промышленных кругов, выполнил свою задачу не за страх, а за совесть: он не только защищал петлюровщину против обвинений в антисемитизме и организации еврейских погромов, но имел еще наглость обвинять большевиков в устройстве еврейских погромов с целью „дискредитирования" „Украинского Правительства"!

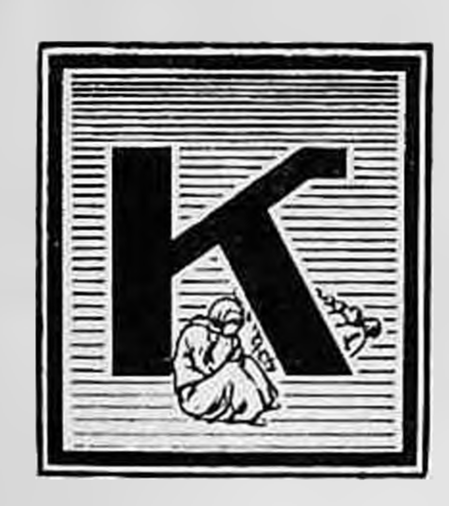
■ ■ ■

Польские зверства в Мозыре

II

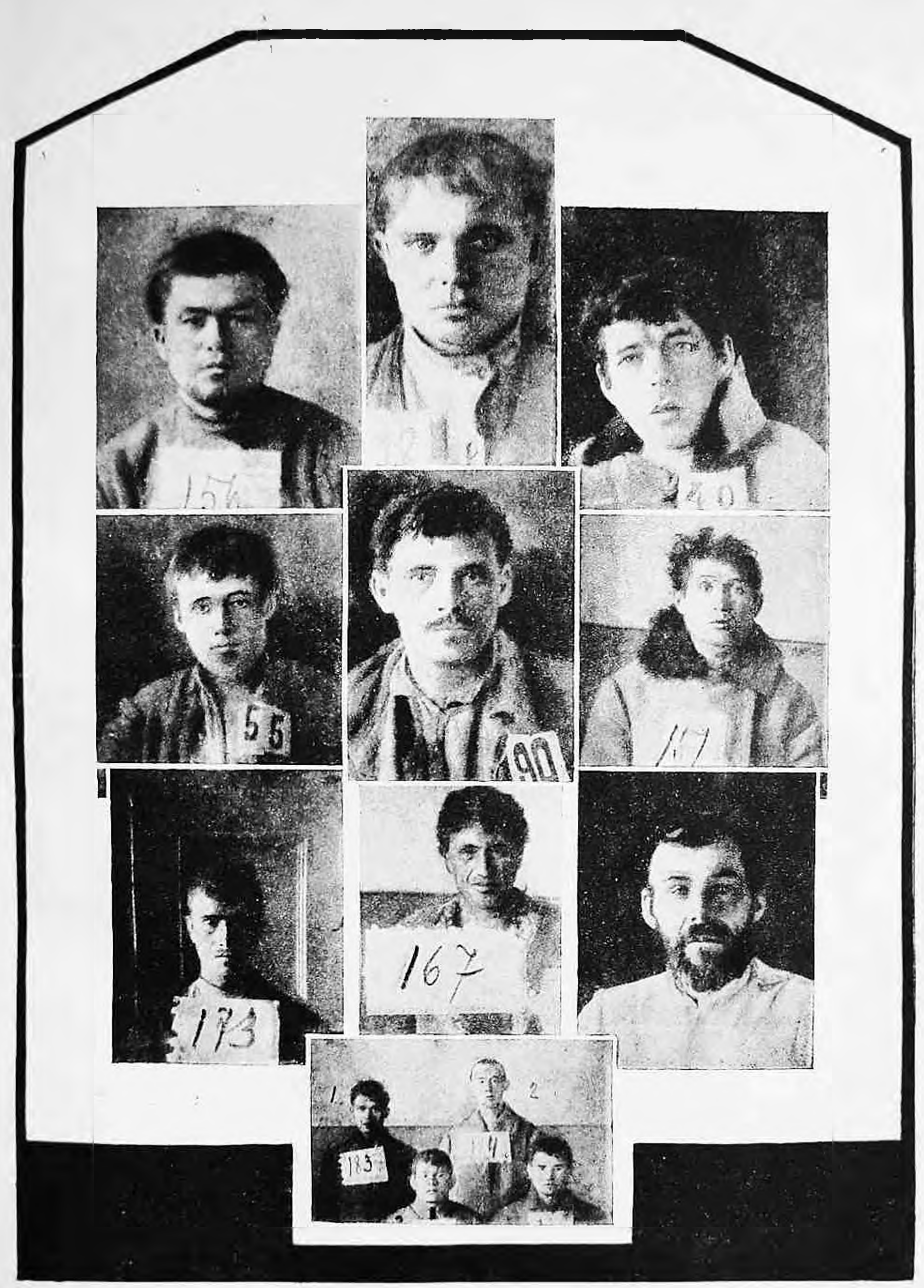
Погромы в Белоруссии

КОШМАРНЫЕ события, развернувшиеся на Украине на фоне гражданской войны, не могли, конечно, не отозваться рикошетом в примыкающей к Украине Белоруссии: то там, то здесь происходили погромные вспышки, и еврейское население жило в тревоге и страхе. Но так как здесь не было той специфически погромной кон'юнктуры, которая создалась на Украине в результате обостреннейшей внутренней борьбы политических групп, а главное — не было вооруженных контрреволюционных сил, то погромные настроения не принимали вначале угрожающих размеров и не выливались в такие резкие и чудовищные формы, как на Украине.

С вторжением поляков в Белоруссию, в августе 1919 г., картина изменилась: сразу началась кровавая вакханалия погромов, которая продолжалась около двух лет и нанесла местному еврейскому населению зияющие раны, не залеченные еще до сих пор.

Белорусские погромы по своему темпу и размаху делятся на 3 периода. Первый период—это период сравнительно „умеренных" погромов, устроенных непосредственно польской армией за 11 месяцев оккупации вплоть до отступления из Белоруссии.

БАНДИТЫ и АТАМАНЫ — БАЛАХОВЦЫ: Первый ряд: Захвалюк, Юрченко, Масейчук, он же Мушка.
Второй ряд: Полещук, Федюк, Змиевский.
Третий ряд: Подлесецкий, Затерко, Захарченко.
Группа: Макаровский, Струк, Купыльницкий, Грасевич.

Второй период—1920 г. отличается большей свирепостью и кровожадностью. Здесь уже подвизаются белогвардейские полчища Балаховича и Савинкова, которые с успехом подражают петлюровцам и деникинцам, применяя целиком их методы; наконец, третий период это—просто бандитизм, свирепствовавший в течение всего 1921 г. Но так как банды Булак-Балаховича, а также бандитские шайки фактически организовывались под рукой польского командования и получали от него снабжение, то все эти три погромные периода мы по справедливости должны поставить под одну общую рубрику: „польские погромы в Белоруссии".

Погромы первого периода отразили в себе специфически-шляхетское презрение к еврею и грубейшее издевательство над его национальным и человеческим достоинством, над его религией, культурой и всем его жизненным бытом. Прежде всего, поляки широко практиковали излюбленный прием срезывания или выдергивания бород у стариков евреев. Во многих местечках в ту пору почти нельзя было встретить еврея с несрезанной частью бороды. Это было своего рода позорным клеймом, по которому вельможная шляхта издали распознавала еврея. Бороду носили без риска и страха только особо почтенные евреи по особому на то разрешению властей. Этим самым была воскрешена мрачная страничка из средневековья.

Избиение нагайками широко применялось и принимало иногда характер совершенно массовый. Отмечены случаи массовых избиений, как, например, в деревне Ганевичи, Борисовского уезда, где в августе 1919 г. поляки учинили экзекуцию над еврейским населением, избив несчастных до полусмерти. Кощунство, осквернение предметов культа и издевательство над религиозными чувствами еврейского населения составляет также весьма характерный штрих польских погромщиков. Так, например, в местечке Титовке, в январе 1920 г., поляки заняли синагогу, устроили в алтаре клозет, кощунственно издевались над свитками торы и, наконец, совершенно разрушили синагогу до самого фундамента.

По субботам и в наиболее чтимые еврейские праздники поляки систематически мобилизовывали еврейское население для тяжелых и неприятных работ, при чем во время работ издевались над своими жертвами и избивали их прикладами и нагайками. Например, в Бобруйске, в день иом-кипур‘а (судный день), в 1919 году, все еврейское мужское население было выгнано из всех синагог и под конвоем отправлено за 8 верст от города для погрузки сена. По случаю поста евреи были в одних чулках, без обуви, но солдаты не позволили им обуться и всю дорогу осыпали их градом побоев. Сено находилось на топком, болотистом лугу, и евреям приходилось

Знаменитый атаман Орлик в тюремной больнице. Оперировал в Киевском районе

Круглые сироты—жертвы погромов, собранные в одном из детских домов в 1920 г.

бродить по колена в воде и оттуда носить сено к возам, которые были поставлены за полверсты от стога. Вся эта работа, как и многие другие, носили характер острого издевательства над еврейским населением.

Вот несколько ярких штрихов, характеризующих зверства и глумления польских солдат.

В местечке Глуске польские солдаты согнали ночью еврейское население для порчи и вырубки телеграфных столбов, причем солдаты немилосердно избивали всех нагайками и прикладами, заставляли их дотрогиваться до электрических проводов, запутывали их в проволоку, гоняли в поле для рытья ям, заставляли засыпать эти ямы и снова рыть: при помощи побоев вынуждали свои жертвы ложиться на-земь, подпрыгивать, маршировать, делать гимнастику, танцовать и т. д. до утра, а под конец, обобрав и ограбив до нитки, отпустили домой.

В другой деревне Мозырского уезда поляки подвергнули 11 евреев следующей мучительной пытке: они заставили несчастных пить воду и выпить без перерыва по целому ведру. Для этого они им всовывали палки в рот, искусственно вызывали рвоту и вновь заставляли их пить, затем, уложив всех на землю, покрыли досками и провели по ним несколько лошадей; наконец, натешившись вдоволь над жертвами, они нацепили им всем камни на шею и бросили их в Припять...

Случаи бессмысленной жестокости польских легионеров далеко не единичны. Так, например, в селе Березине, в августе 1919 г., поляки закопали живьем гражд. Залмана—фабриканта—по подозрению в большевизме; такая же ужасная участь постигла в Бобруйске семью гр. Геклера из 9 душ, заподозренных в коммунизме. Вся семья была арестована и затем бесследно исчезла. Совершенно случайно была впоследствии обнаружена яма, в которой нашли несчастных с размозженными черепами, переломленными конечностями и пр. Экспертизой установлено, что некоторые женщины из числа этих 9 жертв были зарыты живыми. В Мозыре среди бела дня в городском саду были поляками повешены три еврея по подозрению, якобы, в шпионаже. Несколько позже, при отступлении из Мозыря, без всякого повода были повешены на одной березе еврей и русский, при чем поляки заставили частных лиц под угрозой смерти помогать палачу.

Изощряясь в жестокости, издевательствах над еврейским населением, заносчивые паны додумывались до таких невинных забав, как привязывание стариков евреев к лошадиным хвостам или запряжка евреев в телегу вместо лошадей и езда на них по городу на потеху толпе. Нужно отметить, что подобная гнусность была, между прочим, проделана в Минске, в столице Белоруссии, где еврейский элемент составляет большинство населения и играет весьма видную роль в хозяйственной, политической и общественной жизни города.

Чтобы покончить с вопросом об издевательствах поляков над еврейским населением, следует еще указать на принуждение при помощи угроз и побоев танцовать, петь и кричать: „Да здравствует Польша!..“ Польские издевательства были до такой степени невыносимы, что многие предпочитали смерть и нередко обретали ее от рук польского мучителя...

Что касается квалифицированных погромных действий, то сюда относятся, главным образом, грабежи, поджоги и насилия над женщинами. В тех местностях, которые служили транзитными пунктами, грабежи продолжались беспрерывно втечение многих месяцев. В этом отношении поляки ничуть не уступали петлюровцам и деникинцам; они забирали не только одежду, белье и обувь, но также мебель; и даже домашнюю утварь, при чем все это открыто и организованно нагружалось на подводы, перекладывалось в вагоны и отправлялось в Польшу, а что нельзя было увезти, то уничтожалось тут же, на месте. Благодаря такому варварскому режиму польских оккупантов, еврейское население этих местностей разорилось до тла и совершенно обнищало. Особенно разорительны были многочисленные пожары, произведенные поляками в городах и местечках. Этот вандализм, имевший карательные и террористические цели, являлся крупнейшим бедствием для еврейского населения Белоруссии.

На кровавых подвигах Булак-Балаховича, равно как и на похождениях различных бандитских шаек, мы подробно остановимся в следующей главе. Пока же мы только

заметим, что эти прихвостни польской буржуазии выполняли свои задания не за страх, а за совесть, старательно копируя петлюровских и деникинских погромщиков.

Итак, общая картина погромного периода на Украине и в Белоруссии обрисовалась пред нами с достаточной ясностью. Для большей же полноты и законченности нам остается лишь коснуться еще вопроса об отношении к этим кошмарным событиям нееврейского населения в массе и в частности об отношении Советской власти к антисемитизму и погромщикам.

Многочисленные наблюдения самих пострадавших дают нам неопровержимые доказательства того, что отношение нееврейской массы населения к погромам было в общем безусловно отрицательное.

ГИРШ ТУРИ.

Начальник тетиевской еврейской самообороны. Весною 1919 года во время григорьевского погрома в м. Тетиеве Гирш Тури во главе своего отряда геройски отражал нападение григорьевцев и спас сотни людей от гибели. Однако, в последней схватке с бандитами он сам геройски погиб на посту начальника дружины

РОМАН ПЕРЕДЕРЯ.

Революционный деятель и стойкий защитник еврейских масс от погромов — крестьянин Волынской губ. В 1918 г., когда бандиты ворвались в Чуднов и, загнав евреев в синагогу, хотели их сжечь живыми, Передеря с опасностью для своей жизни спас евреев от неминуемой гибели. Погиб при втором набеге на Чуднов, защищав еврейское население

Не говоря уже о передовых слоях пролетарской и трудовой интеллигенции, можно утверждать, что и более культурная часть городского мещанства, а также значительная часть беднейшего крестьянства чутко реагировали на погромы и приходили на помощь погромленному населению в той или иной форме.

Чаще всего приходилось прятать обреченное население от свирепствовавших банд, и эта помощь нередко оказывалась еврейскому населению с риском для собственной жизни, ибо погромщики жестоко расправлялись с такими „жидовскими покровителями“. Среди погромных материалов имеются документы, свидетельствующие о самоотверженной деятельности отдельных влиятельных лиц, которым сотни евреев обязаны своим спасением. (Таковы, напр. Передеря, Верхола и др. См. III главу).

Если бы этого не было, то еврейское население было бы поголовно истреблено, а уцелевшая часть погибла бы от голода, холода и болезней.

Эти светлые проблески человечности вносили живую, бодрящую струю в отравленную атмосферу дикости и злодейства, насыщенную кровью и страданиями

трех миллионов людей. В минуты самого мрачного отчаяния затравленное и измученное еврейское население черпало в этом утешение и надежду на то, что не все еще потеряно и что с уничтожением контрреволюционных сил наступят лучшие времена. Мы уже знаем теперь, что эти надежды оправдались в полной мере. Торжество революции и победа Советской власти принесли спасение и братскую помощь измученному еврейскому населению Украины и Белоруссии, над которым в течение четырех лет висел Дамоклов меч об'единенной и сплоченной контрреволюции и реакции.

Советская армия многократно спасала еврейское население от поголовного истребления (Проскуров, Житомир, Елисаветград и др.). И потому мы видим, что из всех правительств и властей, сменившихся в период гражданской войны на обширной территории бывшей Российской империи — Советская власть была единственной властью, которую еврейское население встречало с искренней радостью, как избавительницу от страданий и смерти.

Советская власть не только не запятнала себя погромной политикой, но, наоборот, каждый раз в корне парализовывала малейшие антисемитские выступления. В этом отношении заслуживает особого внимания тот факт, что такие видные бандиты, как Махно, Григорьев, Струк и др., в бытность свою на стороне Советской власти не только не могли помышлять о погромах, но и не отваживались ни на какой шаг, который мог бы быть истолкован, как проявление антисемитизма.

То же следует сказать и относительно различных партизанских и казачьих частей, которые с момента перехода в ряды советских войск совершенно преобразовывались и быстро изживали свои погромные настроения. Прилагаемая здесь серия снимков осужденных и казненных руководителей погромных банд свидетельствует о том, что железная рука пролетарского правосудия беспощадно и сурово покарала всех действительных мародеров и погромщиков, прислужников российской и международной реакции.

Попытка главных вождей и вдохновителей погромных банд — Петлюры, Махно, Балаховича и Савинкова скрыться от справедливого возмездия под крылышком польской шляхты, румынских бояр, окончилась для некоторых из них неудачно. Савинков был, в конце-концов, арестован на советской границе, осужден и заключен в тюрьму, где он и покончил самоубийством, поняв весь ужас своего падения и полной отверженности. Петлюра пал на улице Парижа от руки украинского эмигранта Шварцборда, добровольно взявшего на себя роль судьи и мстителя за море невинной крови, пролитой этим бандитским атаманом. Несомненно, что и остальных беглецов постигнет такая же судьба: вездесущая немезида настигнет этих палачей и мучителей, нашедших гостеприимный приют у французской и польской буржуазии.

Зверства балаховцев. Женщина с размозженной головой, вырезанной грудью и отсеченной рукой

Жертвы деникинского погрома в м. Смеле, Киевской губ. (Сентябрь 1919 г.)

III

Отдельные погромы и трагические эпизоды

УКРАИНА

Овручский погром

КОНЦЕ декабря 1918 года в Овруч вступил петлюровский отряд под начальством атамана Козырь-Зирки, ярого националиста и шовиниста. Этот типичный украинский мелкобуржуазный интеллигент, кичившийся своей образованностью и из'яснявшийся на литературнейшем украинско-галицийском языке, ознаменовал, однако, свое пребывание в Овруче целым рядом диких бесчинств и издевательств над евреями и под конец учинил настоящую резню. Уже через несколько дней после его прибытия в Овруч начался погром, который в первые два дня погубил свыше двадцати жертв. Отдельным лицам из наиболее состоятельного класса удалось откупиться крупными суммами, которые были внесены лично атаману вместе с таким же крупным „пожертвованием" на армию. Под влиянием этого подношения Козырь-Зирка на время приостановил резню. Однако, эта передышка длилась недолго, и 16-го января 1919 года, накануне отступления из Овруча под натиском советской армии, Козырь-Зирка со своими молодцами устроил „прощальный" погром, во время которого петлюровцы охотились за людьми, как за зверьми. Всех пойманных уводили на вокзал, и там их расстреливали. В результате короткого хозяйничания этого украинского патриота в Овруче оказалось 80 слишком убитых и замученных, свыше 1200 разграбленных домов и совершенно обнищалое население в несколько тысяч человек.

Груда тел на одной из улиц в г. Овруче после резни, учиненной петлюровцами в январе 1919 г.

Жертвы деникинского погрома в Фастове. (Сентябрь, 1919 г.)
Погребение груды жертв и костей, собранных по разным углам

Атаман Самосенко, петлюровец, герой проскуровской и фельштинской резни, во время которой гайдамацкий отряд с атаманом во главе, в полном боевом порядке и с оркестром музыки пошел в город и в течение четырех часов зверски перебил холодным оружием свыше 1600 человек (снимок сделан в проскуровской больнице, где Самосенко лечился от сифилиса)

Проскуровская резня

Проскуровский погром представляет собою яркую картину „петлюровщины", ознаменовавшей свое существование рядом кровопролитных антиеврейских выступлений. До начала 1919 года в Проскурове было тихо, но затем, с вступлением в город Запорожской казачьей бригады имени атамана Петлюры, а также третьего гайдамацкого полка, настроение в городе стало тревожным и напряженным. По всему видно было, что комендант города Киверчук и атаман запорожской казачьей бригады Самосенко что-то затевают, но не было ясно, в какую форму это может вылиться. Погромщики же только ждали удобного момента. По роковому стечению обстоятельств местные революционные элементы, опиравшиеся на большевистски настроенные части местного гарнизона—15-й Белгородский и 8-й Подольский полки,—задумали поднять восстание против власти „Директории". Это и послужило удобным предлогом к резне, которая втихомолку подготовлялась еще ранее. Восстание вспыхнуло 15 февраля рано утром, но через несколько часов оно было подавлено. Восставшие части под натиском превосходных сил противника отошли по направлению к Фельштину и к местечку Ярмолинцы. Тогда атаман Самосенко собрал весь гайдамацкий полк на вокзале и устроил для него по случаю „победы" торжественный обед с обильной выпивкой. За обедом Самосенко выступал перед охмелевшей аудиторией с пространной речью на тему о тяжелом положении Украины и о том, что самым опасным и непримиримым ее врагом, а также опаснейшим врагом всего казачества являются жиды, которых, поэтому, следует вырезать и уничтожить до единого. Эта погромная речь встретила глубокое сочувствие среди гайдамаков, которые по требованию атамана Самосенко тут же торжественно поклялись вырезать всех жидов, не тронув, однако, их имущества. Эта клятва была произнесена перед полковым знаменем и создала особое приподнятое настроение. После этого весь гайдамацкий полк, построившись в ряды, в полном боевом снаряжении, с оркестром музыки и особым санитарным отрядом торжественно направился с вокзала в город, где и перегруппировался в небольшие отряды по пять или десять человек. По данной команде отряды организованно и стройно принялись за дело. Население ничего не знало и не было совершенно подготовлено к этой катастрофе. И так как, согласно данной клятвы, убийства должны были производиться исключительно

Жертвы петлюровского погрома в Проскурове. Февраль 1919 г.

холодным оружием, то вначале даже соседи не знали о том, что происходит в ближайших домах и квартирах. Гайдамаки спокойно и не торопясь переходили из дома в дом и там, сразу накинувшись на обезумевших от страха и неожиданности жителей, резали, рубили, кололи всех попадавшихся им без разбора пола и возраста, обнаруживая при этом поразительную и совершенно не свойственную им стойкость в отношении грабежа еврейского имущества. Ни в одном доме палачи ничего не тронули, но зато они самым тщательным образом разыскивали спрятавшихся евреев по чердакам, сараям, погребам, бросая туда на всякий случай ручные гранаты и бомбы. Эта неслыханная по своей обдуманности и жестокости резня продолжалась четыре часа сряду, втечение которых было истреблено свыше 1600 человек. Рассвирепевшие гайдамаки намеревались выполнить свою клятву до конца и уничтожить все еврейское население Проскурова, но тут вмешался проскуровский комиссар Таранович, который совершенно не знал о замысле и уговоре атамана Самосенко с комендантом Киверчуком. Таранович немедленно снесся по телеграфу с командиром корпуса, который приказал Самосенку немедленно приостановить погром. По данному сигналу резня была приостановлена, при чем гайдамаки собрались в заранее условленное место, построились в колонны и с музыкой и песнями отправились на вокзал в свои вагоны, как будто они выполнили в высшей степени важное военное задание.

Однако, разбушевавшаяся стихия не скоро улеглась, и после этого еще продолжались частичные эксцессы и убийства.

Приостановив погром в Проскурове, Самосенко направил тотчас же своих гайдамаков в соседний город Фельштин, где одновременно с Проскуровом произошло также большевистское выступление. Гайдамаки повторили в Фельштине свое кровавое дело и втечение нескольких часов зверски перебили и замучили около 600 человек. Из „героев" проскуровской резни следует отметить врача Сорокина, который собственноручно убивал и пытал несчастные жертвы, попадавшие в его руки. После окончания погрома, когда палачи подводили итоги устроенной ими кровавой тризны, этот врач-бандит цинично похвалялся тем, что

Жертвы петлюровской резни в Проскурове. Февраль 1919

Жертвы петлюровского погрома в Проскурове. Февраль 1919 г.

он собственноручно убил еврейскую девушку поразительной красоты, на которую не поднялась рука ни одного гайдамака... В противоположность этим извергам необходимо отметить самоотверженную деятельность комиссара Тарановича и особенно гласного Проскуровской думы гражданина Верхолы, который с явным риском для собственной жизни смело и решительно выступал в защиту еврейского населения, изобличал Самосенко в погромах и убийствах и своим энергичным вмешательством оказал весьма ценную помощь еврейскому населению Проскурова.

Жертвы гайдамацкой резни в Фельштине, Подольской губ. Февраль 1919 г.

Эпизод на станции Бородянка

23-го февраля 1918 года станция „Бородянка“ была захвачена гайдамацким отрядом во главе с самим Петлюрой. Гайдамаки по своему обыкновению бросились в местечко, якобы, искать оружие, при чем под угрозой расстрела всего еврейского населения потребовали выдачи определенного количества винтовок, пулеметов и пр. Никакого оружия, конечно, у населения не было, и тогда евреи со всего местечка во главе с раввином собрались в главной синагоге, оделись в молитвенные облачения и начали торжественно клясться, припадая к земле, воздымая руки к небу, призывая в свидетели самого бога, что никакого оружия у них нет. Это было жуткое средневековое зрелище. Сотни людей, одетые в молитвенные облачения, со свитками „торы“ на руках, стояли на коленях, клялись и молили о пощаде, но потрясающая картина, однако, не тронула свирепых гайдамаков, и только значительная сумма денег, собранная среди обреченных, спасла их от смерти. В это время сам „головной атаман Петлюра“ находился на вокзале и, зная об этом варварстве, предавался отдыху в своем салон-вагоне, ничуть не тревожась за судьбу еврейского населения, отданного им на милость гайдамаков.

Деникинский погром в Черкассах. Опознавание родственниками убитых среди груды тел на кладбище

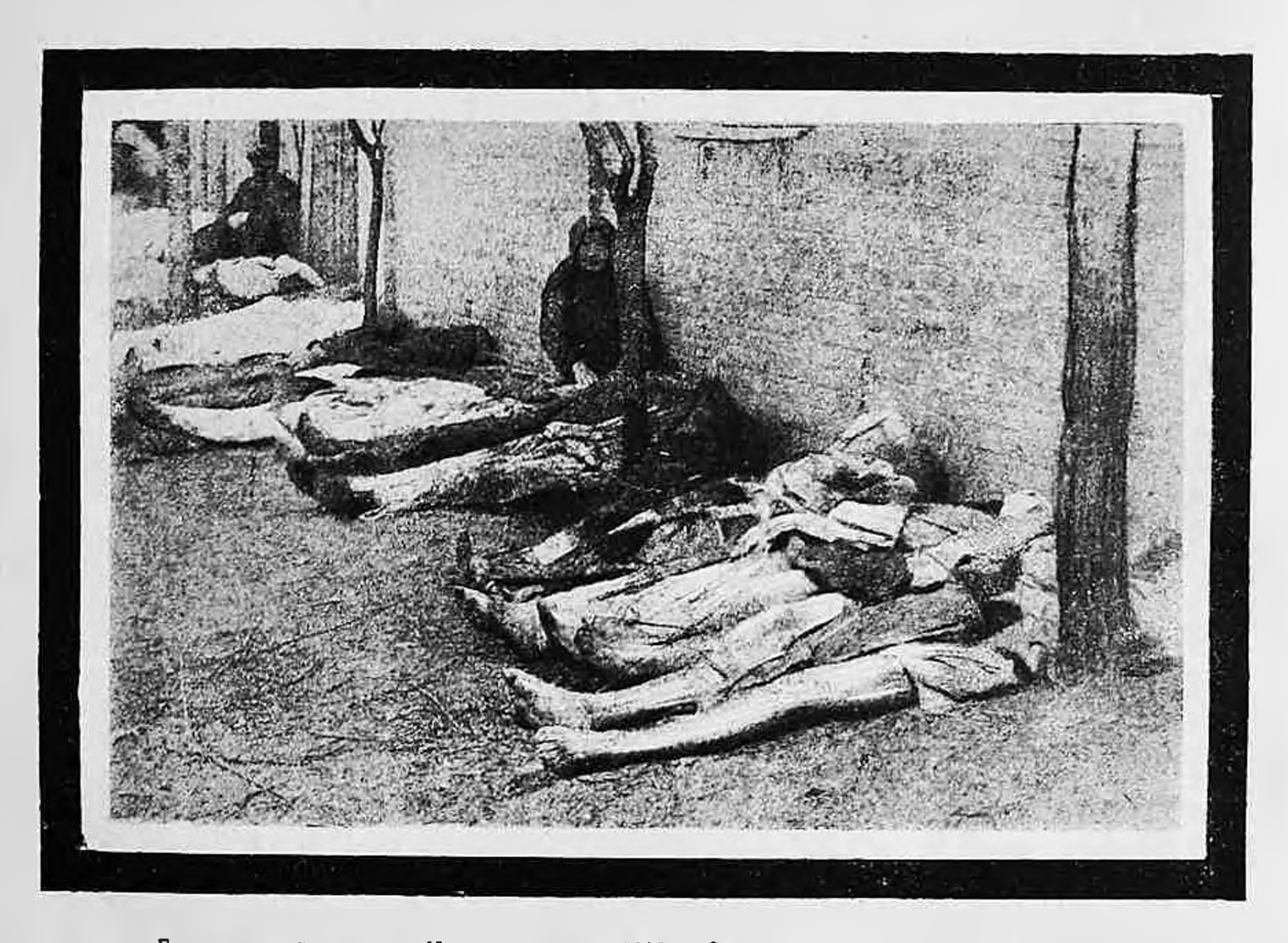
Полтавский эпизод

Весьма характерный эпизод из времен разгула петлюровщины произошел в Полтаве. Гайдамаки хватали на улицах евреев, доставляя их в помещение военного училища, где несчастные подвергались мучительным истязаниям, издевательствам и пыткам. Между прочим, арестованные подвергались телесным наказаниям — до 200 шомпольных ударов, при чем их заставляли кричать „Хай живе вильна Украина“.

Только после выступления в печати покойного В. Г. Короленко эти безобразия и зверства были прекращены.

Глуховский эпизод

Во время Глуховского погрома произошел следующий потрясающий эпизод: в одной еврейской квартире погромщики убили трех сыновей на глазах матери. Ее самое не тронули и только приказали ей приготовить к следующему дню обед. Несчастная женщина, повинуясь приказу, приготовила обед для убийц ее сыновей. На следующий день палачи к назначенному часу действительно пришли и, как ни в чем не бывало, сели за обед, забавляясь самыми невинными разговорами. Эта пытка с обедами и беседой продолжалась несколько дней до самого ухода бандитов из города.

Григорьевский погром в Черкассах, летом 1919 г. Родные у трупов своих родственников

Погром в Смеле

16-го марта 1919 года среди белого дня григорьевская банда ворвалась в Смелу и принялась убивать и грабить. Всех встречных евреев арестовывали и направляли на вокзал, где их помещали в товарные вагоны. Через некоторое время эти вагоны были вывезены за город, и там, в поле, несчастных пленников стали выбрасывать из вагонов, посылая им в догонку по несколько пуль. В течение короткого времени на линии железной дороги в лужах крови валялись 42 бездыханных трупа.

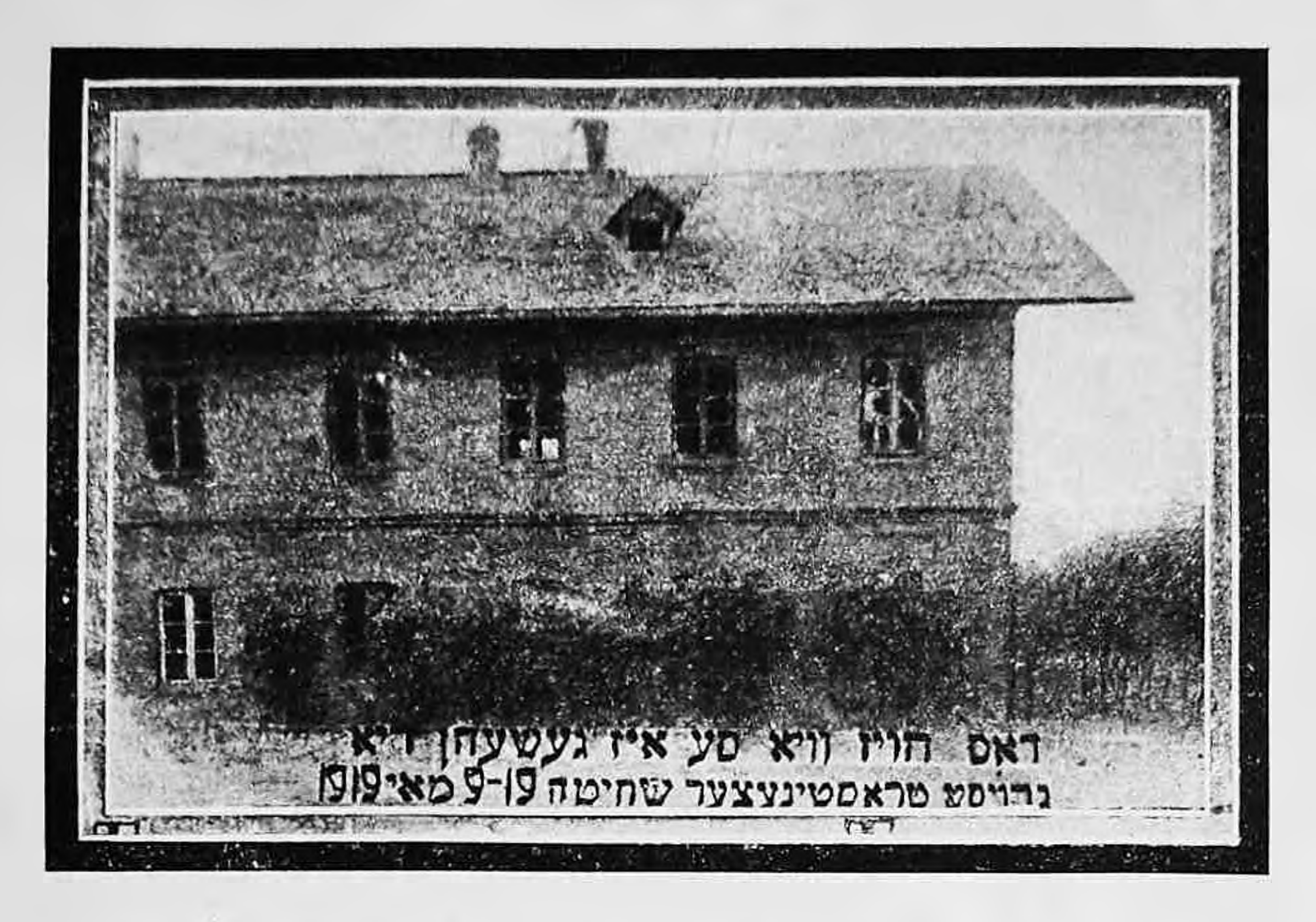

Зверства махновцев в Александровске летом 1919 г. Замученные пыткой

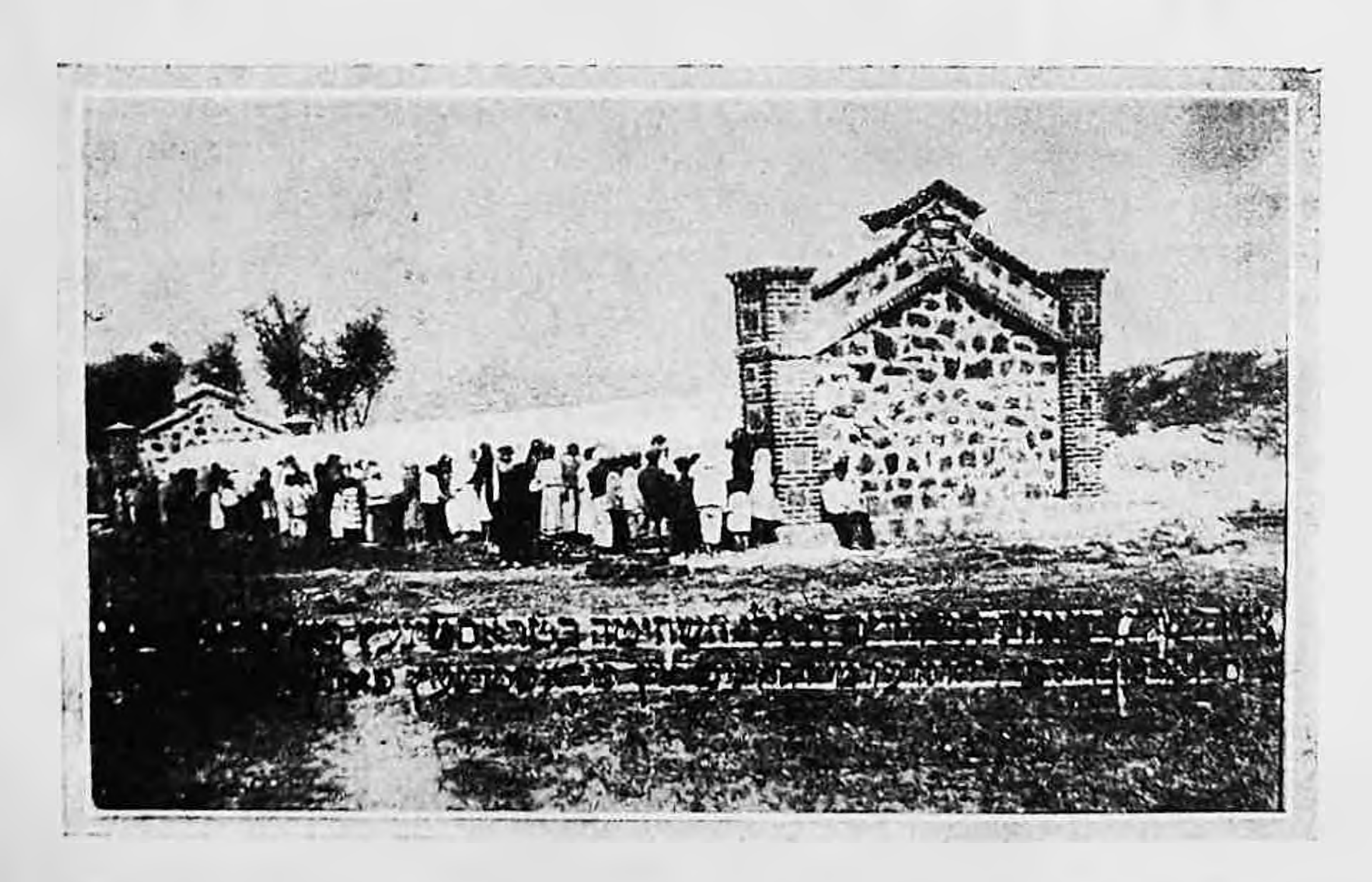
Кровавая бойня в Тростинце

9-го и 10-го мая 1919 года петлюровские банды, ворвавшись в Тростинец, принялись хватать и арестовывать еврейское мужское население. За это время ими было задержано около 400 человек различного возраста, которых заперли в помещение местного военного комиссариата. Никто не знал, какая участь ожидает несчастных пленников, но чувствовалось, что предстоит нечто ужасное. Действительно, начались какие-то жуткие приготовления. Десятки здоровенных бандитов принялись копать огромную могилу в 35 аршин длины и несколько аршин ширины. Эта работа тянулась мучительно долго, вызывая тревогу у населения, а тем временем 400 человек голодных, измученных, стиснутых в небольшом помещении, запертых в душных комнатах, без воздуха и без вентиляции, страдали и томились в предсмертных муках без проблеска надежды на спасение. Эта жестокая пытка тянулась 30 часов, пока, наконец, не наступила развязка. Орда вооруженных людей по сигналу окружила комиссариат, ворвалась в помещение, и началась кровавая резня. Сотни озверелых погромщиков с остервенением накинулись на пленников с ножами, топорами, ломами и прочими орудиями смерти, беспощадно убивая каждого попавшегося под руку. Не довольствуясь этим, бандиты забросали помещение комиссариата бомбами и гранатами, превратив десятки людей в груду окровавленного мяса. Резня продолжалась довольно долго. так как уничтожить холодным оружием четыреста человек — дело не легкое. Но „работа“ все-таки производилась с неослабевающим рвением, пока все были перебиты и истреблены. Душураздирающие крики терзаемых и убиваемых не производили на убийц ни малейшего впечатления, и они еще с большим ожесточением накидывались на свои жертвы, упиваясь их кровью и муками.

Только тогда стало ясно, для чего понадобилась гигантская могила. Убийцы свезли свои жертвы и побросали их в яму, и эта просторная общая могила поглотила 400 мучеников, над которыми теперь возвышается своеобразный мавзолей. Это — своего рода новая „Стена плача“, к которой в известные дни население приходит поплакать и вспомнить кошмарные минуты пережитого. Всего погибло в Тростинце до 500 чел.

Дом в Тростинце, где произошла зверская расправа над беззащитными жертвами петлюровской банды. Май 1919 г.

Братская могила четырехсот жертв петлюровского погрома в Тростинце. Май 1919 г.

Уманьский погром

12-го мая 1919 года, после эвакуации Умани советскими войсками, сильный отряд повстанцев-партизан ворвался в город и начал бесчинствовать. К ним присоединился преступный элемент, выпущенный из мест заключения, а также и мещанство, черносотенное чиновничество и некоторые лица из местного духовенства. Погромная агитация достигла высшего напряжения. 13-го мая наэлектризованная толпа бросилась в еврейские квартиры и принялась убивать, резать, грабить и жечь. Наряду с этим в городе шли массовые аресты и расстрелы. Таким образом, в первый же день погрома погибло около 150 человек. Несмотря на то, что к вечеру того же дня был организован „штаб", который принял на себя власть в городе, погром все-таки возобновился на следующий день — 14-го мая с новой силой, и в тот день было зверски убито еще 200 человек. Один из главных застрельщиков погрома, украинский эс-эр Клименко, назначенный комендантом Умани, выпустил во время погрома несколько приказов и прокламаций, в которых население извещалось о свержении „жидовской" власти в городе. Понятно, что подобные официальные приказы только подливали масла в огонь и поощряли все черносотенные и контрреволюционные элементы к дальнейшим грабежам и убийствам.

Необходимо отметить издевательство, которому подверглось измученное население уже после официального прекращения погрома, когда было приказано похоронить всех убитых. Во время этих похорон озверелые банды, забравшись на кладбище, забавлялись безысходным горем близких и родных, явившихся на погребение. Под угрозой расстрела они запрещали плакать, заставляли родственников убитых петь и плясать, а сами распевали веселые песенки и наигрывали на гармониках...

По приблизительным данным, за два дня было истреблено до 400 человек разного пола и возраста, начиная от младенцев и кончая немощными стариками. Много трупов оказалось изуродованными, с отрезанными конечностями, выколотыми глазами, отрезанными носами и ушами и вырезанными грудями. Нужно отметить еще организованный бойкот еврейского населения со стороны наезжего зажиточного крестьянства и местных торговцев. После похорон жертв погрома в течение продолжительного времени местные торговцы и приезжее крестьянство отказывались наотрез продавать еврейскому населению какие бы то ни было продукты и товары, поставив, таким образом, его уцелевшую часть под угрозу голодной смерти. За точным соблюдением этого бойкота учрежден был особый надзор, и многие из крестьян и торговцев за несоблюдение бойкота подверглись суровому наказанию.

Махновская банда в походе

Жертва петлюровщины. На груди штыком вырезана надпись: „ризав гайдамака"

Жертва бандитского налета на м. Козчицы Бобруйского уезда. Июль 1919 г. Смертельная рана на голове

Жертва бандитского погрома в Копоткевичах, Бобруйского уезда. Женщина пыталась защитить ребенка, которого она держала на руках, но бандит сабельным ударом отсек у матери кисть правой руки, нанес глубокую рану на левой руке и убил младенца

Ротмистровский погром

Ротмистровка тяжело пострадала от погромов 13—14 мая 1919 г. Около 60 домов и много лавок было сожжено и разгромлено. Убито 45 человек, много тяжело раненых. Здесь, как и во многих других местах, еврейское население без разбора пола и возраста было собрано и заперто в синагоге. Это делалось для того, чтобы без лишних хлопот можно было покончить с еврейским населением, а затем приняться за разграбление имущества. В течение долгих часов 1.200 запертых в синагоге человек кричали и вопили в безумном отчаянии о помощи, задыхаясь от недостатка воздуха и ожидая с минуты на минуту страшной неминуемой гибели. И только простая случайность спасла обреченных от смерти.

Братская могила 13 жертв балаховичской банды в м. Копоткевичи, Бобруйского уезда. У всех тринадцати жертв вырезаны половые органы

Елисаветградский погром

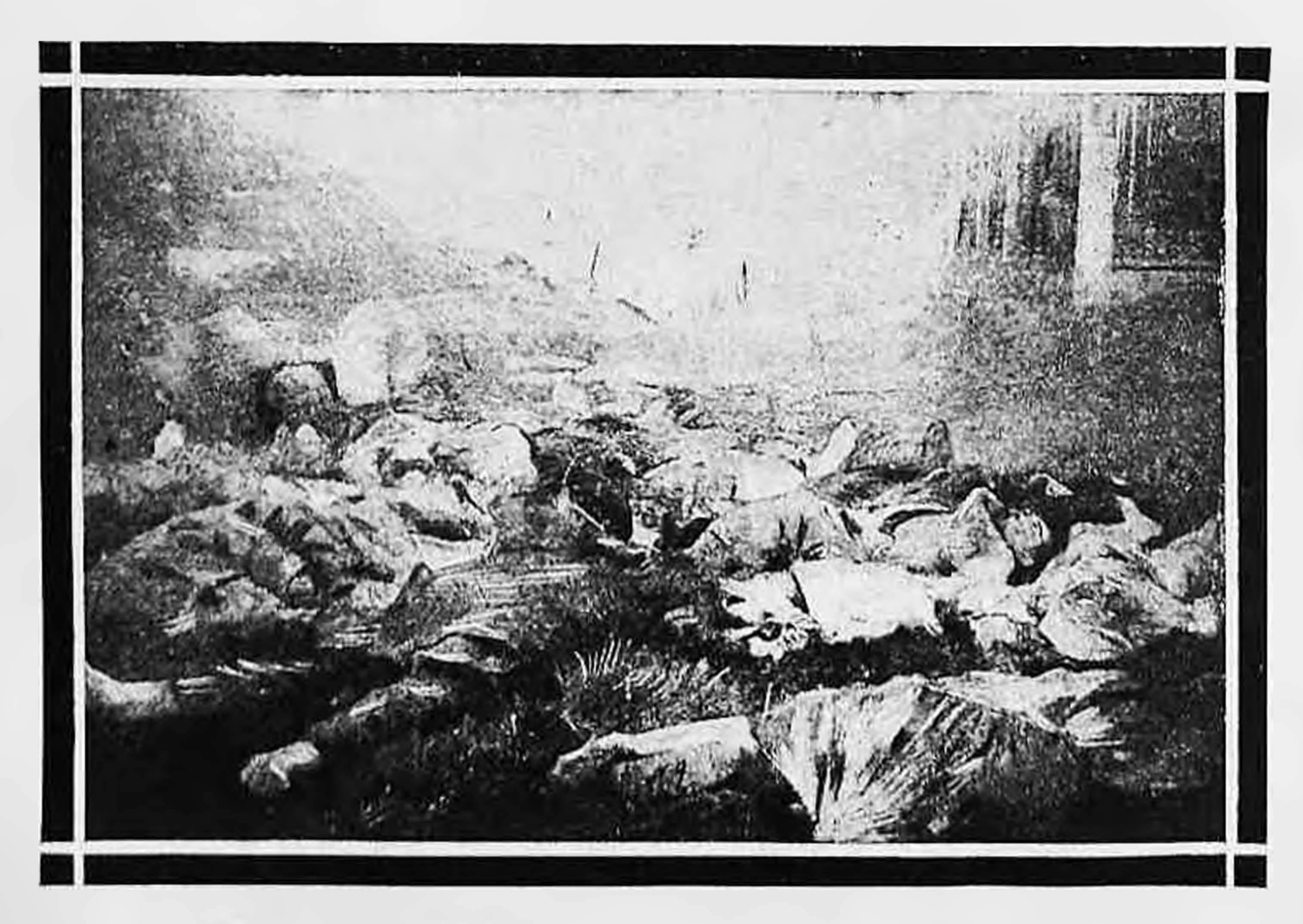
Григорьевские отряды вместе с партизанами после взятия Одессы раскинулись по железной дороге, заняв линию Вознесенск, Помощная, Елисаветград, Знаменка, Кременчуг, Користовка и Пятихатка. Как только Григорьев совершил свой предательский шаг по отношению к Советской власти и выпустил свой пресловутый погромный „Универсал", так сейчас же началась повсеместно в занятых им пунктах резня еврейского населения. Из погромов этого периода, устроенных григорьевскими бандами, особой жестокостью и неслыханным по размеру числом жертв отличается Елисаветградский погром, продолжавшийся от 15-го до 17-го мая 1919 года.

Еще 10-го мая, после об'явления „Универсала", началась в городе погромная агитация. Советская власть была свергнута, город был наводнен преступным элементом, и еврейское население очутилось в полной власти многочисленных озверелых банд. Небольшой советский отряд, прибывший со стороны Одессы, на время потеснил было григорьевцев к Знаменке, но, благодаря своей малочисленности, а также измене со стороны некоторых элементов в самом отряде, он не удержался и был выбит григорьевцами из города. И вот тогда-то и началось страшное кровавое дело. В первый день громили и убивали исключительно военные чины, производившие свою работу

Жертвы григорьевского погрома в Елисаветграде (Зиновьевск). Май 1919 г.

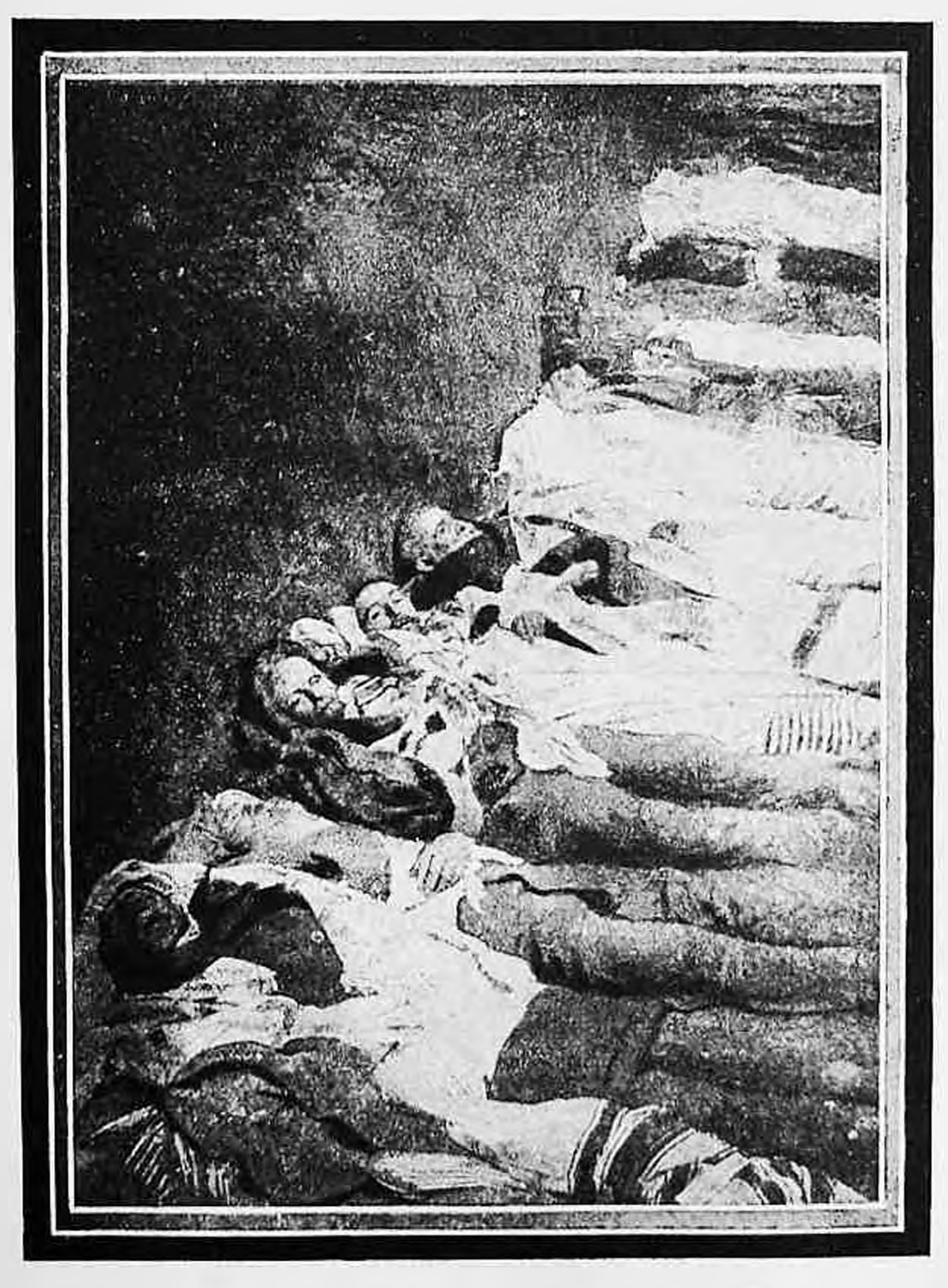
Жертвы григорьевского погрома в Елисаветграде. Май 1919 г.

Жертвы григорьевского погрома в Елисаветграде. Май 1919 г.

Жертвы григорьевского погрома в Елисаветграде. Май 1919 г.

спокойно и организованно. Многочисленный преступный элемент, выпущенный из мест заключения, а также различный сброд, собравшийся в город, следовал по пятам воинских отрядов и грабил, заканчивая то, что было упущено григорьевцами. Но в последующие дни этот уголовный элемент, во главе с черносотенной интеллигенцией, царскими чиновниками и некоторыми представителями духовенства, взял инициативу в свои руки и принял самое активное участие в зверских убийствах и грабежах. Страшный кровавый туман на время окутал весь город, казалось не было никакого выхода, и все еврейское население обречено на гибель. Но к счастью случилось так, что в то время в городе заседал **Крестьянский с'езд.** По инициативе местных пролетарских организаций Президиум Крестьянского с'езда совместно с представителями Союза Металлистов обратился к коменданту григорьевского гарнизона с категорическим требованием немедленно прекратить бойню. Комендант упорно отказывался, угрожая бомбардировкой города в случае малейшего сопротивления. И только к концу второго дня, когда среди самих григорьевских банд наметилась определенная усталость, комендант дал свое согласие на образование „Ревкома" в составе рабочих от Союза Металлистов и представителей от Крестьянского с'езда. Ревком наспех организовал летучие отряды из наиболее сознательных рабочих, которые

Одна из братских могил жертв григорьевского погрома в Елисаветграде. Май 1919 г.

одним своим появлением на улицах немедленно приостановили погром. Однако, на следующий день 17-го мая, когда бандиты узнали, что официального распоряжения о прекращении погрома нет и что эти летучие отряды состоят из рабочих добровольцев, они с еще большей интенсивностью и жестокостью возобновили резню, которая на сей раз обошлась еврейскому населению очень дорого. Дело в том, что ободренное появлением рабочих дружин еврейское население считало, что опасность миновала; большинство вышло из своих тайников и показалось на улицах. И вот все эти несчастные были застигнуты и растерзаны на месте. В эти дни и несколько дней спустя город представлял собою зловеще-невиданное зрелище. На улицах, во дворах и в домах, в погребах и на чердаках стояли лужи застывшей крови, в которой валялись десятки и сотни изуродованных трупов. Магазины и квартиры были разрушены. На улицах валялась изломанная мебель, испорченные домашние вещи, изодранные подушки, из которых летели пух и перья и тучами носились в воздухе. Город выглядел огромным кладбищем. И только 22-го мая, когда Советские полки заняли снова Елисаветград, обнаружились первые признаки жизни: обезумевшее от ужаса и крови еврейское население, забившееся по чердакам, подвалам и разным логовищам, начало робко показываться на улицах, с тревогой и ужасом вглядываясь в груды тел и разыскивая своих близких и знакомых. Началась уборка трупов; была организована помощь раненым и больным. Но тут сразу обнаружилось, что 50.000 еврейское население Елисаветграда не только понесло колоссальные кровавые жертвы, но что уже в три дня оно было превращено в жалких нищих. Город оказался без провизии, без лекарств, без перевязочных материалов и без запасов продовольствия. Разоренный и разгромленный город не привлекал соседних крестьян, которые прекратили подвоз продуктов, и таким образом над уцелевшей частью еврейского населения, потерявшей во время погрома все свои запасы, повис призрак голодной смерти. Убитых было так много, что целую неделю сотни людей были заняты собиранием трупов и отправкой их на кладбище. Не было никакой возможности вести точную регистрацию. Кладбище было буквально завалено тысячами изуродованных тел. У каждой груды трупов происходили умопомрачающие сцены, когда пришедшие узнавали своих отцов, матерей, детей, братьев и сестер.

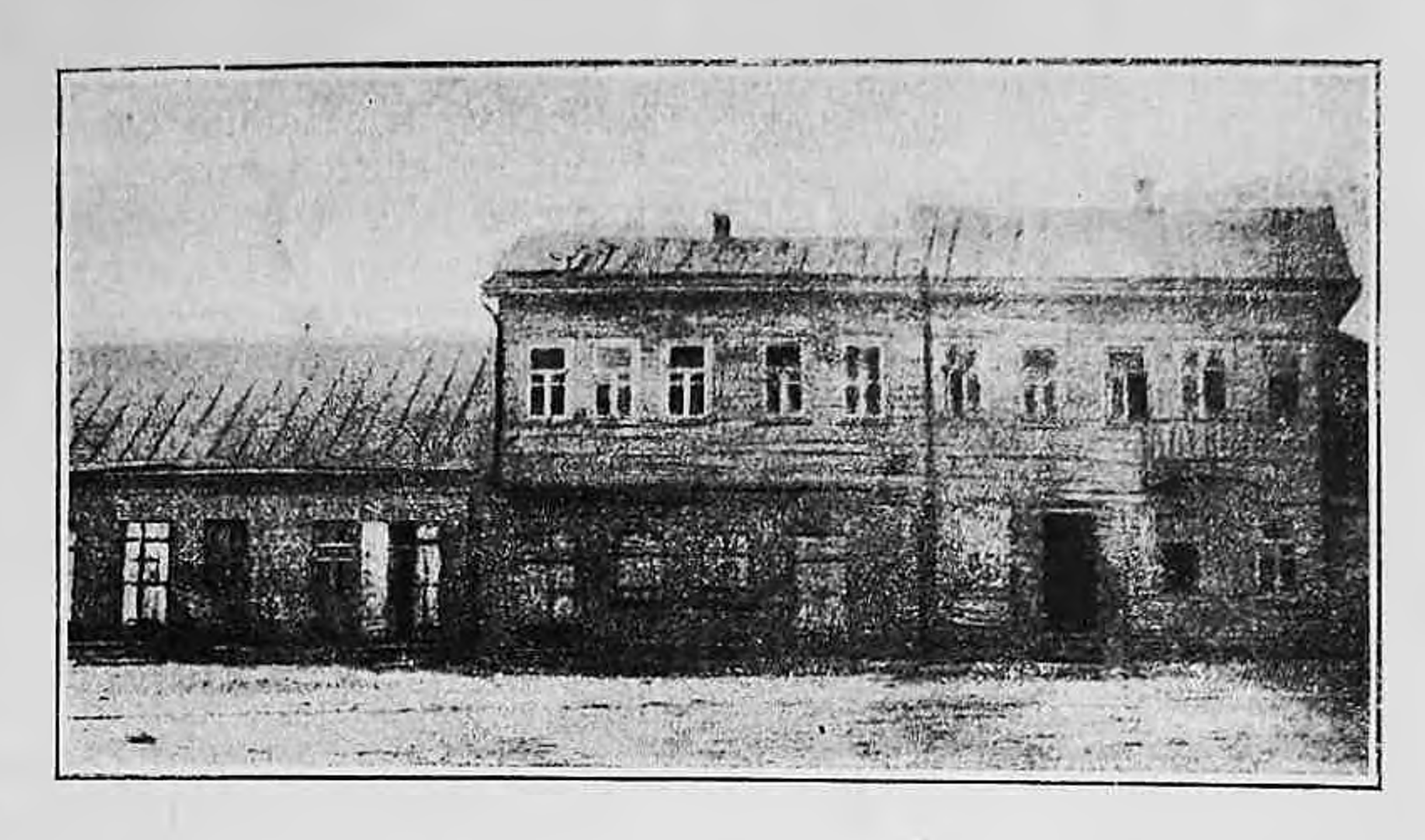
Тысячи малых сирот беспомощно бродили по кладбищу, тщетно разыскивая своих родителей и близких и не имея, куда приткнуть свои бесприютные головы. По некоторым еще недостаточно полным данным, в этом погроме погибло около 4.500 человек разного пола и возраста, включая грудных младенцев и дряхлых стариков. Если бы Советская армия не пришла во-время — все еврейское население Елисаветграда было бы истреблено.

Зверства в местечке Словечно

В местечке Словечно Волынской губернии произошла в середине мая 1919 г. ужасная резня. Вот один из эпизодов этой резни. 16-го мая во время погрома группа евреев в числе около 80 человек пыталась убежать из города по направлению к Овручу, но на окраине местечка они были задержаны бандитами, которые вернули их обратно, загнали в один дом и заперли в двух комнатах. Через некоторое время вооруженная банда окружила этот дом, начала его обстреливать и бросать бомбы и гранаты. Несчастные пленники улеглись на полу в два ряда друг на друга и стали умолять о помощи. Тогда бандиты ворвались в квартиру и принялись рубить, резать и колоть лежавших на полу.

Из верхних рядов никто не остался в живых, из нижних рядов некоторые тяжело раненые остались живы только потому, что находились в обморочном состоянии или притворились мертвыми.

■ ■ ■

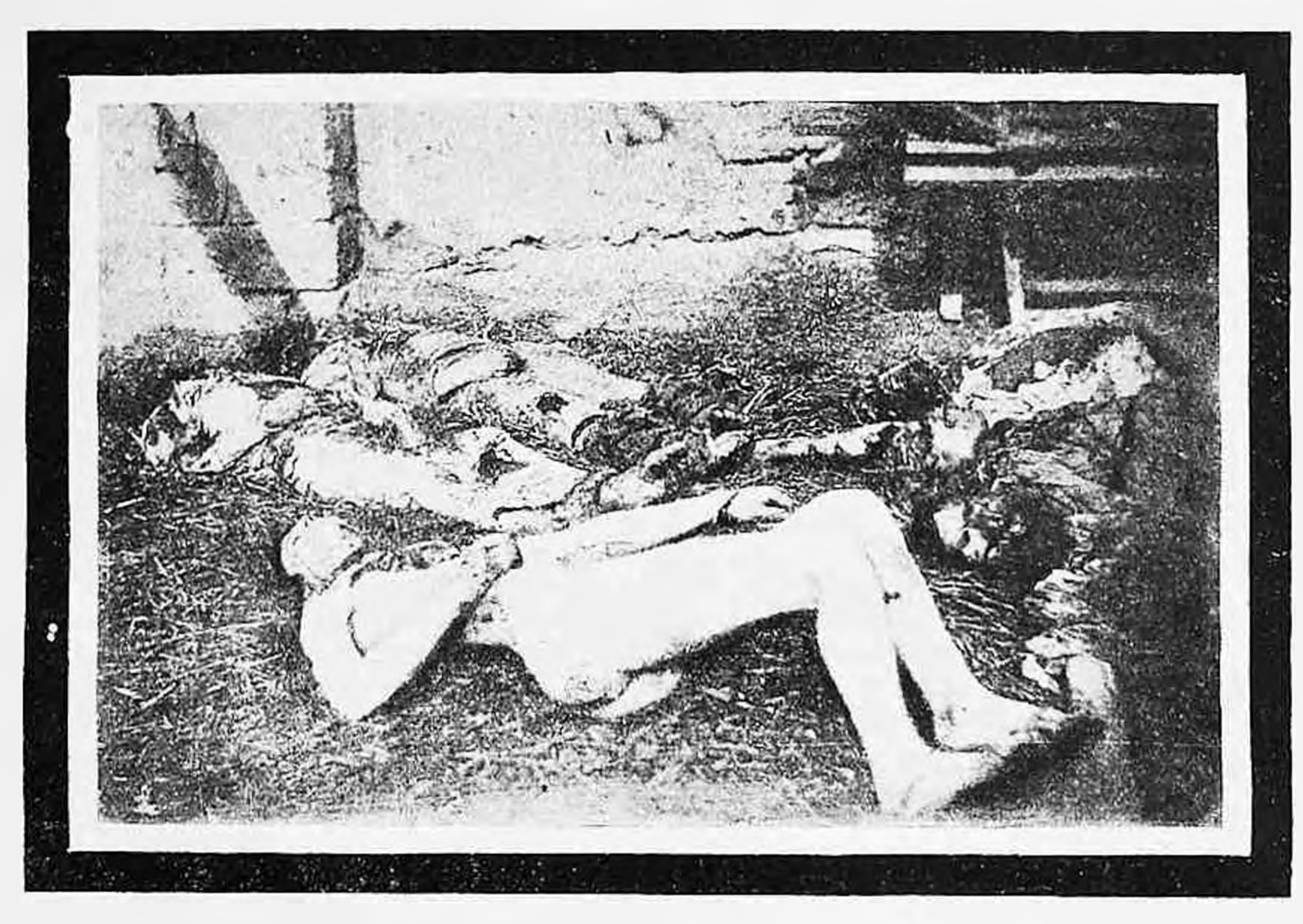

Дом в м. Словечно, где произошла страшная резня в мае 1919 г.

М. Словечно после погрома. На отмеченной груде камней было зарублено десять человек

Новомиргород

17-го мая 1919 года значительная петлюровская банда ворвалась в Новомиргород. Бандиты прежде всего направились на еврейское кладбище, спокойно и не спеша вырыли целый ряд могил для своих будущих жертв и предусмотрительно заготовили несколько возов негашенной извести. Все эти чудовищные приготовления происходили на глазах обезумевшего от ужаса еврейского населения, которое металось из стороны в сторону, не имея возможности уйти из окруженного очага смерти и вынужденного прятаться по чердакам, погребам и разным логовищам. Однако, смерть настигла несчастных в их логовищах. Они все были перебиты, перерезаны или тяжело ранены. Непосредственно за палачами следовали подводы, которые подбирали убитых и раненых, свозили их на кладбище и сбрасывали в ямы. Тяжело раненые были заживо похоронены вместе с убитыми, при чем известь, которою бандиты тщательно засыпали каждую могилу, совершенно исковеркала и сожгла лица убитых до полной неузнаваемости. По приблизительному подсчету, в таких мучениях и пытках погибло 105 человек.

Замученные махновцами в Александровске, Екатеринославской губ., летом 1919 г.

Вапнярка

В средине мая 1919 года григорьевская банда вошла в местечко Вапнярку и по обыкновению согнала все еврейское население в одно место на центральную площадь якобы для митинга. Всех уклонявшихся насильственно приводили на площадь. Сначала выступил оратор и произнес обыкновенную митинговую речь, а затем по окончании, когда население хотело было разойтись по домам, оно внезапно было окружено, и тут началась обычная бойня. Только благодаря настойчивому вмешательству одного священника удалось спасти нескольких стариков. Все остальные были замучены и убиты.

Радомысль

Последний погром в Радомысле произошел в мае 1919 года. Рано утром, когда население еще спало, банда атамана Соколовского ворвалась в город, рассыпалась по еврейским квартирам и начала убивать и грабить. Застигнутое врасплох население не имело возможности никуда спастись, и таким образом в течение нескольких часов было зарублено свыше 400 человек разного пола и возраста от стариков до младенцев.

Необходимо отметить, что Радомысль подвергался многократным погромам. Последняя резня окончательно дезорганизовала население, которое в паническом ужасе начало разбегаться в разные стороны по направлению к ближайшим крупным городам. Общее число беженцев из Радомысля достигает 10.000 человек.

Жертвы страшной резни, устроенной бандитами в Копоткевичах (Белоруссия). На первом плане три женских обезглавленных трупа. Вдали груда тел

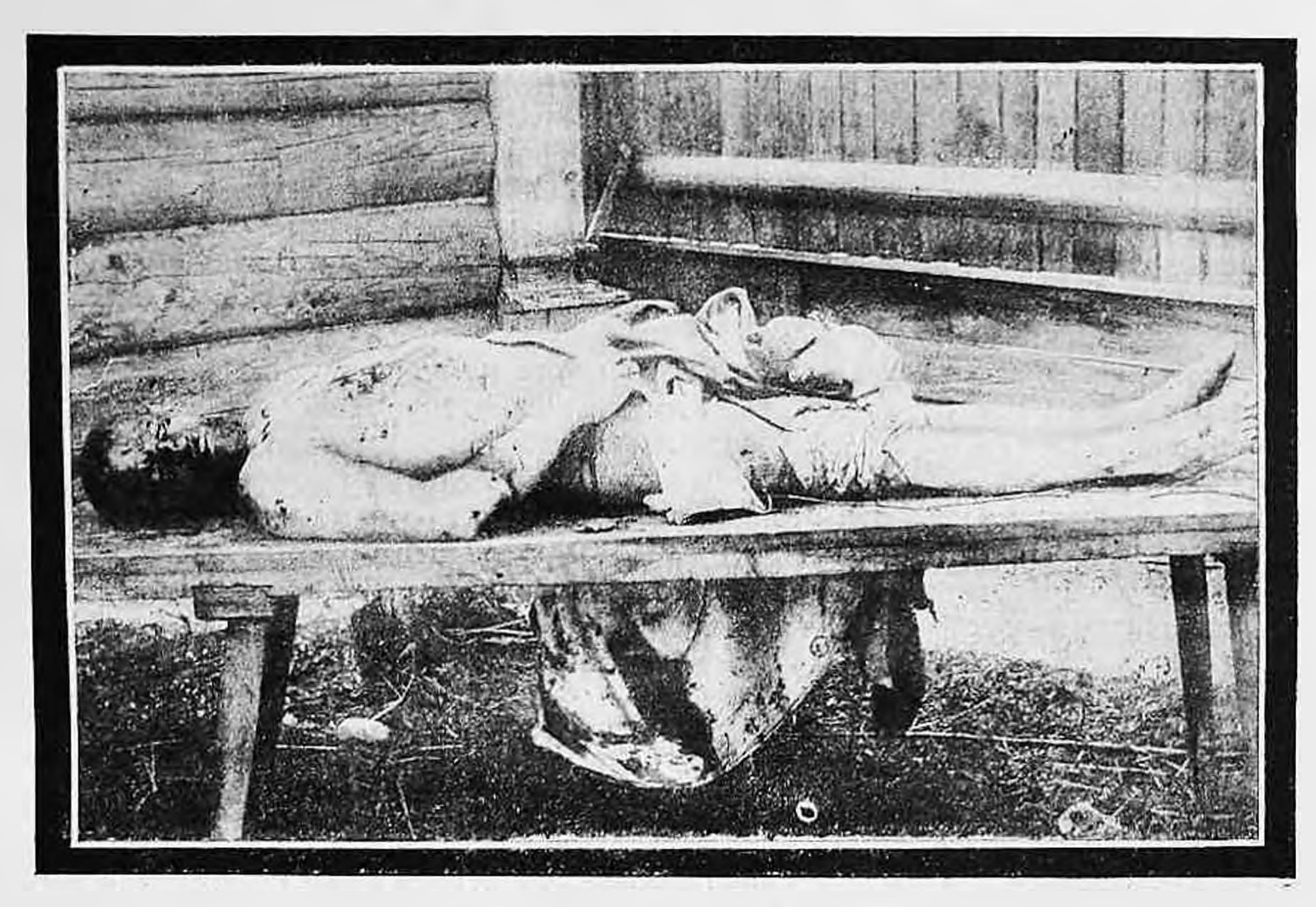
М. Каменный Брод, Волынской губернии

В июле 1919 года петлюровский партизанский отряд во главе с капитаном Романюком ворвался в местечко. Бандиты принялись громить и грабить и между прочим арестовали 250 евреев, якобы, в качестве заложников на случай „жидовского восстания". Арестованных под усиленным конвоем отправили в ближайший город Рогачев, где находился штаб и где арестованных будто-бы должны были допрашивать. Однако, по дороге конвоиры внезапно напали на арестованных и зверски их всех перебили.

■ ■ ■

М. Дубово

Страшный эпизод передают пострадавшие в м. Дубово 17-го июня 1919 года. Погромщики из банды Соколовского по обыкновению согнали несколько десятков евреев в свой „штаб“, и затем началась обычная кровавая расправа. Пленников подводили по одному человеку к двери подвала, куда приказывали спускаться по лестнице. Тут же у дверей по обе стороны лестницы стояли два палача с обнаженными шашками и на-отмашь наносили смертельные удары несчастной жертве, которая, зарубленная или обезглавленная, скатывалась в подвал. В этом подвале оказалось потом много зарубленных и обезглавленных трупов.

Еврейский рабочий, замученный бандитами в Белоруссии. Вся грудь исколота накаленными до-красна гвоздями. На животе колотая рана

Киевский погром

Киевский погром, устроенный деникинцами 1-(14)-X 1919 г., представляет собой исключительный интерес в том отношении, что он был организован в самой столице Украины не только при явном попустительстве, но также при благосклонном согласии высших военных и гражданских властей (генералы Драгомиров, Бредов и др.).

Уже 1-го октября, когда получилась весть о внезапном приближении большевиков к городу, стало известно, что деникинцы в случае поражения расправятся с еврейским населением. Сразу была пущена в ход вся погромная машина. На Крещатике и на др. улицах начались бесчинства казаков и чеченцев. Однако, натиск большевиков был так стремителен, что Добровольческая армия вынуждена была спешно отступить в Печерск и даже выйти за пределы города, вследствие чего начавшиеся эксцессы против евреев не приняли массового характера. Через два дня, когда положение деникинцев улучшилось и большевики стали отступать из города, вернувшиеся деникинские части стали

мстить еврейскому населению, содействовавшему большевистской армии и, якобы, обстреливавшему Добрармию при ее отступлении из Киева. Массовый погром продолжался около пяти дней; он происходил на всех улицах города, на окраинах и в окрестностях, сопровождаясь массовыми убийствами, грабежами и изнасилованиями женщин. Перед задачей погрома отступили на задний план чисто боевые задачи Добрармии. Многие воинские чины и целые воинские части, вместо преследования отступавшего противника, бросились на грабежи еврейского населения, не дожидаясь даже полного ухода большевиков из города.

В первый же день были разгромлены еврейские магазины, из которых значительная часть была совершенно разграблена. Затем в течение четырех дней группы казаков, офицеров и юнкеров, рассыпавшись по городу, обходили целые кварталы из дома в дом, врывались в еврейские квартиры и совершали там свое гнусное дело. Грабители проявляли большой опыт. Действовали организованно и быстро, стремились все проделать с максимальными результатами, но без излишнего шума.

Что пережило еврейское население в эти несколько дней, об этом можно судить по цитированной выше статье В. Шульгина, который описал главным образом картину ночных грабежей и избиений. Идеологи и вдохновители еврейских погромов, вроде Шульгина и ему подобных, в эти дни открыто выступали в печати с обвинением против еврейского населения, которое будто бы обстреливало отступавшие деникинские части из винтовок и пулеметов, бросало ручные гранаты и обливало добровольцев кипятком.

Черносотенная газета „Вечерние Огни" в своих номерах от 18, 19 и 20-го октября печатала длинный список домов, из которых, якобы, евреи обстреливали добровольцев. Правительственный официоз—„Киевлянин" также не отставал в отношении погромной агитации и изо-дня в день печатал зажигательные статьи против евреев. О роли военных и гражданских властей в этой резне, которая стоила еврейскому населению до 600 человеческих жертв, можно судить по тому факту, что приказ ген. Бредова о прекращении погрома и о преследовании грабителей был опубликован в местных газетах только 21-го октября утром, т.-е. на 6-й день после начала погрома. Этот приказ последовал уже тогда, когда большинство еврейских квартир и магазинов было совершенно разграблено, и в разных частях города валялись груды изуродованных трупов. О провокационной роли военных властей можно судить по официальной телеграмме деникинского отдела пропаганды. Эта телеграмма гласит следующее: „Ирпень. Освагу, Фастов-Освагу. Купеш. Официально. Пресс-Бюро 8 (21) октября, № 17. Выяснении неизбежности очищения части Киева, кроме Печерска, отхода обозов, от'езда гражданских и военных властей двинулась толпа до 60.000 человек. Занятию Богунским красным полком частей Киева содействовало местное еврейское население, открывшее беспорядочную стрельбу по отходившим добровольцам. Особенно активное участие при вступлении большевиков принимали выпущенные последними из тюрьмы свыше 1.000 коммунистов, так же боевые организации еврейских партий, стрелявшие из пулеметов, винтовок и бросавшие ручные гранаты, обливавшие добровольцев кипятком. 5 (18) октября наши части выбили последние разрозненные отряды красных. Благодаря массовому участию евреев в наступлении большевиков, также деятельной поддержке красных со стороны части еврейского населения, также зарегистрированным возмутительным случаям стрельбы из засад, разным видам шпионажа,—среди христианского населения царит с трудом сдерживаемое влаетями негодование... Подпись—Начальник Информационной Части Лазаревский. С подлинным верно: За командира государственной стражи: Поруч. Земченко".

Вся эта провокационная официальная информация, широко публикуемая и расклеиваемая по улицам, должна была, конечно, разжигать толпу и в то же время оправдать в глазах общества эту зверскую расправу.

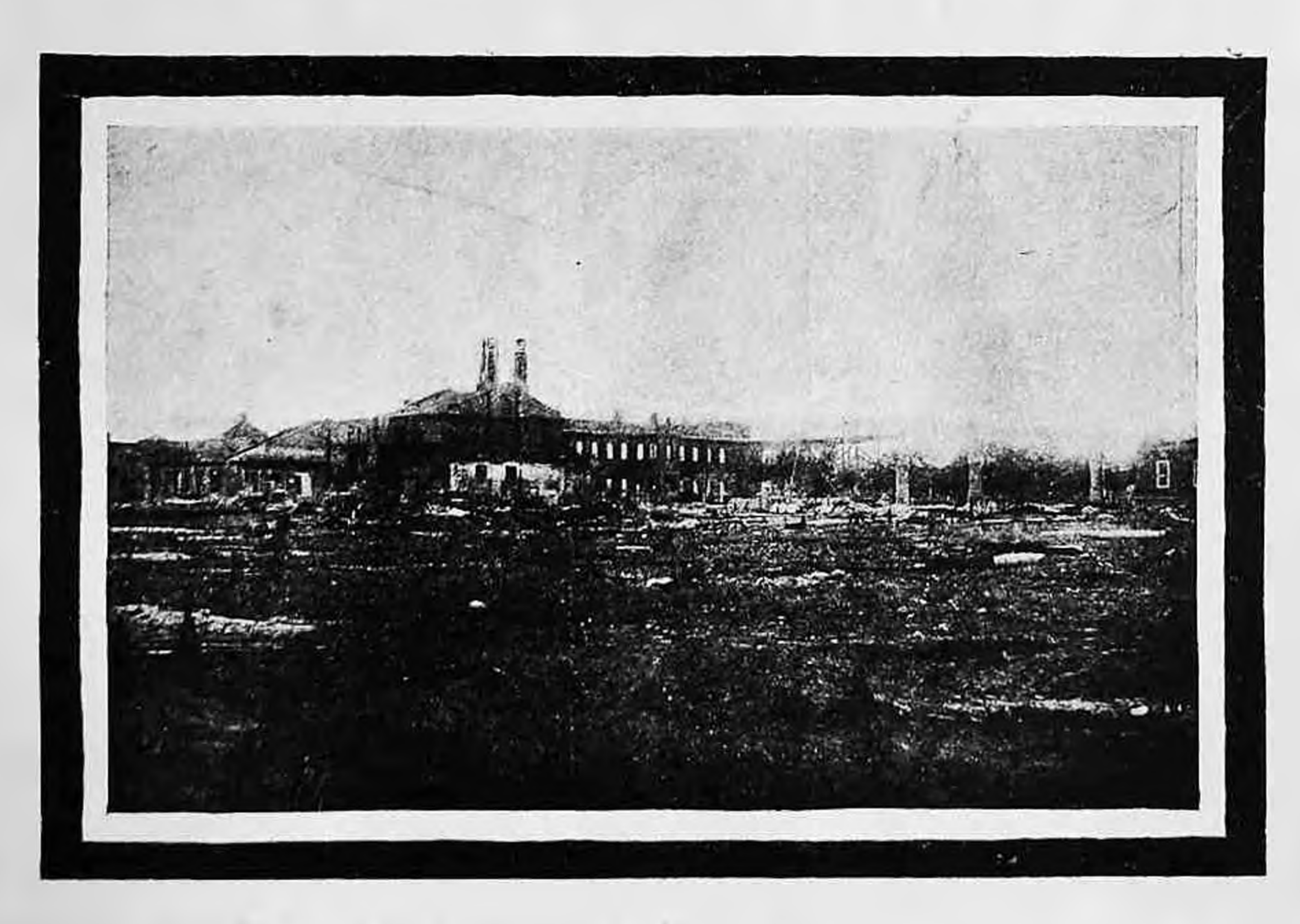
В заключение еще один характерный штрих: после прекращения погрома в городе на окраинах эксцессы продолжались еще несколько дней. Особенно сильно пострадало

от налетов еврейское население Подола, где районным комендантом был назначен известный бандит, атаман Струк. Этот бандит, прославившийся в январе 19 года своими зверствами в Чернобыльском районе, где сотни евреев были им брошены из пароходов в Днепр, перешел от Петлюры к большевикам, но сейчас же восстал против них, действуя по директивам Петлюры. С приходом же Добровольческой армии он со своими бандами перешел на службу к Деникину и получил назначение на должность коменданта г. Киева. Деникинские власти были прекрасно осведомлены о погромной деятельности Струка, но решили использовать его именно в качестве опытного погромщика и мародера. Размеры киевского погрома в точности не удалось установить. Во всяком случае, убытки достигают колоссальных размеров, число же убитых доходит до 600 человек. Много тяжело раненых и сотни изнасилованных.

■ ■ ■

Фастовский погром

Заняв ст. Фастов, в конце сентября 1919 г. деникинцы приступили к свирепой расправе с еврейским населением. Погром носил такой интенсивный характер, что из всех еврейских домов и квартир уцелело только два дома, да и то совершенно случайно, а остальные были сожжены и разрушены. Казаки зверски убивали всех без разбора пола и возраста, при чем женщин предварительно насиловали. Всего убитых насчитывают около 1.800 человек. Имущество было частью уничтожено, частью разграблено. Фастовский базар представляет собою кучу развалин. Целые кварталы совершенно сравнены с землей.

Фастовский базар (Киевской губ.), разграбленный и сожженный деникинцами. Сентябрь 1919 г.

ПЕТЛЮРОВСКИЕ СПОДВИЖНИКИ

Первый ряд слева направо:

Атаманы — Бачинский и Мазуренко.

Следующие сверху вниз:

Атаманы — Бочаренков, Батрак, Погорелый.

Справа — типичное и наиболее распространенное орудие убийства у бандитов.

Огнестрельное оружие вообще редко употреблялось при погромах не только бандитами, но и регулярными частями.

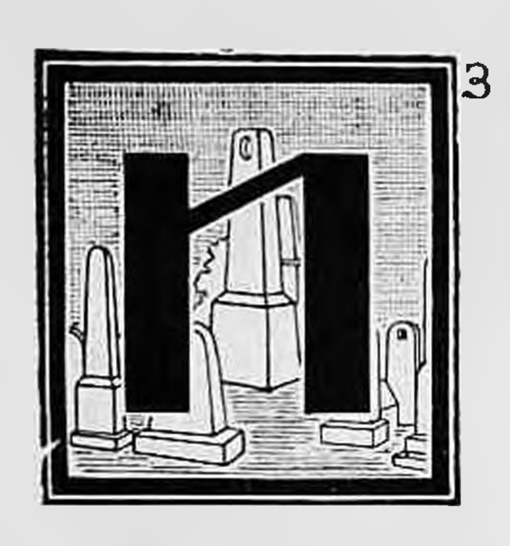

Погромные разрушения в Белоруссии

IV

БЕЛОРУССИЯ

Польские погромы

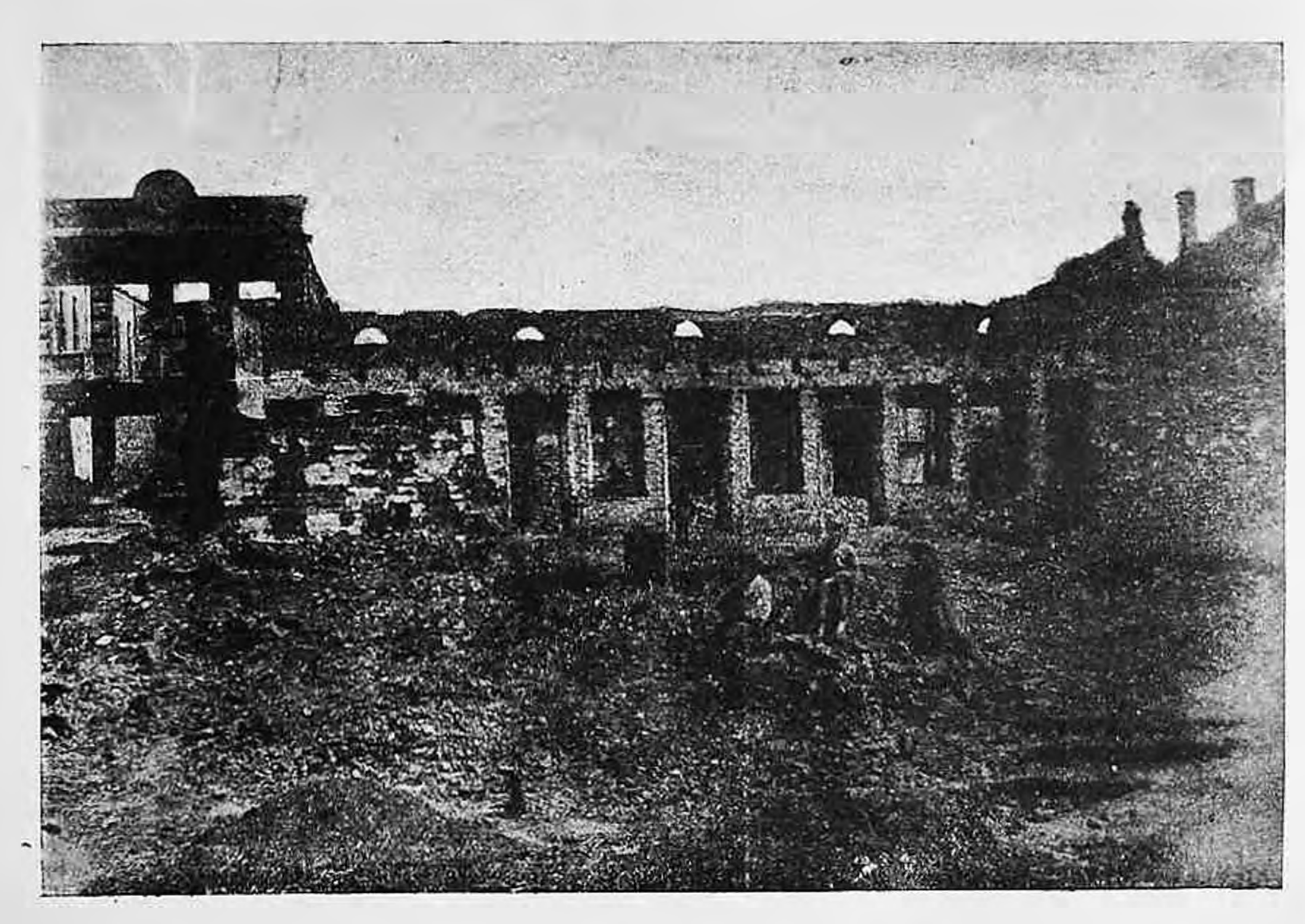

Из доклада Борисовского Ревкома видно, что поляки при оставлении Борисова учинили настоящий погром, усугубленный сильным пожаром, который уничтожил большую часть города. Не сгоревшая часть города также была разрушена. Не осталось ни одного уцелевшего окна, ни одной целой крыши. Совершенно ограблена и сожжена вся домашняя утварь, платье и обувь. Около 26.000 жителей превращены в нищих. Общая нужда и голод довершили картину ужаса, в котором очутилось еврейское население, запуганное и измученное физически и нравственно. Необходимо указать, что поджоги являются вообще излюбленным погромным приемом польской шляхты. Так, например: в Минске перед отходом под натиском большевиков поляки сожгли 50 домов. Сожгли оба вокзала, магазины, аптеки больницы. Ограбили рабочие кооперативы, взорвали железнодорожные мосты и т. д.

В Бобруйском уезде поляками сожжено было около 2.000 дворов, при чем, уцелевший от пожара скот и мертвый инвентарь, а также все наиболее ценное имущество было вывезено Убитых насчитывается 47 человек. В Уречье поляки сожгли все постройки. В Глусках поляками было сожжено 85 лавок, а также много домов и сараев, при чем, имущество и скот были вывезены. В тех случаях, когда имущество невозможно было вывезти, оно тут же на месте уничтожалось. Если почему-либо нельзя было увозить скот, то солдаты привязывали его проволокой к стойлам в сараях и хлевах, и таким образом скот погибал вместе с постройкой. Нередко в огне гибли и люди, ибо, кто не успевал заблаговременно убежать из поджигаемых домов и зданий и скрыться в укромное место, того уже польские солдаты не выпускали под угрозой расстрела. Таким образом,

много лиц, опасавшихся выйти под перекрестным огнем польских солдат, было заживо сожжено. Поджоги, как указано, занимали видное место в польских погромах. Они производились совершенно открыто и организованно с применением различных технических приспособлений в виде зажигательных снарядов и т. п. Чаще же всего дома обливали керосином или обкладывали соломой и зажигали. Пожарную команду солдаты под угрозой расстрела не допускали к тушению пожара.

Необходимо отметить, что нееврейское население поляки обычно не трогали, имущества его не грабили и домов не поджигали.

Богуслав. Разрушенное здание синагоги после погрома, произведенного повстанцами в 1919 году.

Деревня Домово (Бобруйск. уезда)

Эпизод из времен польской оккупации.

Летом 1919 года в день Иом-Кипур'а появился эскадрон польских уланов, которые зашли в синагогу и начали издеваться над молящимися, особенно над стариками. Стариков в полном молитвенном облачении они выгнали из синагоги и заставили подметать улицы, а затем заставили плясать, при чем, отрезали у них бороды. Девушек и женщин погнали чистить картофель и жарить кур и гусей, награбленных у еврейского населения. Молодежь же всю погнали на принудительные работы таскать за пять верст сено для их лошадей. Такие издевательства над национальным и человеческим достоинством еврейского населения были обычным явлением при господстве польской шляхты.

■ ■ ■

Зверства балаховцев

(Краткая хроника)

Приводим выдержки из доклада тов. Миндлина, в заседании Минского Совета 10 января 1919 г., о результатах обследования мест, пострадавших от набегов банд Балаховича.

Мозырь. Все без исключения еврейское население г. Мозыря, насчитывающее 11000 человек, подверглось повальному ограблению. Разграблены—белье, одежда, посуда, домашние вещи, коровы; забраны все инструменты у рабочих и ремесленников. Убито 32 человека, изнасиловано свыше 300 женщин, в том числе девочки от 12 до 15 лет, а также беременные и только что родившие женщины.

Ст. Птичь. Все еврейское население (200 человек) разграблено; забраны все инструменты, человеческих жертв не было, изнасиловано несколько женщин.

Дер. Житковичи. Еврейское население в деревне и на станции составляет 600 чел. Ограблено 400 человек, убито 4, изнасиловано 7 женщин.

Мест. Туров. Еврейское население до 4000 человек. Забрано все имущество. Убит 71 человек, в том числе жители окрестных деревень, часть из них убита балаховцами, а часть поляками в то время, когда евреи хотели спастись от балаховцев и скрыться за демарклинией. Изнасиловано 100 женщин. Разрушения значительнее, чем в Мозыре.

Мест. Петриков. Еврейское население в 2200 человек (христианского населения в два с половиной раза больше). Все еврейское имущество разграблено, много домов сожжено. Убито 45 человек, в том числе евреи из окрестных деревень. Изнасиловано до 100 женщин, из которых 10 заразились, 30 забеременели.

Мест. Копоткевичи. Из еврейского населения в 1600 человек большая часть ограблена. Местечко в 1915 году пострадало от пожара, в 1919—20 гг. было охвачено тифозной эпидемией. 60 семейств остались без родителей. В окрестных деревнях убито 44 человека. Изнасиловано 15 женщин.

Мест. Скрыгалово. Еврейское население в 800 чел. Все разграблено; значительное число домов сожжено, забрано 120 коров и все рабочие инструменты. Убито 15 чел.

Мест. Лельчицы. Еврейское население в 300 человек. Все разрушено.

Мест. Микашевичи. Еврейское население в 200 человек. Все разграблено.

Дер. Бубички, Касайск, Городятичи. Еврейское население в 100 человек. Почти все убиты. Большая часть убита окрестными крестьянами в то время, когда подходили балаховцы.

Колония Редьки. Еврейских домов 30. Все здания или сожжены, или разрушены. Разграблено все имущество: коровы, инвентарь, продукты и семена. Убитых 3.

Колония Черемишни. 8 еврейских домов, убитых 2.

Общая сводка

Ограблено 20550 человек. Убито свыше 300 человек. Изнасиловано свыше 500 женщин.

Одна из улиц Черкасс после погрома летом 1919 г.

Погром балаховцев в м. Копоткевичи. Груда трупов, свезенных на кладбище

Жертвы польской резни в Житомире 1920 г.

Жертвы бандитского налета в м. Ковчицы, Бобр. уезда. Июль 1919 г.

Погром в Ковчицы, Бобруйского уезда

16-го июля 1921 г., в 12 час. дня появились бандиты в м. Ковчицы, где насчитывалось 150 еврейских семейств, занимающихся главным образом земледелием и отчасти ремеслами. К бандитам балаховцам присоединились крестьяне из ближайших сел, вооруженные топорами, лопатами, пилами, ножами, серпами и ломами; огнестрельного оружия у них не было. Собрав все население в квартиру Шаи Ренбурга, они начали их там зверски убивать, не щадя ни женщин, ни детей. Бандиты выводили пленников по одному во двор и там сразу убивали холодным оружием, вследствие чего запертые в доме совершенно не знали о происходящем во дворе. Погром носил самый зверский характер. У женщин распарывали животы, вырезывали груди, топорами разбивали спинные хребты, рассекали пополам, или отрезывали конечности. Некоторых девушек увели в лес, и они больше уже не вернулись. Погром продолжался 6 часов. И в результате оказалось 84 человека убитых. Раненых 80 чел.—в том числе 50 тяжело раненых, из которых несколько человек по доставлении в Бобруйскую больницу скончалось. Осталось много сирот.

Погром в местечке Большие Городятичи

23-го ноября 1920 г. в деревне Б. Городятичи Мозырьского уезда вспыхнул еврейский погром, организованный балаховцами при участии местных дезертиров. Бандиты оцепили деревню и никого не выпускали. Из 85 человек еврейского населения убито 72 человека, в том числе 55 трупов найдено обезглавленными. На сараях и стенах домов были найдены куски мяса и мозгов. По этому делу было Советской властью привлечено 70 человек, преданных суду военно-революционного трибунала. 20 человек было расстреляно, а остальные приговорены к заключению на различные сроки.

Жертвы бандитского погрома в м. Глубоковичи, Бобруйского уезда. Июль 1921 г.

Погром в местечке Глубоковичи

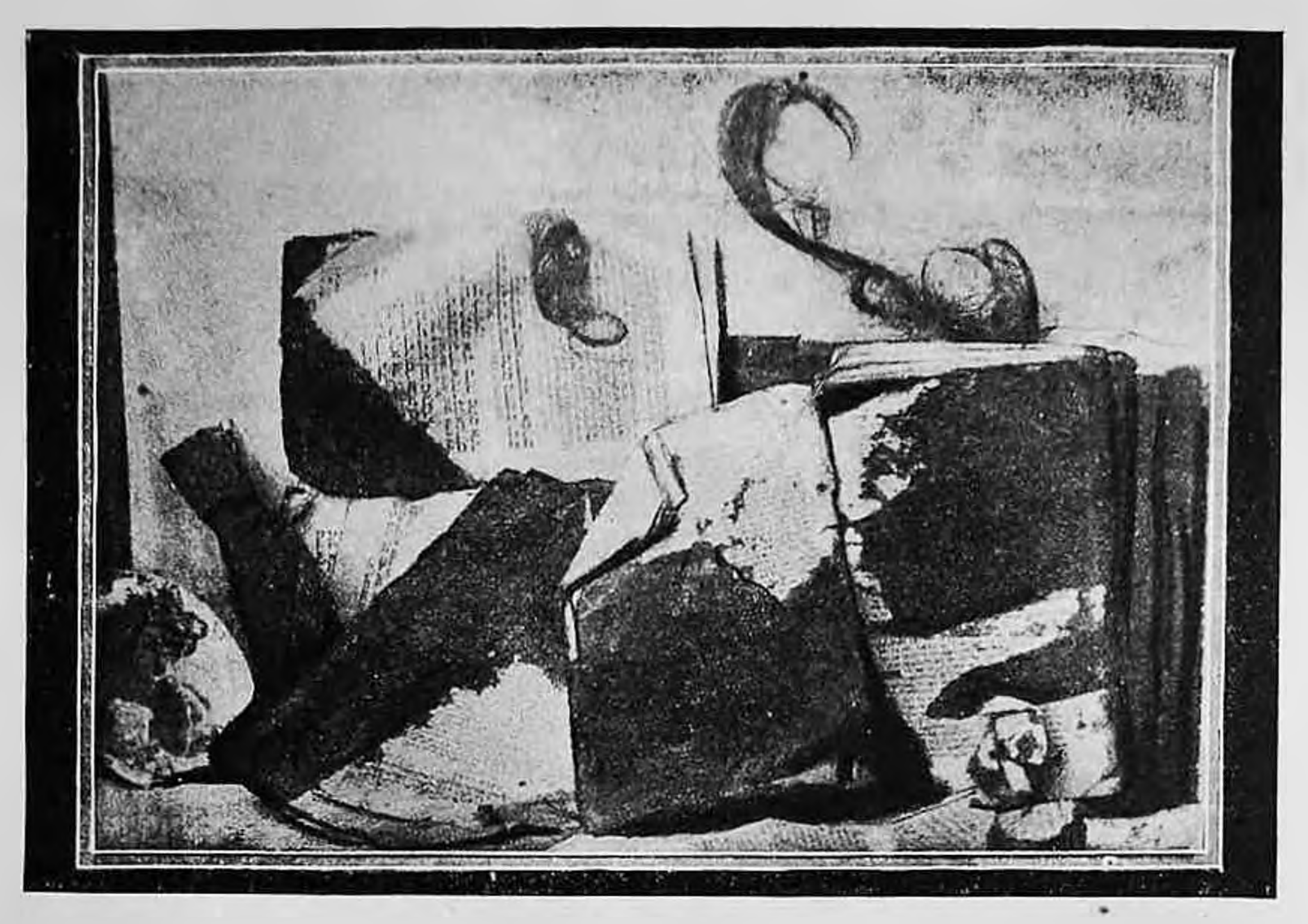
10-го июля 1921 года ночью в деревню Глубоковичи ворвалась небольшая группа бандитов, приступившая немедленно к грабежам и убийствам. Из всего населения в 27 человек было убито 24 человека. Бандиты действовали тупым оружием, отпиливали руки и ноги, выкалывали глаза. Вся группа погибших была похоронена в Бобруйске, где эта мрачная похоронная процессия привлекла внимание всего населения.

■ ■ ■

Бандитский погром в м. Глубоковичи, Бобруйского уезда. Июль 1921 г.

Жертвы бандитского погрома в м. Глубоковичи, Бобр. уезда. Июль 1921 г.

Одна из комнат в м. Копоткевичи, где балаховцы учинили страшную резню. На снимке груда окровавленных книг и пук отрубленных волос

Погром в местечке Копоткевичи

9 июля 1921 года стало известно, что банда в 100 человек приближается к местечку Копоткевичи. Подавляющее большинство еврейского населения оставило местечко и ушло по направлению к ст. Птичь, находящейся в 18 верстах от местечка Копоткевичи. Часть же населения осталась, надеясь укрыться у местных крестьян или в поле во ржи. 10 июля на рассвете банда числом человек в 80, в том числе половина конных, ворвалась в местечко и немедленно приступила к резне еврейского населения. Этот отряд был хорошо организован и представлял собою одну из банд Булака-Балаховича. Все они были сильно настроены против евреев и стремились, во что бы то ни стало, резать и убивать. Когда им предлагали деньги или ценные вещи, они отвечали: „Нам душа твоя нужна". Бандиты рассыпались по всему местечку, забирая евреев и вытаскивая их из укромных мест. Повидимому, кто-то следил за несчастными, когда они прятались, и затем указывал бандитам, где кто спрятан. Почти все были убиты сабельными ударами. Некоторые рассечены крестообразно. Многим предварительно отрезали отдельные части тела. У тринадцати лиц отрезаны половые органы. Некоторых пытали перед смертью, заставляя пить серную кислоту. В квартире Нохума Каплана была устроена бойня. В этот дом приводили схваченных евреев. Здесь их пытали и убивали. К моменту осмотра квартиры вся внутренняя дверь до половины была залита кровью. Также был пропитан кровью диван, на котором резали несчастных. На полу валялись книги, покрытые толстым слоем запекшейся крови. Вблизи валялся тяжелый эмалированный кувшин, служивший также орудием убийства. В углу образовалась целая лужа высохшей человеческой крови. В этих ужасных мучениях окончили свою жизнь в течение нескольких часов 120 человек, почти все ремесленники и рабочие.

■ ■ ■

Жертвы банды Галака в Белоруссии. Мать и двое детей с размозженными головами

Жертвы погрома в Велиже, Витебской губ. У четырехлетнего мальчика проколот живот
У семилетней девочки раздроблен череп

Жертва Копоткевичского погрома 1921 г.

Беженка из местечка Ковчицы, Бобруйского уезда. Сидит у постели последнего смертельно раненого ребенка. Трое старших убиты

Жертва Копоткевического погрома. Глубокая сабельная рана

Жертвы балаховической банды в м. Копоткевичи, Бобруйского уезда. Июль 1921 г.

Бабушка и внучка, замученные григорьевцами

Погром в местечке Любань

В конце мая 1921 года мест. Любань подверглось нападению банды, которая зверски расправилась с населением. В течение короткого времени было убито свыше 100 человек мужчин и женщин. Имущество разграблено.

■ ■ ■

В заключение приведем еще два интересных документа: рассказ одной из пострадавших, Хаси Кветкиной, 40 лет, из деревни Терево, Мозырьского уезда, и характеристику белогвардейских погромщиков из союза „Спасения Родины“.

■ ■ ■

Безоружное и беспомощное, сдавливаемое со всех сторон все более и более сужившимся железным кольцом бандитской блокады, оно покорно ждало своей гибели, мечтая только, как о высшем блаженстве, о мгновенной смерти без унижений и пыток.

Вполне понятно, что никакие силы и никакие нервы не могли выдержать продолжительного пребывания в таких адских условиях, и еврейское население пользовалось каждым благоприятным моментом, каждым временным ослаблением этой страшной блокады, чтобы бежать из зачумленных погромных очагов в ближайшие крупные города или к румынской границе, где чудились защита и спасение.

Группа тетиевских беженцев во дворе отдела социального обеспечения в Одессе

Массовый исход целых местечек и городков представлял собою в ту пору бытовое явление. Бывали случаи, когда многотысячная еврейская масса, например, из Тетиева, из Радомысля, панически бежала, без направления и цели, руководимая исключительно инстинктом самосохранения.

Положение этих многотысячных беженцев было поистине трагическое: оборванные, босые, измученные и больные, лишенные самого необходимого, безжалостно брошенные в водоворот нищеты, голода и болезней, они скоплялись в больших городах и в пограничных местечках, валяясь на вокзалах, в синагогах, сараях, амбарах и просто на мостовой под открытым небом, образуя всюду страшные очаги заразы и смерти.

На румынской границе собралось несколько десятков тысяч совершенно разоренных людей, убежавших в чем были и подвергавшихся диким издевательствам со стороны румынской пограничной стражи, которая их не пропускала через границу.

Самые цветущие и населенные пункты были превращены в пустыни. Еврейские городки и местечки выглядели мрачными кладбищами: дома сожжены и разрушены, улицы мертвы и пустынны. Из каждого уголка несется дыхание смерти. Целый

ряд еврейских населенных пунктов, как, например, Володарка, Богуслав, Борщаговка, Знаменка, Фастов, Тефиополь, Кутузовка и др., сожжены были до тла и представляют груду развалин.

Разрушение еврейских поселений носило такой варварский характер, что на ближайшее время исключена всякая возможность их реставрации. Сотни местечек в районе бывшей черты оседлости до того опустошены, что даже после окончательного укрепления Советской власти и установления абсолютной гарантии безопасности бежавшее оттуда еврейское население не имеет никакой физической возможности вернуться на свои старые окровавленные пепелища.

В прежних районах высокоразвитой промышленности после погромов совершенно замерло ремесло и кустарничество, находившееся, главным образом, в руках евреев, которые вместе со своим имуществом лишились также своего инвентаря и всех орудий производства.

Погромы разрушили десятки, сотни, тысячи мелких хозяйств, домов, лавок, ремесленных предприятий, фабрик и заводов, земледельческих колоний и пр. Десятки тысяч людей были превращены из обывателей, выполняющих те или иные хозяйственные функции, в беженцев. т.-е. в людей. принужденных ютиться в общежитиях, получать помощь в благотворительных учреждениях и в большинстве лишенных возможности работать в своей области и по своей специальности.

Таким образом. около половины городского населения Украины и Белоруссии (вся еврейская часть) была совершенно выведена из строя хозяйственной жизни, что безусловно имело весьма тяжелые последствия в государственном масштабе. Это сильно ощущается в общей сумме материальных ресурсов Союза Республик и долго еще будет влиять, как отрицательный фактор, задерживающий „смычку“ города с деревней, которая до момента полного развития государственной фабрично-заводской промышленности будет безусловно нуждаться в продукции еврейского ремесленника и кустаря.

Каковы же действительные конкретные итоги этой величайшей катастрофы, постигшей еврейские массы Украины и Белоруссии?

Точных, вполне исчерпывающих данных, к сожалению, нет да и не могло быть. ибо в разгаре погромной эпидемии трудно было заниматься статистикой. Нет никакого сомнения, что, помимо десятков тысяч погибших в городах и местечках, было очень много без вести пропавших во время скитаний по лесам, болотам и полям в поисках убежища от преследования бандитов.

Совершенно не установлено число выброшенных из поездов на ходу, число потопленных в реках, число сожженных и число убитых и закопанных самими бандитами.

При таких условиях число убитых на Украине и в Белоруссии за время от 1917 по 1921 г. г. включительно колеблется между 180—200 тыс. чел.

Сюда еще не входит довольно значительное число погибших впоследствии от неизлечимых ранений, от тяжких венерических болезней, от холеры, тифа и др. эпидемических болезней, свирепствовавших среди беженцев. Уже одна цифра сирот, превышающая 300.000, свидетельствует о колоссальных размерах катастрофы. Если же мы примем во внимание, что общее число материально пострадавших достигает 700.000 человек, а сумма убытков исчисляется во многие миллиарды золотых рублей, то общие итоги погромной эпопеи вырисовываются перед нами во всем своем мрачном величии.

Ужас всего пережитого усугубляется тем, что весь этот кровавый кошмар свершился на глазах буржуазной Европы, перед лицом официальных представителей Антанты, которые в период гражданской войны находились на Украине при петлюровском и деникинском правительствах и были через общественные организации прекрасно осведомлены о действительном положении дел...

От этих антантовских эмиссаров и от их правительств зависела судьба тысяч и тысяч обреченных, но они ничего не сделали для того, чтобы приостановить занесенный над еврейским населением меч убийцы. Жестокость и лицемерие уми-

рающего буржуазного мира проявились в том, что в погоне за восстановлением своих разрушенных революцией позиций международный капитал молчаливо санкционировал это страшное жертвоприношение. Международная буржуазия старалась помочь российской и украинской контрреволюции проложить себе путь к реставрации через горы еврейских трупов и через реки еврейской крови, и в этом ее неизгладимая вина пред историей и пред трудящимися всего человечества.

З. Островский.

Москва, март, 1924 г.

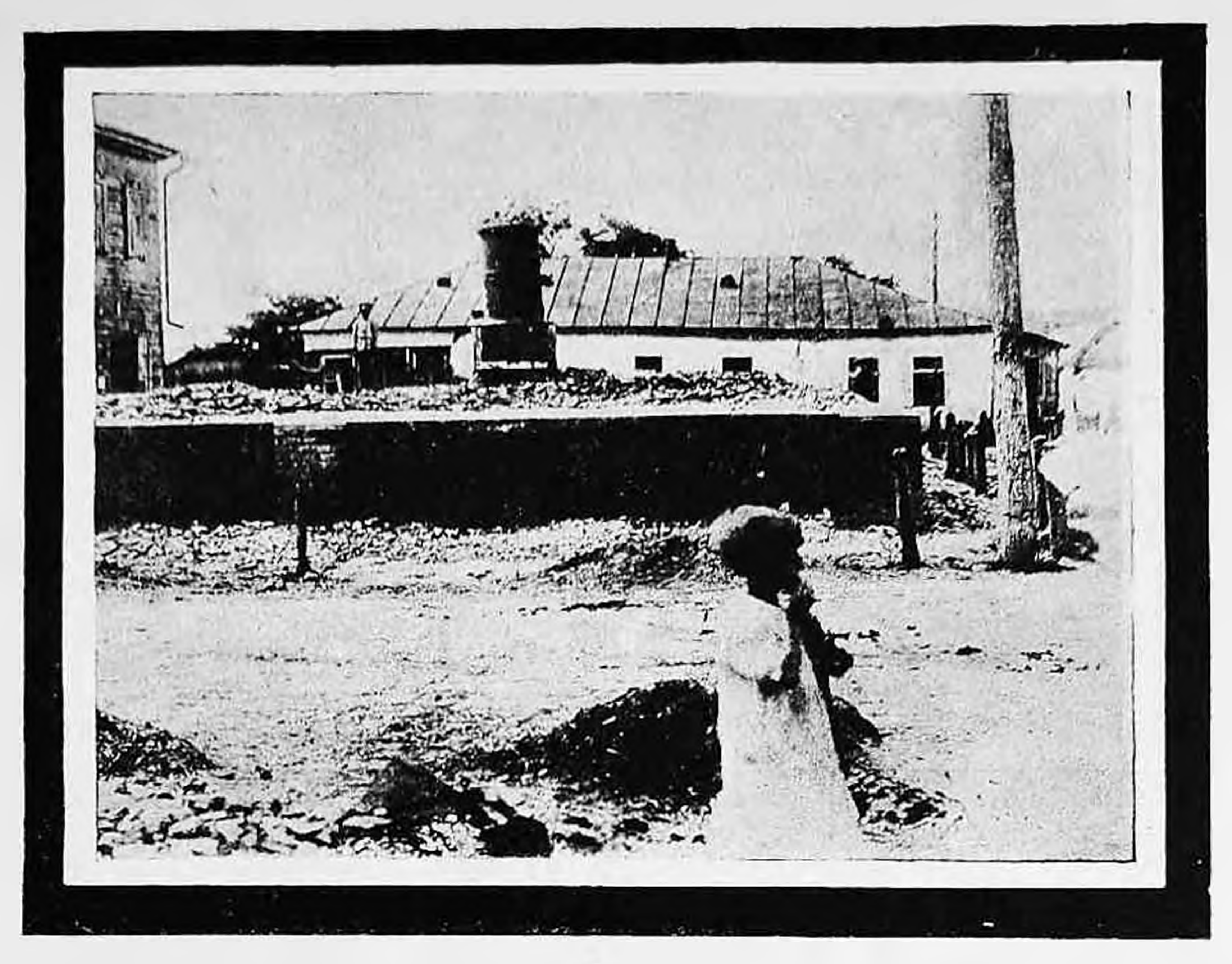
„СКОРБНЫЙ ЛИСТ"

Название губерний:	Число погромл. пунктов	КЕМ и СКОЛЬКО ПОГРОМОВ БЫЛО УЧИНЕНО					
		Деникинцами	Петлюровцами	Поляками	Балаховичем	Бандами	Общее число погромов*)
Волынская	100	1	26	6	—	100	133
Подольская	164	44	113	15	—	198	370
Киевская	239	92	47	8	—	359	506
Черниговская	42	15	5	—	—	31	51
Полтавская	40	25	5	—	—	24	54
Харьковская	12	13	—	—	—	—	13
Николаевская. **Одесская**	71	27	8	—	—	60	95
Екатеринославская .	26	3	2	—	—	44	49
Донецкая	9	6	—	—	—	18	24
Итого на Украине .	703	226	206	29	—	834	1295
В Белоруссии	179	—	5	18	43	130	196
В Гомельск. губерн. .	29	—	—	—	4	25	29
Всего**):	911	226	211	47	47	989	1520

*) Число погромов превышает число погромленных пунктов, потому что многие пункты подвергались погромам по несколько раз.

**) Сюда не вошли деникинские погромы, учиненные ген. Мамонтовым в Курске, Козлове, Тарасове, Ельце и др. пунктах.

ПОЖАРИЩА И РАЗРУШЕНИЯ

м. Богуслав после погрома. Случайно уцелевший ребенок блуждает по развалинам, отыскивая родных

Сожженный и разграбленный Богуслав, Киевской губ.

Разрушенное и разгромленное м. Виноград, Киевской губ.

м. Теофиполь, Подольской губ., разгромленное и сожженное

Рассказ Хаси Кветной

9-го вечером мы узнали, что идет банда балаховцев. Получилась телеграмма о прибытии войск. В местечке решили, что надо остаться. Мой старший сын ушел с самообороной. Оставшиеся разошлись прятаться, кто куда. Мы пошли в рожь ночевать. Я пошла с женой М. Эренбурга. На рассвете нам сказали, что пришел Шлейма Гошиц с нашими войсками. Будучи уверены, что это действительно так, мы встали и ушли. По дороге мы услышали стрельбу и за нами стали гнаться. Нас поймали и поставили напротив квартиры Анцеля Гинзбурга. Оставив около нас постового, остальные бандиты пошли к квартире Гинзбурга. Выломав окно, несколько бандитов ворвалось в дом.

Группа сирот-беженцев из м. Ковчицы, Бобруйского уезда

Там они убили жену А. Гинзбурга и одну соседку, третью ранили, а Анцеля Гинзбурга выбросили окровавленного на улицу. Его присоединили к нашей компании и избивали. Он им говорил: „я уже вам все отдал — золото, деньги, вещи; я не приверженец Троцкого". К этому времени к нам присоединили еще несколько человек. Нас, человек 15, погнали к Носону Каплану. По дороге нас избивали. Вогнали нас в квартиру. У дверей встал крестьянин с винтовкой в лаптях и свитке. Женщины уселись на кушетку. Скоро в квартиру согнали еще около 50 человек, большинство женщин. Были мужчины и дети. Мужчины уселись на полу. К квартире с'ехались все конные, около 25 человек. Лошадей привязали к забору, и все всадники вошли в дом. Всех женщин, наиболее молодых, вводили в отдельную комнату, где стояла кровать, и, укладывая всех поперек кровати, друг около друга, их изнасиловали. Женщины выходили после каждого изнасилования и усаживались, окровавленные, на кушетку. Всех женщин брали в комнату по 3 — 4 раза. Двух девушек растерзали и выбросили. Прибежал „пан-капитан", схватил большой кувшин и стал им избивать всех по голове. Кровь брызгала по сторонам. В особенности избивали Анцеля Гинзбурга. В комнате изнасиловали 15-летних девушек. Меня также 3 раза брали в комнату, но каждый раз я им указывала,

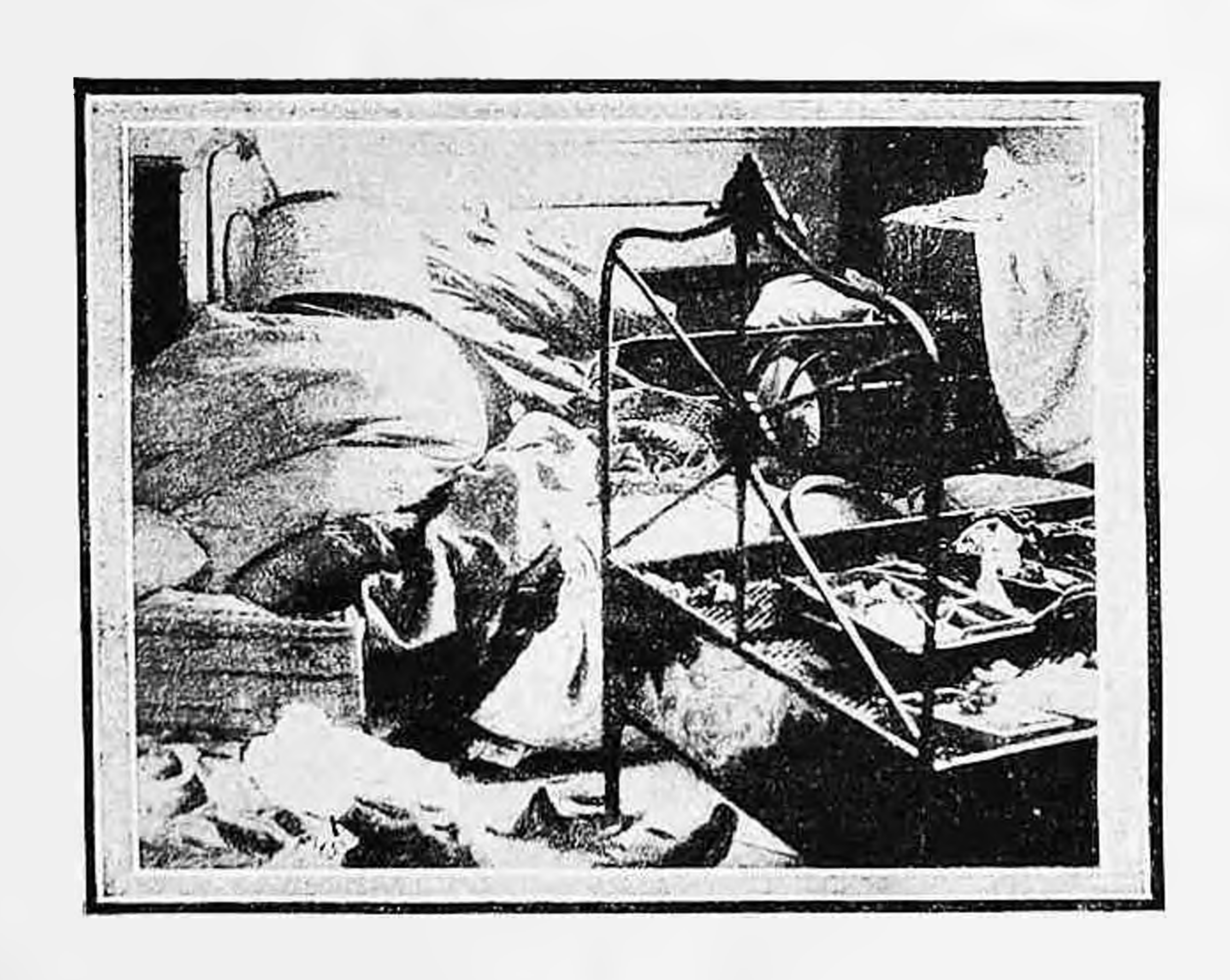
что я им не интересна*), и меня отталкивали. После все разошлись, остались только двое нас охранять. А. Гинзбург нам сказал: „Ведь я еще совсем не молился". Тогда Броха-Гиша Эренбург, достав немного воды, дала ему. Он помыл руки и начал молиться. В этот момент вбежал бандит и, застав его молящимся, начал кричать: „Уже начал болтать! Нельзя болтать по еврейски". Гинзбург стал читать предсмертную молитву вслух для мужчин, а Броха-Гиша для женщин. Капитан, вбежав, спросил: „Кто там болтает"?—и стал избивать Гинзбурга. Последний уже лежал на полу, взял брошеный кувшин и приложил его к своим ранам, и кувшин наполнился кровью. Тогда один бандит схватил кувшин и стал им еще больше избивать Гинзбурга. Бандиты приносили водку в бутылках и, выпивая каждую из них, разбивали о головы евреев, приставляя их каждый раз к дверям комнаты. Откупоривая каждую бутылку, они сначала давали евреям пробовать... Стали выводить по два на улицу; раньше мужчин. С обеих сторон стали у дверей двое—один с шашкой, другой с дубинкой. И, выпуская их таким образом из квартиры, тут же убивали. Убитых выбрасывали на улицу. А. Гинзбурга и еще двух вывели на улицу и напоили их по полстакана серной кислоты. После достали нож из соломорезки и тупой стороной стали медленно резать шею Гинзбургу. Эту операцию бандиты сопровождали хохотом. После стали выводить женщин. Брохе-Гише стала искать воды, сказав; „Я отправляюсь на тот свет, надо руки вымыть". В этот момент один бандит схватил кувшин и ударил ее по голове. Она от испуга „упачкалась", стала вытираться, сказав: „Мое платье—ведь мой саван, в нем я буду похоронена, а саван должен быть чистым". Ее вывели и тут же убили шашкой. Ко мне подошел бандит и сказал: „Ты видишь, сколько посреди улицы лежит убитых, смотри, чтобы ты дала много золота". Я ответила: „Я дам много". В комнате осталось 5—8 человек. Меня с детьми и женой Эренбурга отправили ко мне домой. Я их завела в сарай, вынула драгоценности, деньги и отдала им. Им это было мало, и они стали требовать еще. Я им указала место, где были зарыты мои и моей сестры вещи. Они вырыли, но вещей не трогали, а просили 10.000 р. „николаевскими". Я им сказала, что больше у меня нет денег. Один из бандитов ответил: „Мы тебя сейчас в эту яму похороним",—а другой схватил мерку и ударил моего сына Михеля, 10 лет, по голове. Другой схватил топор, только что принесенный из моей квартиры, и ударил меня по голове. Я упала навзничь в яму. Тогда он начал избивать топором второго сына, Илью, 14 лет, который также упал на меня в яму. Михеля еще раз ударили, и он тоже упал на нас. Эренбург хотела убежать, но тут же ее ударили топором по голове. Череп разлетелся, и она упала на нас. Я лежала внизу. Зашумело в голове. Очнувшись, я увидела, что светло. Узнала своих детей, продвинула в сторону убитую Эренбург и вытащила детей. Один из них крикнул: „маменька", а второй, Михель, лежал, как убитый. Что делать? Воды нет. Своих ран я не чувствовала: я решила спасти своих детей. Все равно, пойду в дом. На улице—шум и крики. Я подошла к дверям. В моей квартире в то время ломали шкафы. Я тут же обратно в сарай, схватила Михеля и спряталась с ним в углу. Полежала минут 10. Вдруг слышу свистки. Это бандиты стали созывать друг друга и собираться. Я решила еще раз сходить в дом за водой. На этот раз бандитов уже в доме не было. Я застала своих двух племяниц ранеными. Напоив их, я сейчас же побежала с водой к своим детям. На улице крики еще все продолжались. В сарае я не застала старшего сына: он через какую-то дыру выполз в рожь. Я об этом не знала. На улице утихло. Через щель я увидела фельдшеров Дубицкого и Афанасьева. Я сейчас же к ним бросилась с просьбой оказать помощь моему ребенку. Насильно я их потащила к Михелю. Дубицкий сделал ему укол, и он сейчас же застонал. Они ушли. В это время я увидела Эстер Гинзбург. Она была одна и производила впечатление помешанной. Было жутко. Она меня поволокла к соседу на чердак. Я почувствовала боль в голове. Мы слезли, встретили 2 русских девушек, которые мне сообщили, что мальчик мой жив. Они имели в виду Элью. По дороге мы встретили ране-

*) Очевидно, из-за месячных очищений.

ную Гиту Гинзбург в груде трупов их семьи. Она умоляла проходивших мимо фельдшеров о помощи, но те, проходя, ответили, что помощь не нужна: они все равно отойдут. Тут подошла жена попа и подобрала раненого ребенка Э. Гинзбург; среди трупов и раненых я узнала своего Элью; начала просить попадью убрать Гиту Гинзбург и моего сына. Я пошла в ближайший еврейский дом, взяла подушки и простыню и мы их отнесли в сад. Попадья принесла клубники, напоила их. Все начали понемногу приходить в себя. В этот момент стало опять тревожно... Говорили, что бандиты опять идут. Крестьянки стали удирать к себе в дома. Я также хотела с ними, но они меня в дом не впускали: „Убьют нас вместе с вами",—ответили они. Одна русская девушка указала мне на свой огород и спрятала меня во ржи, принесла мне воды и хлеба и ушла. Опять открылась стрельба. Я лежу. Через несколько минут девушка эта вернулась (я ее не знаю) и сказала: „не бойся, голубка, лежи смело: то пришли наши солдаты". Я поднялась и поплелась искать своих детей. Пришла в сад к раненому сыну, затем в сарай к контуженому. Он стонал тихо. Пришла сестра милосердия из отряда Карпова с фельдшером Босковичем, стала нас перевязывать и забрала нас в больницу. Там мы переночевали. На следующий день приехали наши врачи.

Верно:

Делопроизводитель (подпись)

Сообщение врача А. Н.

Накануне прибытия балаховцев у меня в квартире поселилась сестра милосердия Аладьина (русская) и фельдшер Томашевский (поляк). Вся семья ушла из дома; я был в больнице. Борис Савинков прибыл в Мозырь в 8 час. вечера, через два часа после прибытия балаховцев, и остановился в моей квартире. Тут же разместились полковник и низший командный состав. В ту же ночь они начали искать в квартире спирт, нашли пузырек с грязным спиртом (после промывания шприцев) и выпили его: пил также и Савинков. Савинков приставал к сестре Аладьиной, что она еврейка, и говорил ей: „Сознайтесь, вы еврейка или русская“? Она ему показала свой крест, и тогда он поверил, что она православная. Савинков узнал по кабинету, что здесь живет врач, и стал допытываться у Аладьиной, где я, говоря: „он, наверное, коммунист и удрал“. Он, повидимому, догадывался, что я в больнице, и сестра все боялась как бы балаховцы не отправились туда за мной. Аладьина сказала ему, что я беспартийный, и что утром я явлюсь домой. Утром в больницу пришел фельдшер Томашевский и сообщил, что у меня на квартире все обстоит благополучно, выпили только эфир и спирт. Вообще же в городе,—сказал Томашевский,—плохо—грабят все, при чем в грабеже принимает участие и Савинков,—ему приносят награбленное домой. Ночью солдаты приносили золотые вещи и показывали Савинкову. Некоторые, повидимому наиболее ценные, он оставлял у себя, а остальные отдавал солдатам. Савинков сказал одному солдату: „Ты же знаешь, что у меня нет носовых платков, почему не приносишь?“. „Слушаюсь, господин министр“,—ответил солдат и через полчаса принес дюжину шелковых платков (впоследствии оказалось, что платки эти забраны у врача Л.). Полковник сказал одному солдату: „Чего не приносишь мне сапог?“—„Слушаюсь, господин полковник“,—ответил солдат, зашел в соседнюю комнату, взял из-под кровати желтые сапоги моего брата Л. и принес их полковнику. Фельдшер закончил свой рассказ следующим образом: „На основании всего этого я не гарантирую, что ваша квартира уцелеет и, вообще, это—форменная банда“. Через час пришла Аладьина, рассказала обо всем происходившем у меня на квартире и изложенном выше, добавив, что за мной прийдут два офицера, которым Савинков приказал не трогать меня и доставить меня на квартиру под своей охраной.—„Вы не бойтесь, я клялась честью и крестом, что вы беспартийный, и вас не тронут, можете смело итти. Вы его только называйте: „господин министр“.—Вошли два офицера и пригласили меня. Я пошел с ними. По дороге офицеры просили указать где можно достать спирт. Когда мы пришли на квартиру, офицеры доложили обо мне Савинкову. Он просил несколько подождать. Через 5 минут он меня пригласил в комнату сестры Аладьиной. Сестра представила меня. „Очень приятно“,—сказал Савинков. Он был очень хорошо одет—в русской гимнастерке, в немецких брюках, без шапки и оружия. Он попросил сесть. Между нами призошел следующий разговор:

Савинков: Моя фамилия вам, вероятно известна. Я—Борис Савинков: состою в партии с.-р. с 1902 г.

Я: Господин министр, вы были при Керенском?

Савинков: Да.

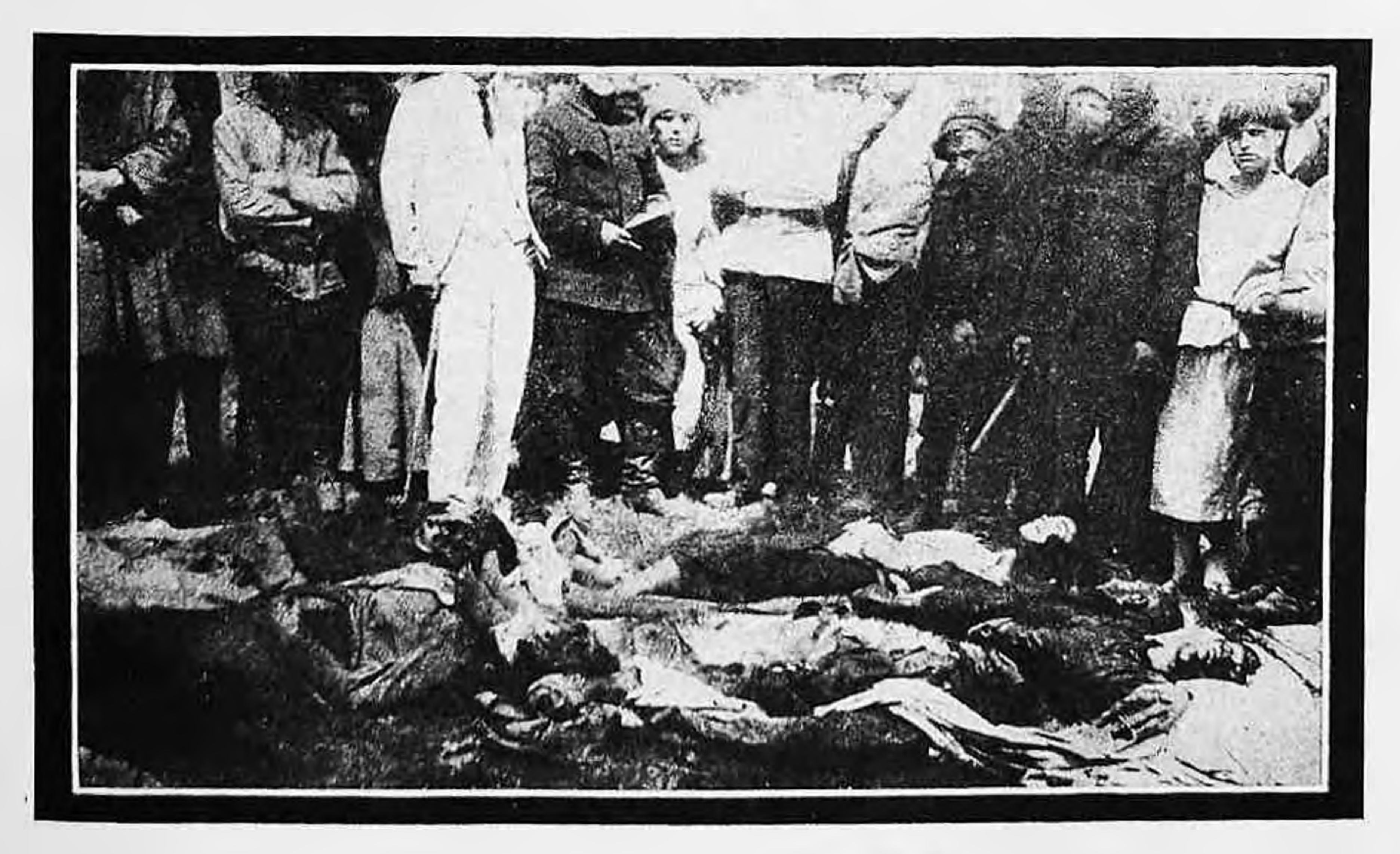
Я: Тогда я ваше прошлое знаю.

Савинков (предложил мне папиросу): Я извиняюсь, доктор, что вашу квартиру загрязнили, внесли некоторый беспорядок. Может быть, солдаты какую-нибудь мелочь забрали, но трудно уследить—нет хозяина; напрасно вы ушли из дома. Вчера с дороги мои офицеры попросили водки, и мы выпили немного вашего спирта. Я извиняюсь, все будет компенсировано вином и коньяком. Идут наши обозы, они привезут много всего. Я извиняюсь, доктор: у вас на столе стояла коробка из под сигар, в ней были разные мелочи, я их не трогал, но коробку взял; когда буду уезжать—верну.

Я: Ничего особенного в квартире не случилось. Если мелочи пропали, то это ничего. Я сам был на войне и знаю, что это случается, но я рад тому, что книги целы. Это

Двое сирот из Тростинца, родители коих были зверски убиты на глазах детей. Они долго скитались, пока добрались до Одессы, где были помещены в детдом

Жертвы бандитского погрома в м. Городне. Лето 1919 г.

все научные книги, и их теперь достать невозможно. Это для меня большая ценность, и я очень прошу, чтобы книги были сохранены.

Савинков: Будьте спокойны, доктор, ни одна книга из вашего дома не будеть взята. Доктор, вы являетесь представителем еврейской общины. Есть у вас здесь раввин?

Я: Есть ли духовный раввин, не знаю, но представителем еврейской общины является общественный раввин; при Советской власти эта должность была упразднена. Наш общественный раввин лежит парализованный около 2-х лет.

Савинков: До моего сведения дошло, что произошли некоторые эксцессы, но мы тут абсолютно не при чем. Еврейская пресса обычно начинает сейчас же писать и раздувать. Когда мы вошли в Пинск, там были 32 жертвы на 20-тысячное население, а что об этом писала американская и английская пресса?

В это время в комнату вошел полковник. Савинков меня представил. Полковник сел. Я сразу узнал на нем сапоги брата. Савинков обратился к полковнику: „Сколько было жертв в Пинске?"—„32".—„А сколько там населения"?—„Двадцать тысяч". Савинков опять обратился ко мне:

— Видите, я не лгу. Мы даем всем свободу, без различия национальности и вероисповедания. У нас нет принудительного набора, наша армия состоит из добровольцев. Мы увеличиваем свои силы за счет красных, переходящих на нашу сторону. Каждый наш солдат идет с нами только до места своего жительства, а там мы его освобождаем. Наша армия растет, а Красная уменьшается, ибо переходит к нам; мы победим безусловно. К рождеству, не позже крещения, будем в Москве. Вы врач, но мы не мобилизуем; захотите у нас служить—пожалуйста. Передайте еврейскому населению,—ведь вы врач, вас все знают,—что если у них остались коммунисты, пусть их выдадут. Мы всех коммунистов не вешаем, идейных мы вешаем, а примазавшихся мы оставляем в покое. Что касается советских служащих, то мы их не трогаем. Если не выдадут коммунистов и таковые будут обнаружены, то будет жестокая расправа с укрывателями. Скажите, доктор, кто остался из коммунистов в Мозыре?

Я: Я членом партии не состою и не всех знаю; по дороге из больницы сюда я не видел ни одного коммуниста и поэтому ответить не могу.

Савинков: Ночью происходили недоразумения, эксцессы, неприятности, но будьте уверены, все население будет компенсировано, только, чтобы не было передано прессе. В конце концов делали это не наши, а перешедшие на нашу сторону красноармейцы; наши же совершенно не виноваты. Мы вошли в город озлобленные. Под Романовкой большевики дали нам бой, и представьте себе, что шедший впереди комиссар (он был убит) оказался евреем. Понятно, что, вступая в город, наши начали мстить. Ведь во всем этом виноват прапорщик Цейтлин: он должен был в город войти первый со своим отрядом и охранять еврейские лавки; у него большой еврейский отряд в 800 человек; он струсил и опоздал; я его обогнал на автомобиле, и поэтому все так случилось.

Я: Большевики пять раз занимали Мозырь, и ни разу не было грабежей, благодаря тому, что комиссары удерживали своих солдат. (Савинков ничего не ответил).

Савинков: Меня, доктор, обвиняют в антисемитизме. Помилуйте, какой я антисемит, ведь я женат на еврейке! Теперь, доктор, нельзя ли раздобыть немного спирта, я совсем не пью, но для офицеров нужно, у нас производство идет.

Я: Большевики увезли весь спирт, так что я не обещаю,—спрошу.

Савинков: Будьте любезны, мы вам коньяком уплатим. Может быть, вы переедете сюда, тогда мы вам освободим одну-две комнаты здесь.

Я: Подумаю.

На этом разговор кончился. Мы попрощались. Савинков на прощанье просил заходить. На второй день в больницу пришла сестра Аладьина и сообщила, что сейчас придут офицеры за спиртом; при этом сестра рассказала, что офицеры спросили Савинкова: „Если не будет спирта, прикажите покончить с этим жидом?" Савинков крикнул: „Не смейте!" Скоро пришли офицеры; я им сказал, что спирта нет, дома у меня есть бутылочка с денатуратом, но взять его нельзя, ибо он отравлен

ядом. Они его все-таки выпили. Через несколько дней Савинков созвал собрание евреев в гимназии; там была большая толпа евреев; я не вошел в гимназию и остался во дворе. Савинков вошел во двор, узнал меня и спросил меня, почему я не был на собрании. Я ответил, что был у больных. Он попросил зайти на квартиру. Я пришел. Тут, оказалось, был Балахович.

Савинков представил меня и предложил чай. Я поблагодарил и ушел. Перед от'ездом Савинков запер квартиру и передал ключ прислуге. Были забраны инструменты и кой-какие вещи. Книги были полностью сохранены. Савинков оставил также коробку из под сигар. (*Из материалов о Мозырьском погроме*).

■ ■ ■

Ш. ШВАРЦБОРД
украинский эмигрант, убивший Петлюру в Париже на улице в июне 1926 г.

V

Кровавые итоги погромного периода

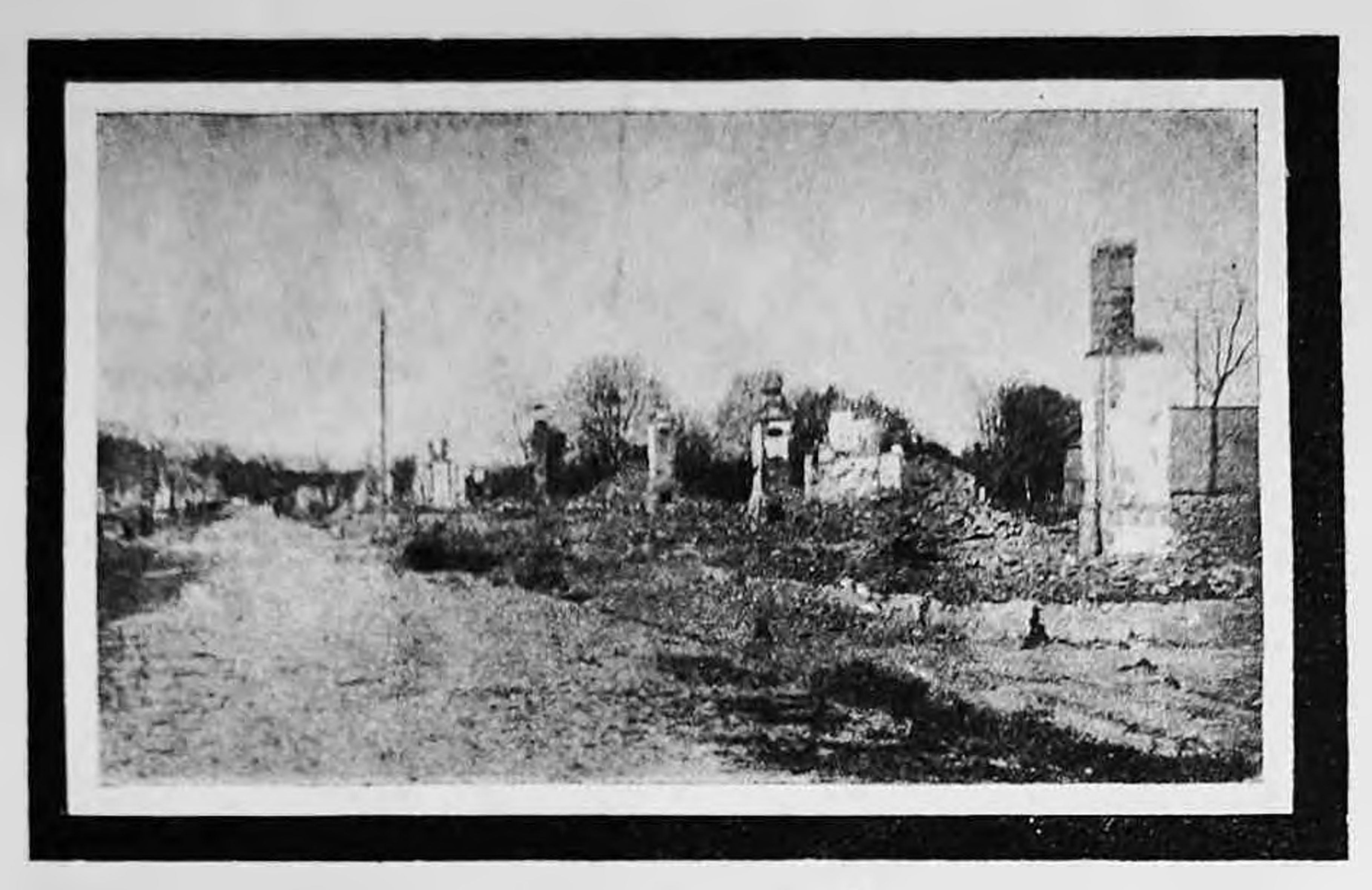

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ разбор и изучение многочисленных погромных материалов с их холодными цифрами, определяющими число убитых, искалеченных, изнасилованных, сожженных, обезумевших от горя и ужаса, разоренных, осиротелых и т. д., — внимательное ознакомление с этими потрясающими цифрами раскрывает перед нами страшную зияющую бездну человеческого горя и страданий...

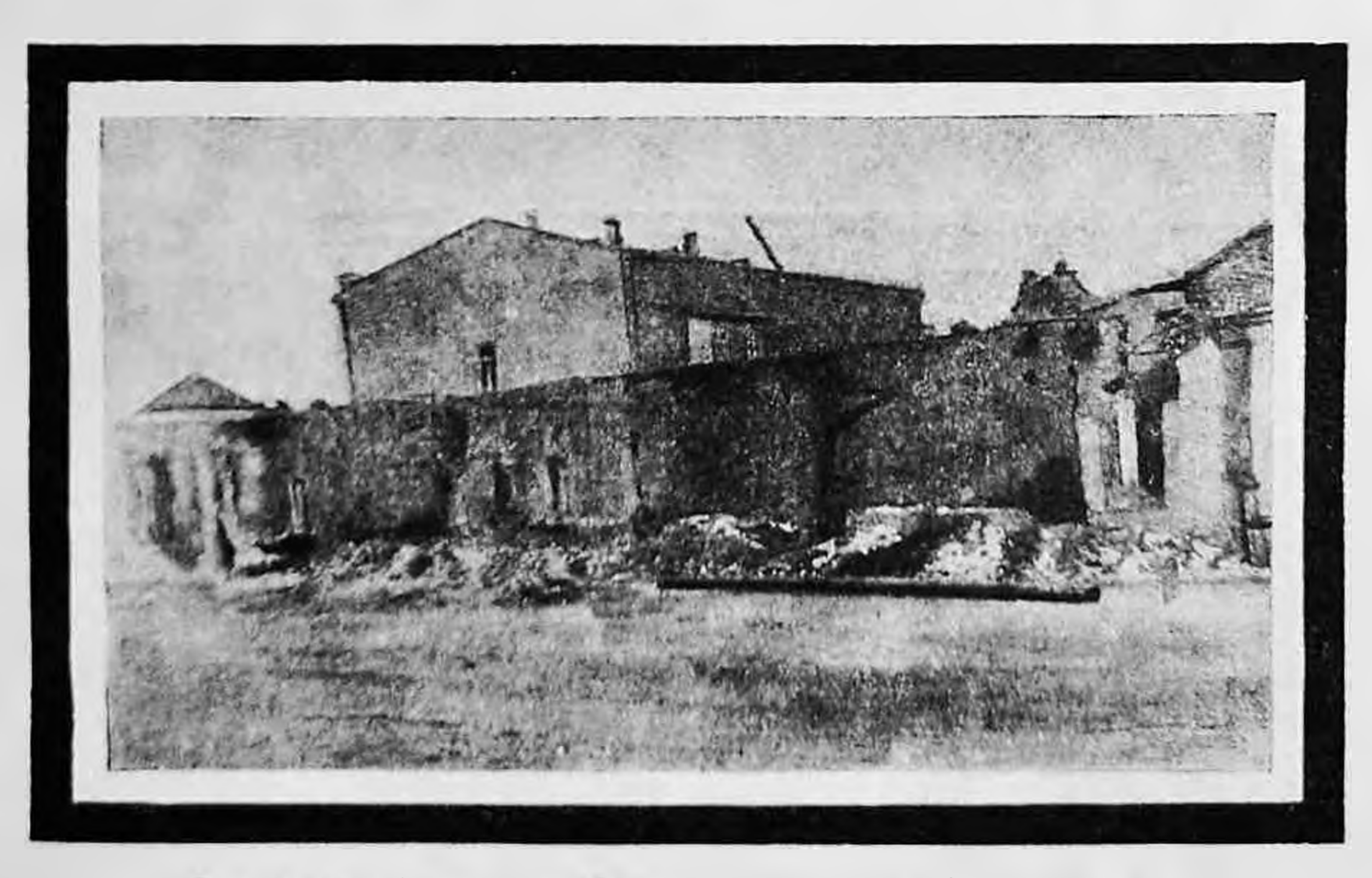
Из каждой строчки, из каждой цифры глядят на нас окровавленные тени замученных жертв дикого разгула контрреволюции и бандитизма.

Мы уже видели, что представляла собой Украина в разгар погромной вакханалии: весь юг и юго-запад России, т.-е. именно Украина, пламенели в огне многочисленных внешних и внутренних фронтов, и хотя борьба между регулярными частями воюющих сторон разворачивалась, главным образом, по линии железнодорожных и водных путей, т.-е. вблизи центров и более крупных пунктов, тем не менее погромный пожар распространился постепенно из центра на всю периферию, ибо всюду, даже в самых отдаленных и глухих углах, образовывались банды, довершавшие то, что не было сделано регулярными петлюровскими или деникинскими частями. Так, например, банда Соколовского оперировала в районе Радомысла, Житомира, Умани, Сквиры и Погребища; банды Зеленого—в районе Триполя; банды Яцейка—в районе Таращи; банды Струка — в Чернобыльском районе: банда Волынца действовала в Гайсинском районе, банда Ангела — в Бахмачском районе; григорьевские банды свирепствовали на огромной территории Елисаветград-Черкассы; махновские банды гуляли по Полтавской и Екатеринославской губ., а также подвизались в районе Гуляй-Поле-Александровск и в еврейских колониях; банды Галака и Семенюка свирепствовали в Белоруссии и т. д., а кроме этих крупных банд действовали десятки мелких бандитских шаек, которые забирались в самые отдаленные углы, где только возможно было поживиться еврейским добром и упиться кровью и страданиями еврейской жертвы.

Еврейское население было, таким образом, как бы охвачено адским кольцом, не имея почти никакой возможности уйти или скрыться куда-нибудь от лютой смерти.

Развалины м. Литин, Подольской губ.

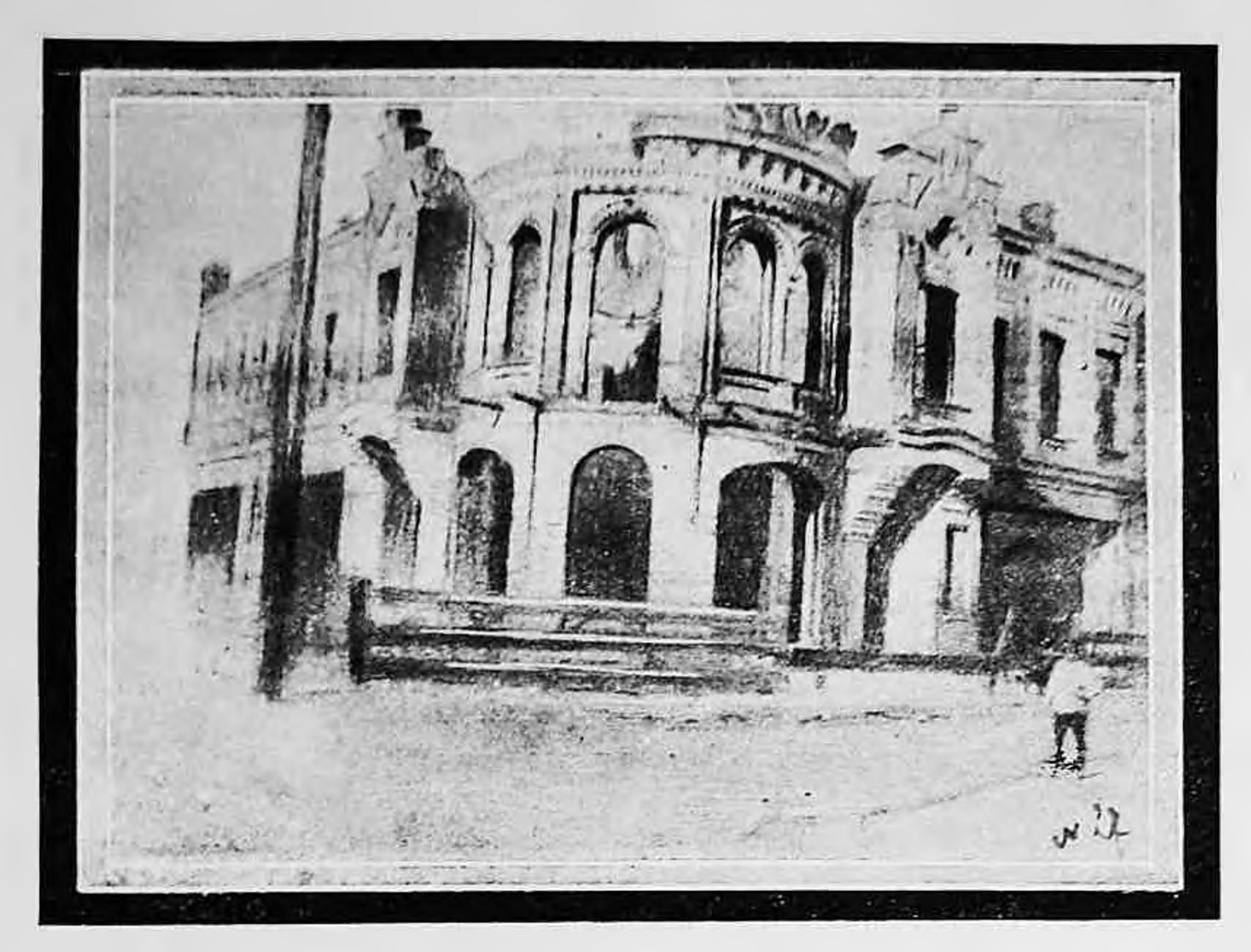

Одна из улиц г. Александровска, Екатеринославской губ. после Махновского погрома

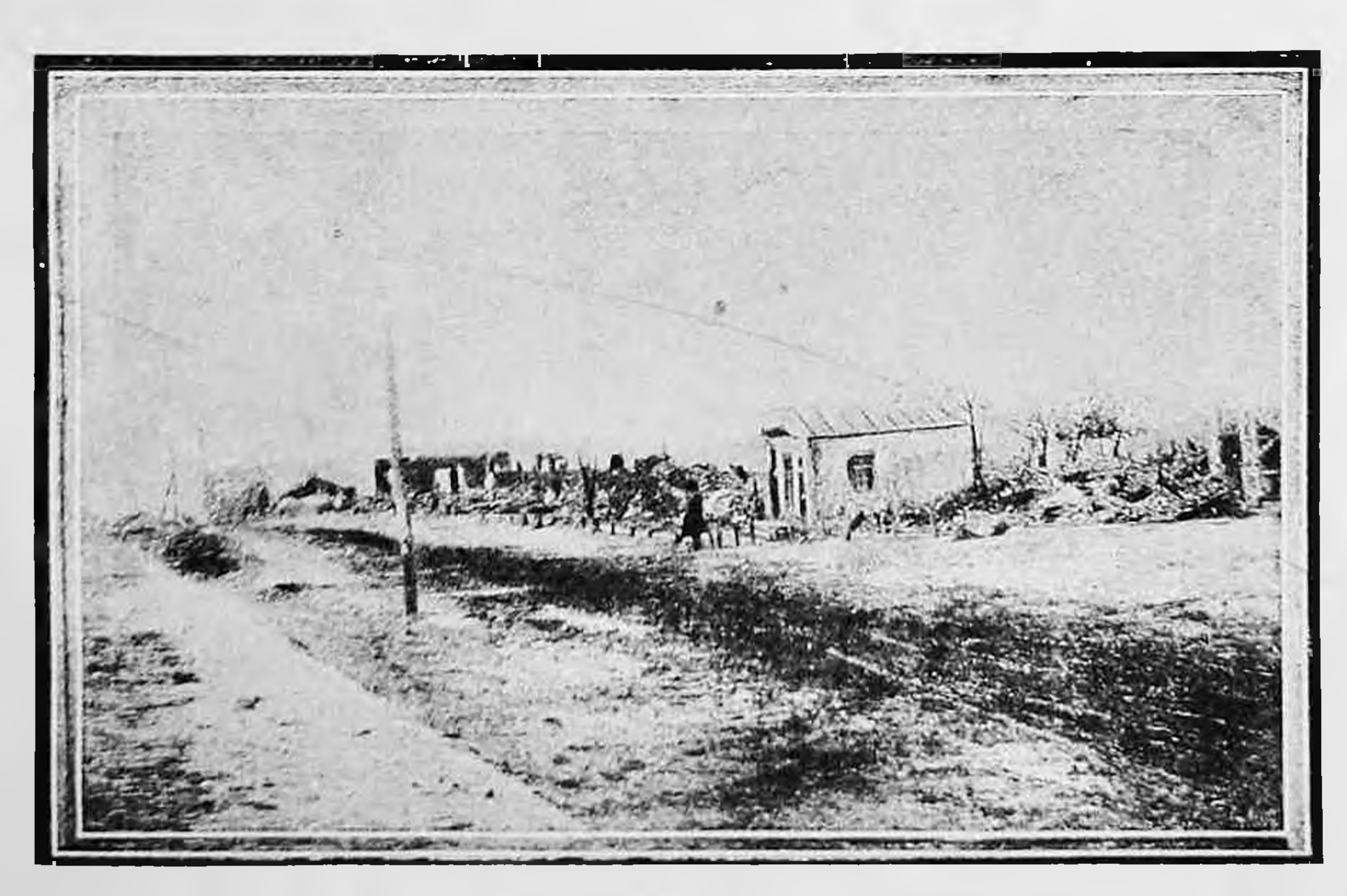
Фастов, сожженный и разрушенный деникинцами. Сентябрь 1919 г.

Сожженная и разрушенная деникинцами часть Фастова. Сентябрь 1919 г.

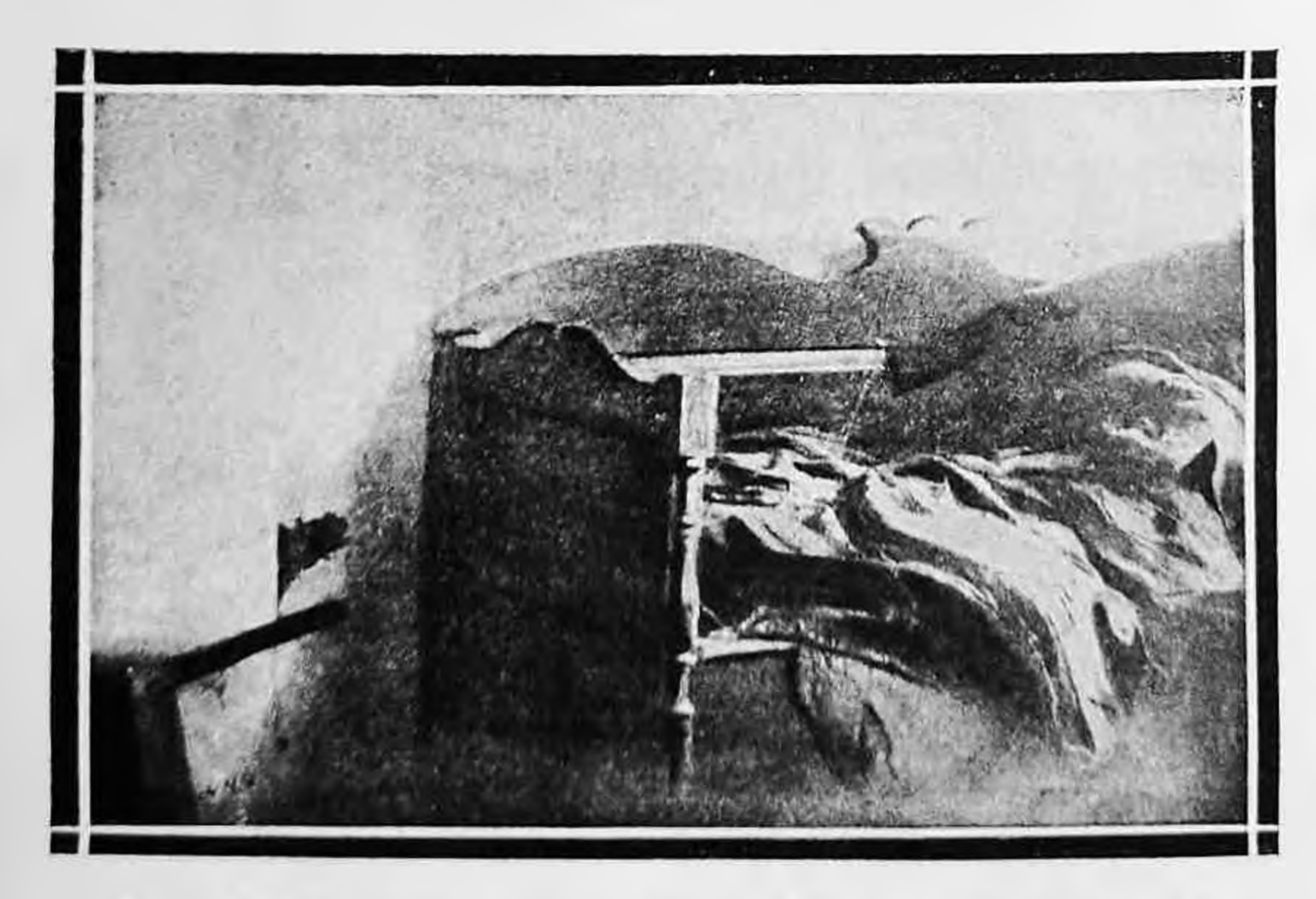
Разгромленный деникинцами квартал в Черкассах. Киевской губ.

Фастов после деникинского погрома

Разгромленная квартира в Городище, Киевской губ.

Одна из комнат в доме, где произошла страшная резня, в Словечне, май 1919 г.

ПОГРОМЛЕННЫЕ

Беженская семья в Ананьевском общежитии. Херсонской губ.

Беженское общежитие в Богуславе, Киевской губ.

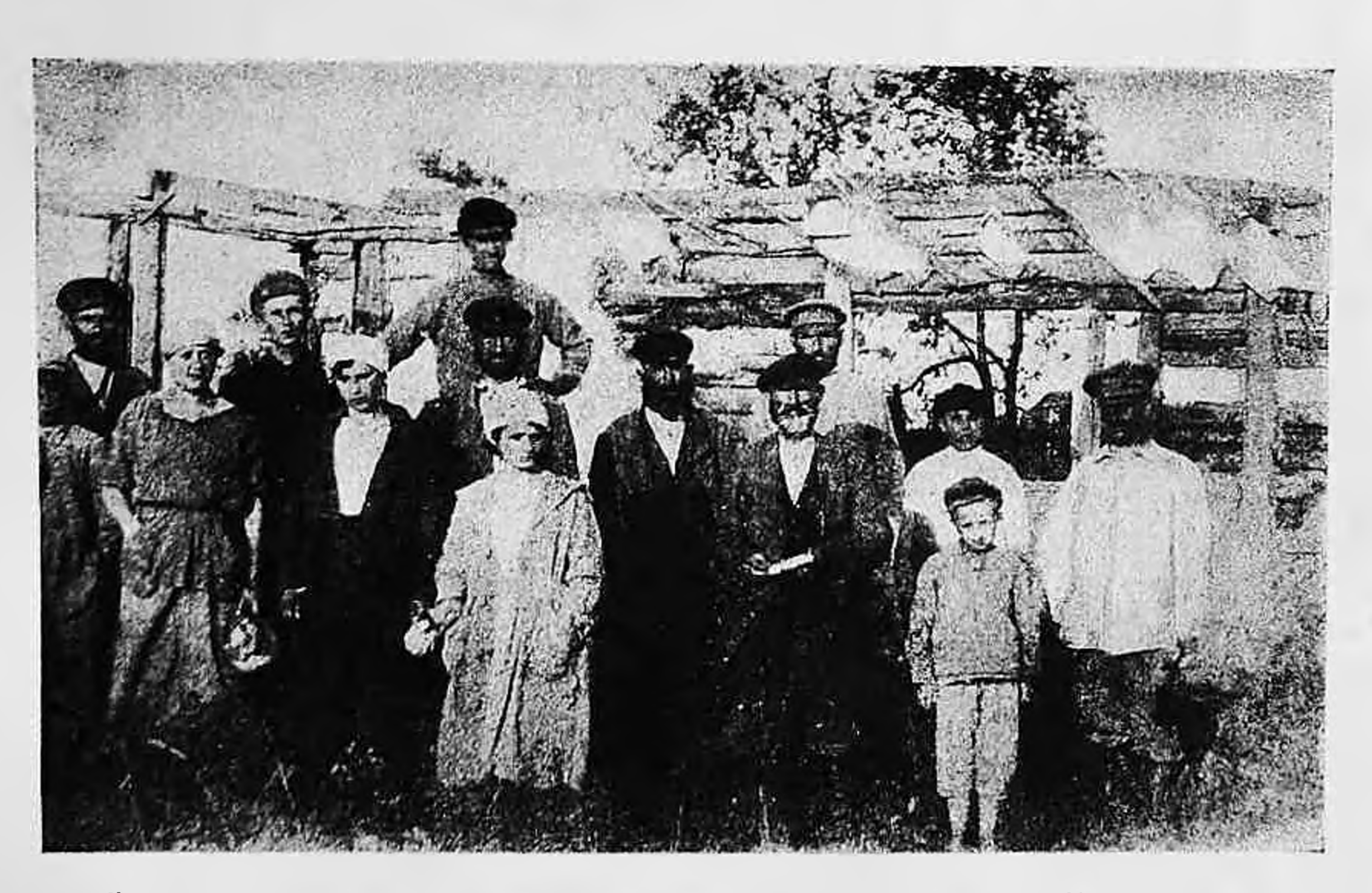
Типы погромленных беженцев

Группа погромленных беженцев у питательного пункта в Каменец-Подольске

Семья беженцев-погромленных в Ананьевском общежитии. Херсонской губ.

Группа колонистов разгромленной деникинцами еврейской колонии „Кодлубицкой" вблизи Фастова. Уцелела только часть одной постройки

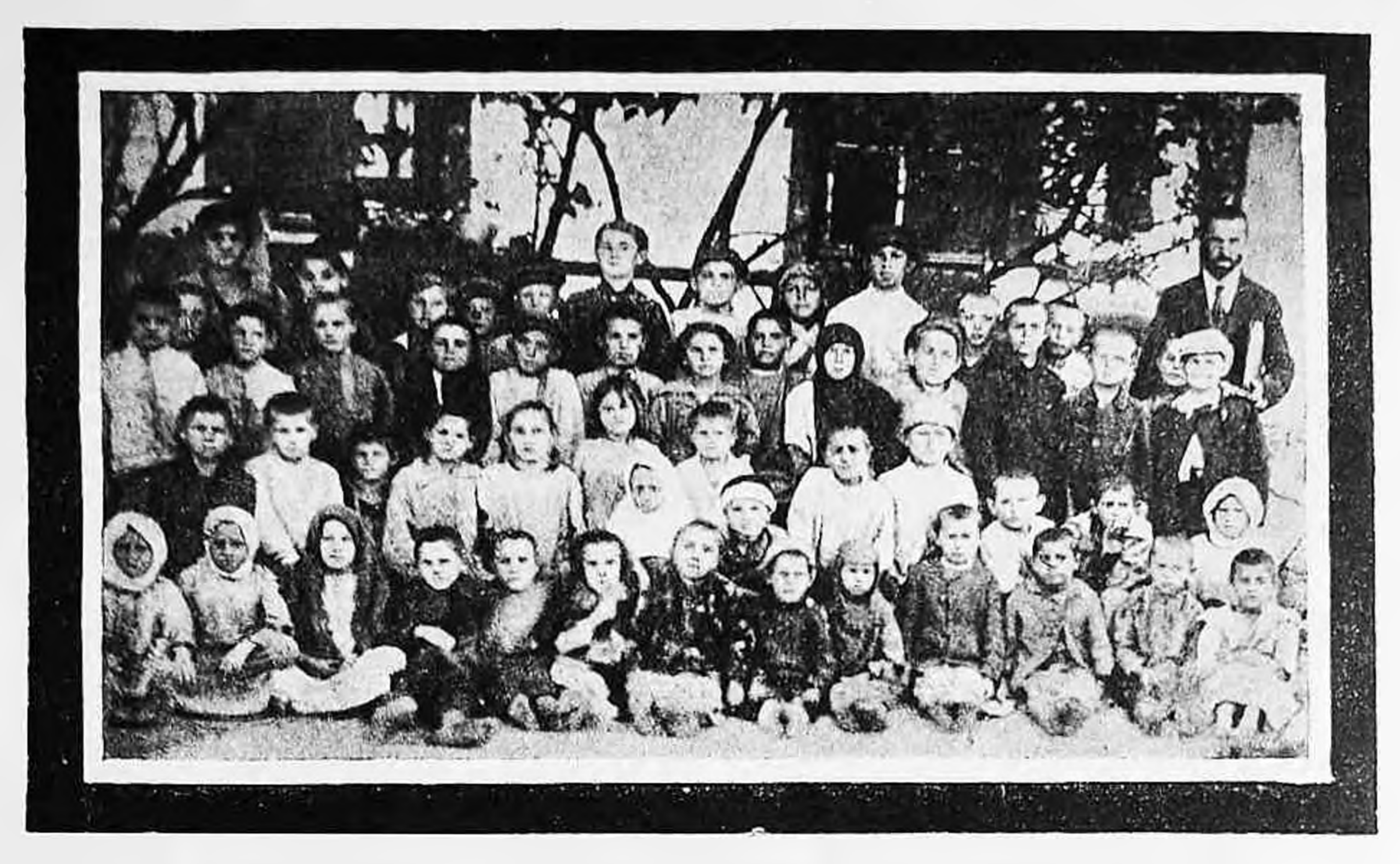

Группа беспризорных сирот, жертв погромов, собранных в детском коллекторе в Одессе. 1919 г.

Дети сироты, оставшиеся без родных и помещенные в беженское общежитие в м. Белая-Церковь, Киевской губ.

Ржищев, Киевской губ., после бандитского налета

Сироты погромленных на детском питательном пункте в г. Каменец-Подольске

Группа сирот беженцев из м. Копоткевичей, Бобруйского уезда
У всех этих детей имеются родственники в Америке

ПОГРОМЩИКИ

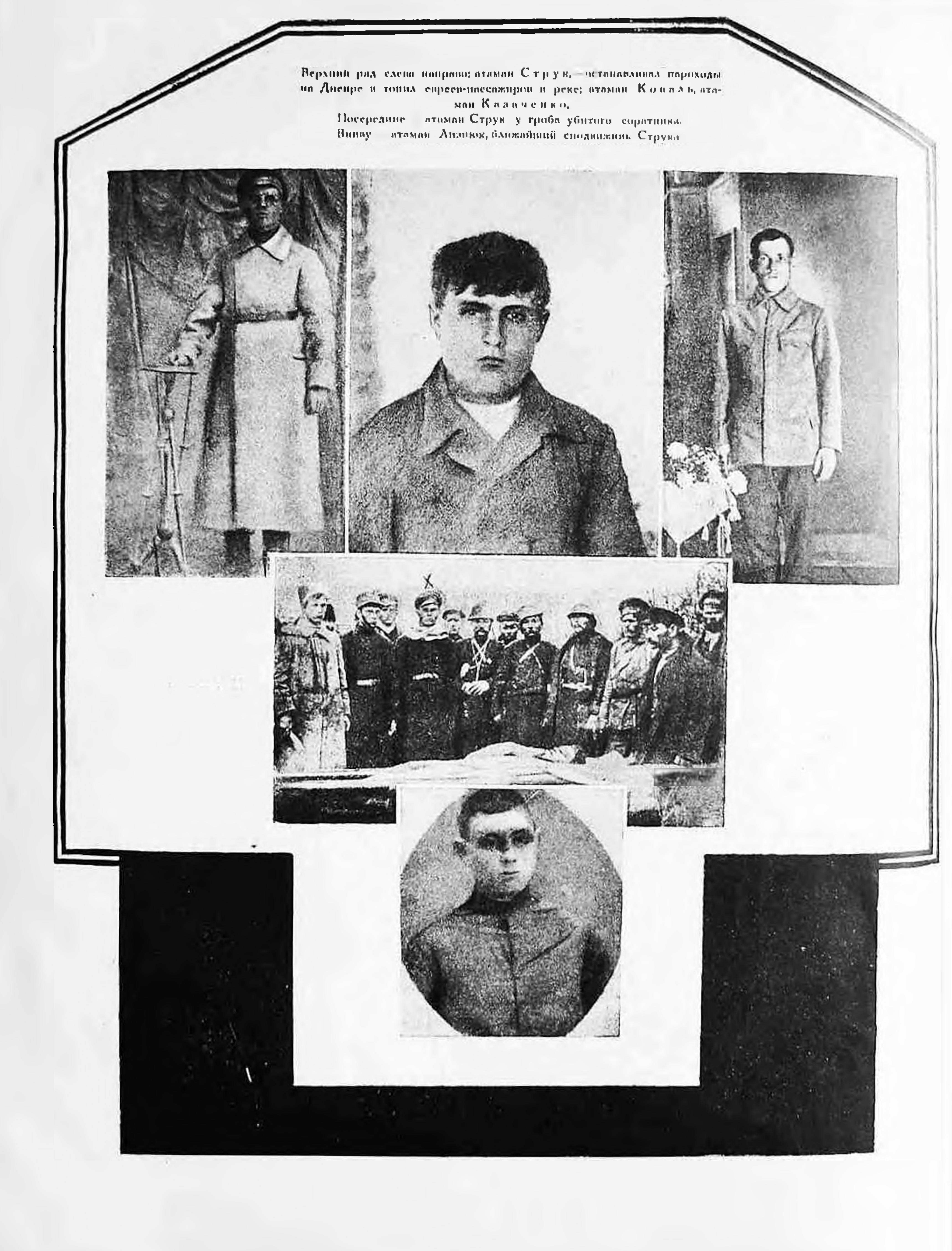
1) Махно — мирный гражданин
2) Махно в первый период гражданской войны
3) Махно в бытность свою на стороне Советской власти

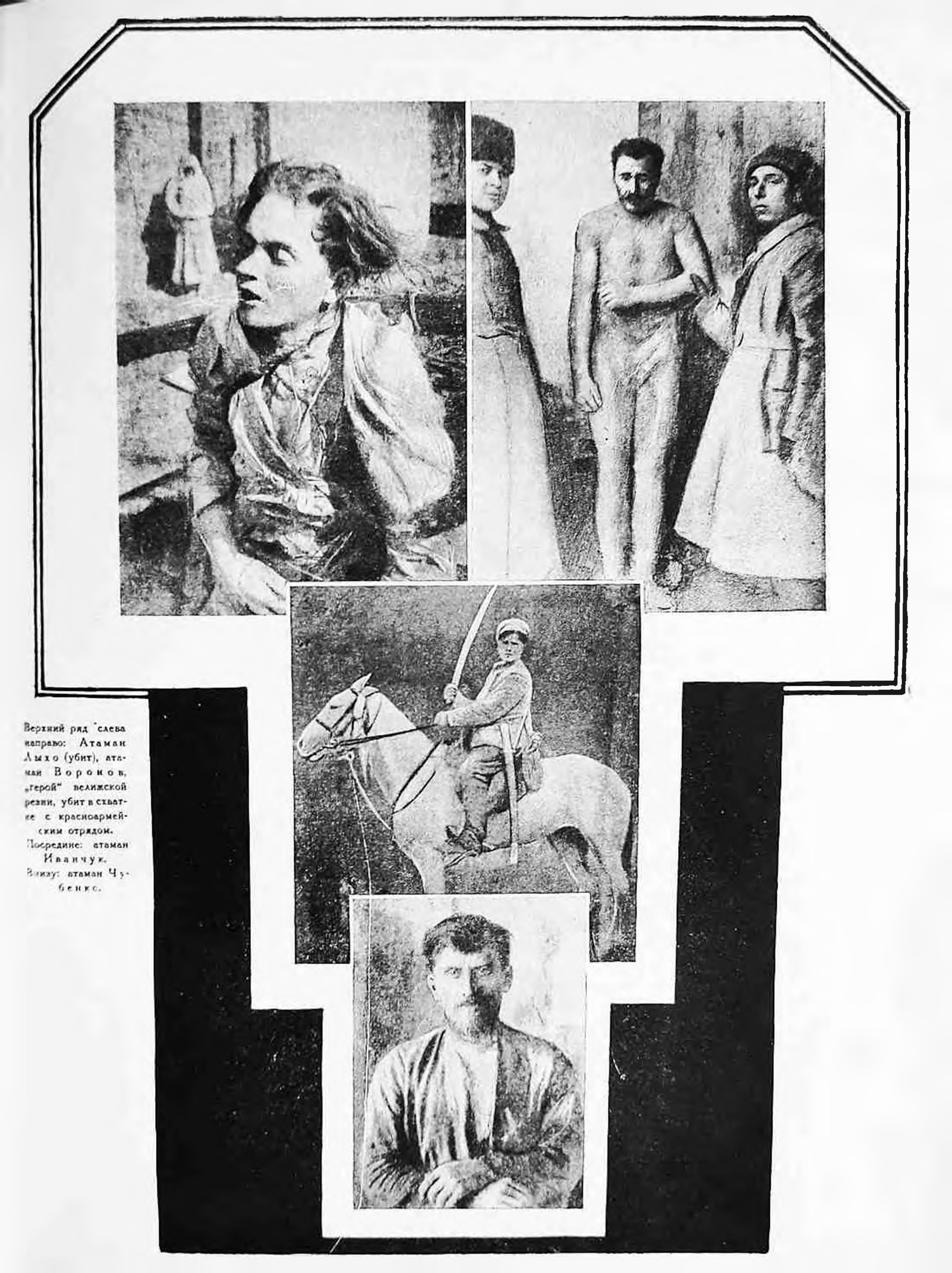
МАХНО

Нашумевший петлюровец ТЮТЮНИК

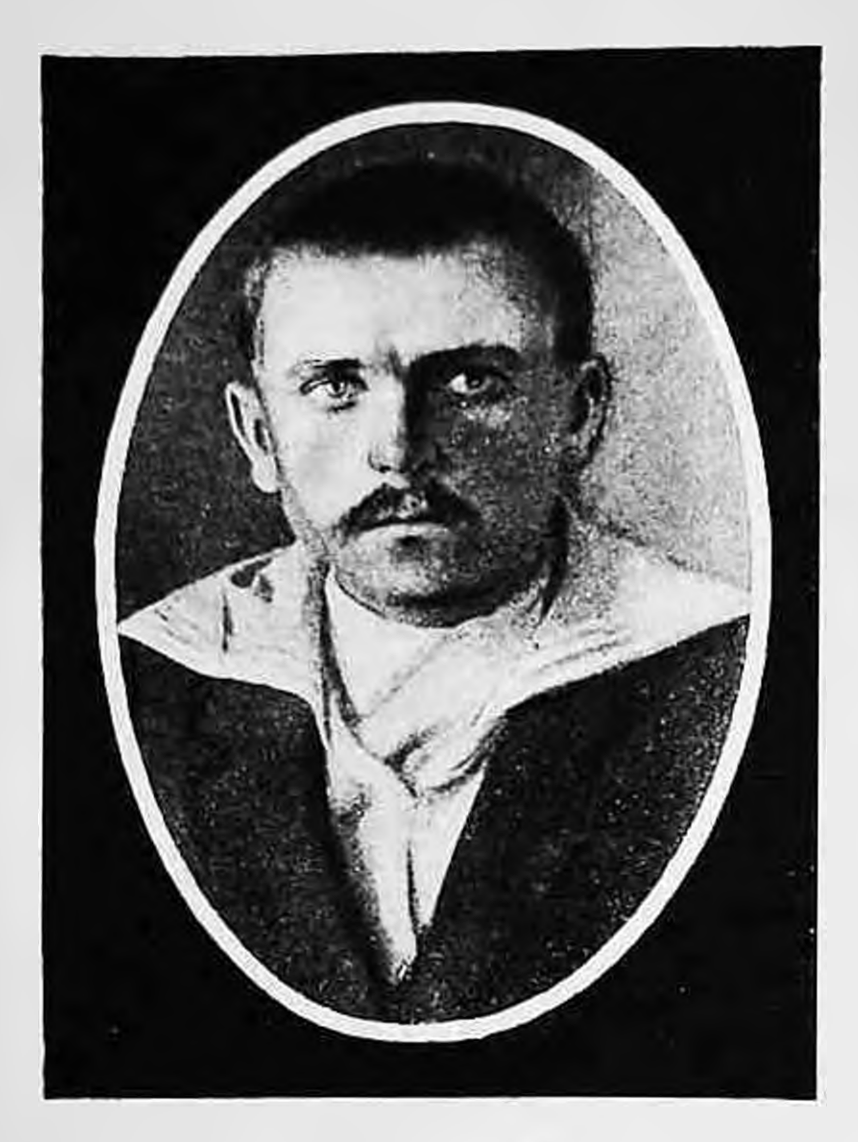
ПЕТЛЮРА

Верхний ряд слева направо: атаман Струк, — останавливал пароходы на Днепре и топил евреев-пассажиров в реке; атаман Коваль, атаман Казаченко.
Посредине — атаман Струк у гроба убитого соратника.
Внизу — атаман Анзнюк, ближайший сподвижник Струка

Верхний ряд слева направо: Атаман Лыхо (убит), атаман Воронов, „герой“ велижской резни, убит в схватке с красноармейским отрядом. Посредине: атаман Иванчук. Внизу: атаман Чубенко.

Атаман Цюпа-Лисица —
оперировал в Черниговском районе

Атаман Бондарчук сподвижник Цюпы

Атаман Ярый. Расстрелян

Атаман Орловский, оперировавший
в Черниговском районе

Антонина — сестра Цюпы, Григорий брат Цюпы. Ширченко и Васяневич — сподвижники

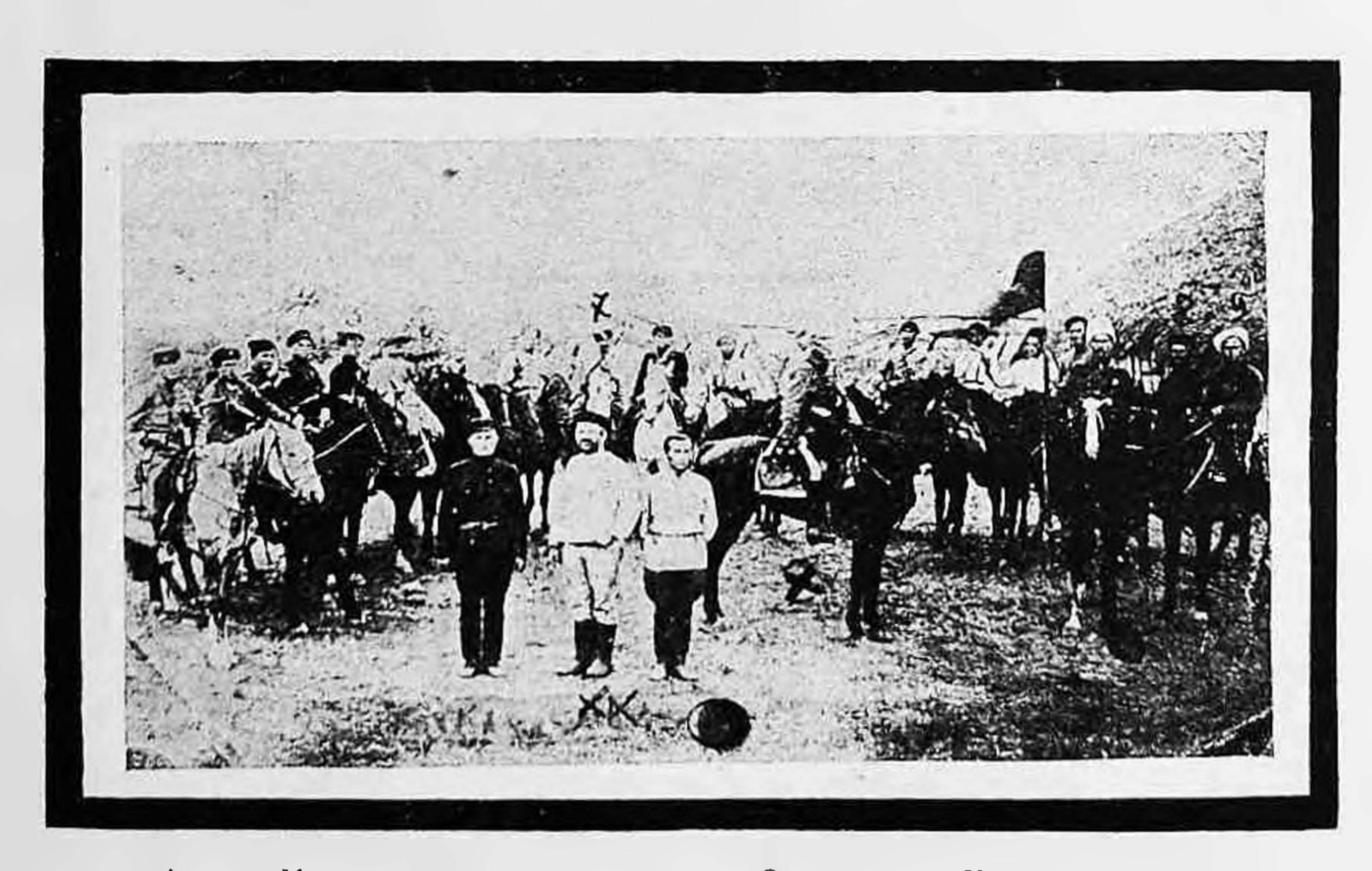
Группа соратников Цюпы: 5. Мельниченко, 6. Денисюк. 7. Младший брат Цюпы, жестокий мучитель, 8. Белоусов.

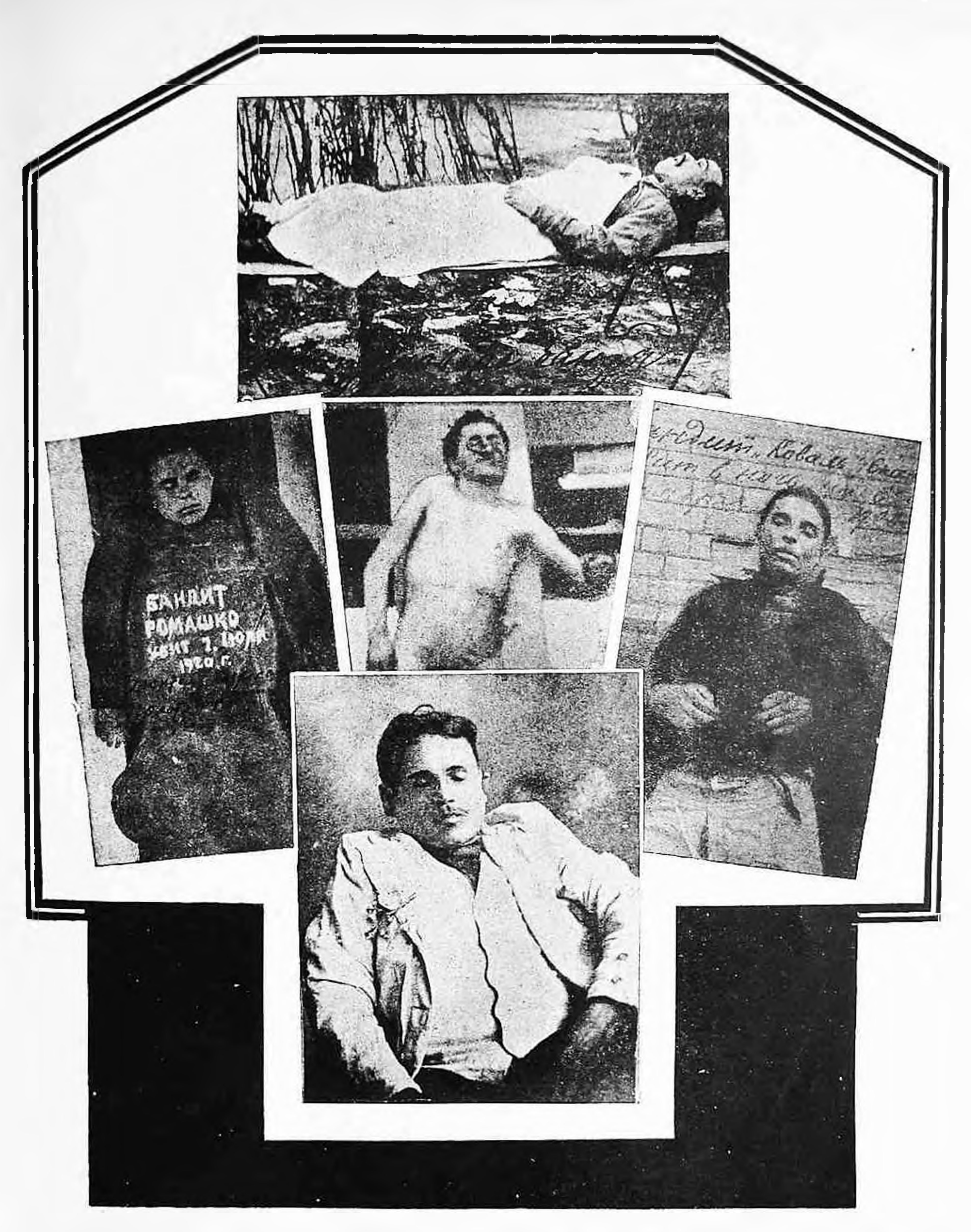
Бандиты, оперировавшие в районе Сквиры, Киевской губ

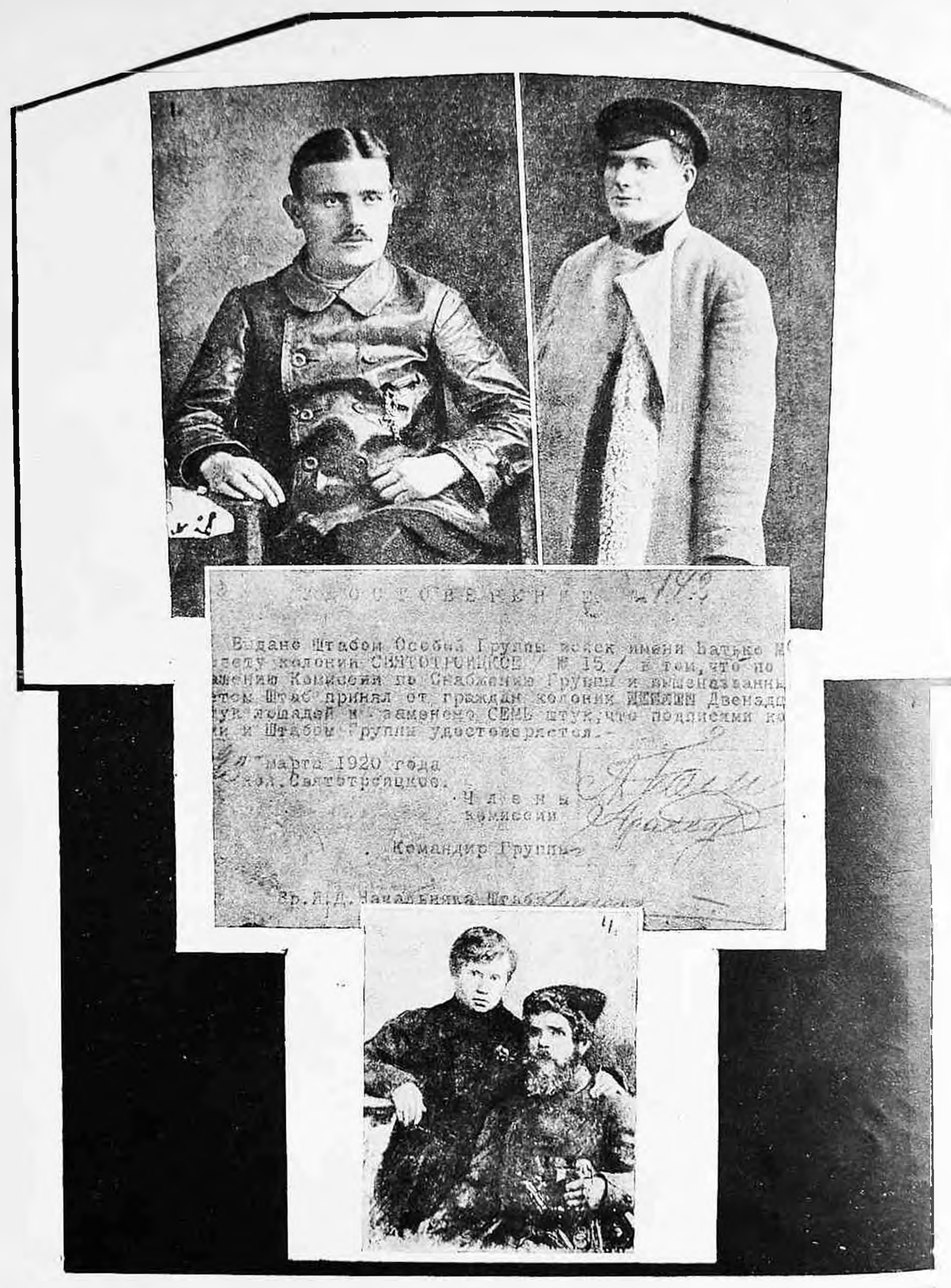
Махновское знамя. Надпись на украинском языке гласит: „Смерть всем, кто препятствует достижению свободы трудовому народу“

Атаман Иванов во главе своей банды. Оперировал в Киевском районе

Сверху: атаман Криущенко. Средний ряд, слева направо: атаман Ромашко; атаман Щекоток, правая рука бандитки „Маруси“; атаман Коваль (Свикун). Внизу: атаман Яблочко, расстреляны.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 192

Выдано Штабом Особой Группы войск имени Батьки М
вету колонии СВЯТОТРОИЦКОЕ / № 15 / в том, что по
лению Комиссии по Снабжению Группы и вышеназванн
етом Штаб принял от граждан колонии [illegible] Двенадц
штук лошадей и заменено СЕМЬ штук, что подписями ко
ии и Штабом Группы удостоверяется.

марта 1920 года
кол. Святотроицкое.

Члены
комиссии

Командир Группы

Вр. И.Д. Начальника Штаба

Сверху, слева направо: Каин, сподвижник Махно; Левка Задов начальник махновской контрразведки, до революции уголовный преступник. Посредине — удостоверение, выданное „штабом" Махно. Внизу — ближайший сподвижник Махно.

Махновский „штаб" с охраной. В центре сидит начальник штаба бандит Щусь

Махновская „армия" в походе. В глубине виднеется „штаб"

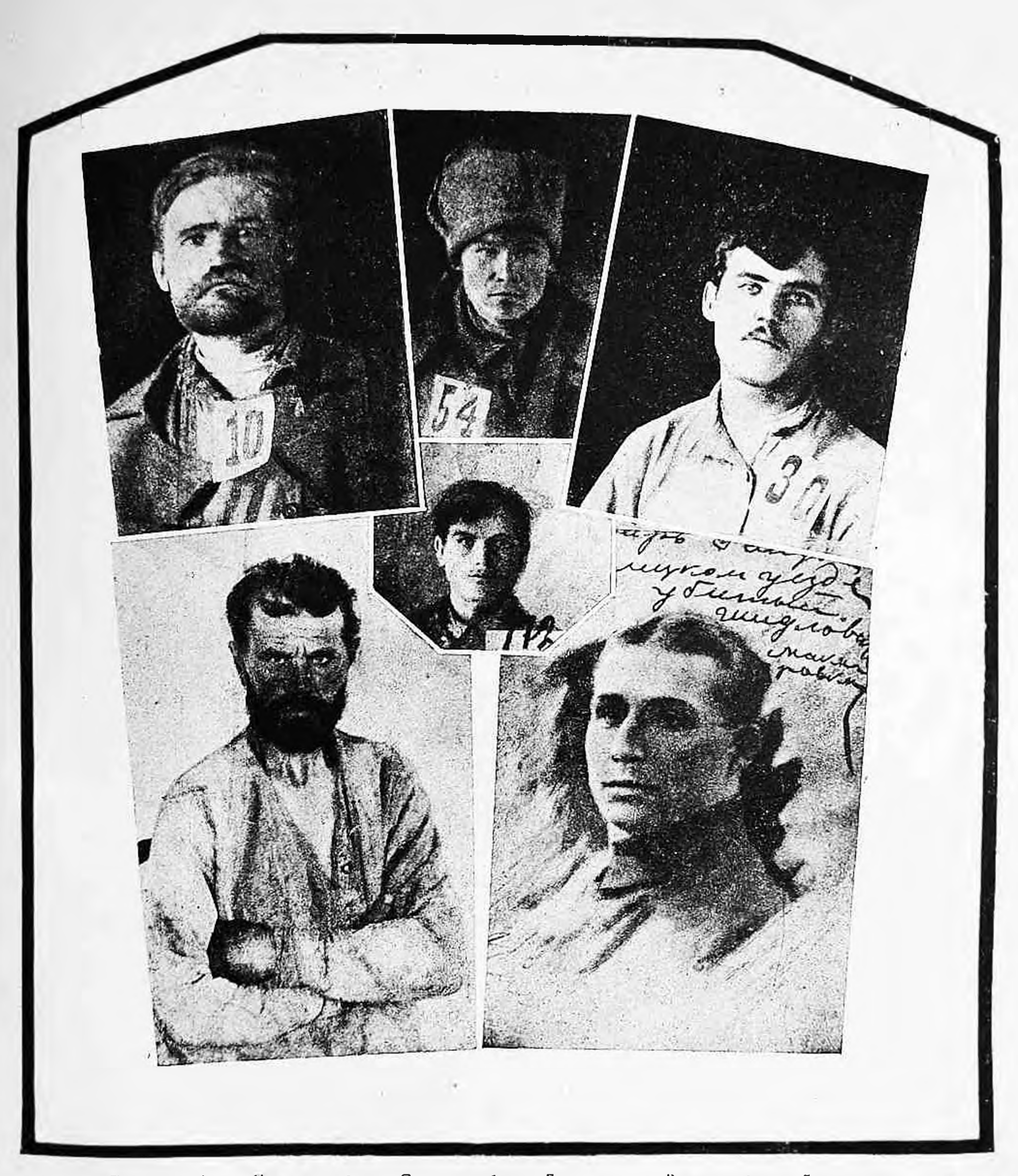
Бандит Вишневский из шайки балаховцев.
Расстрелян по постановлению Ревтрибунала Белоруссии

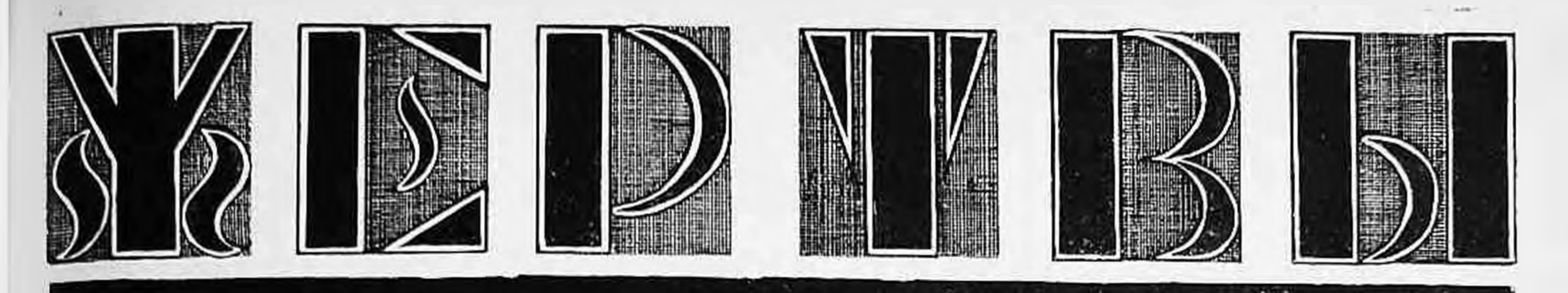
Группа бандитов, добровольно сдавшихся Соввласти
в Киевской губ.

Группа бандитов, добровольно сдавшихся Соввласти

Первый ряд: Атаман Пещенко; бандит Семенов; бандит Гринкевич. В центре—бандит Долоненко
Второй ряд: Слева атаман Грець, справа атаман Шидловский. Все они оперировали в Черниговском районе

В М

Похороны жертв погрома в Ольгополе, Подольской губ.

Жертвы петлюровского погрома в м. Богуслав, Киевской губ.

Проскуров. У братской могилы жертв петлюровской резни

Жертвы петлюровцев в Овруче. (Декабрь 1918—Январь 1919 г.)

Жертвы махновского погрома в Александровске, Екатеринославской губ,. летом 1919 г.

Жертвы махновского погрома в Александровске, Екатеринославской губ., летом 1919 г.

Жертвы махновского погрома в Александровске, Екатеринославской губ., летом 1919 г.

Жертвы махновцев в Александровске, Екатеринославской губ., летом 1919 г.

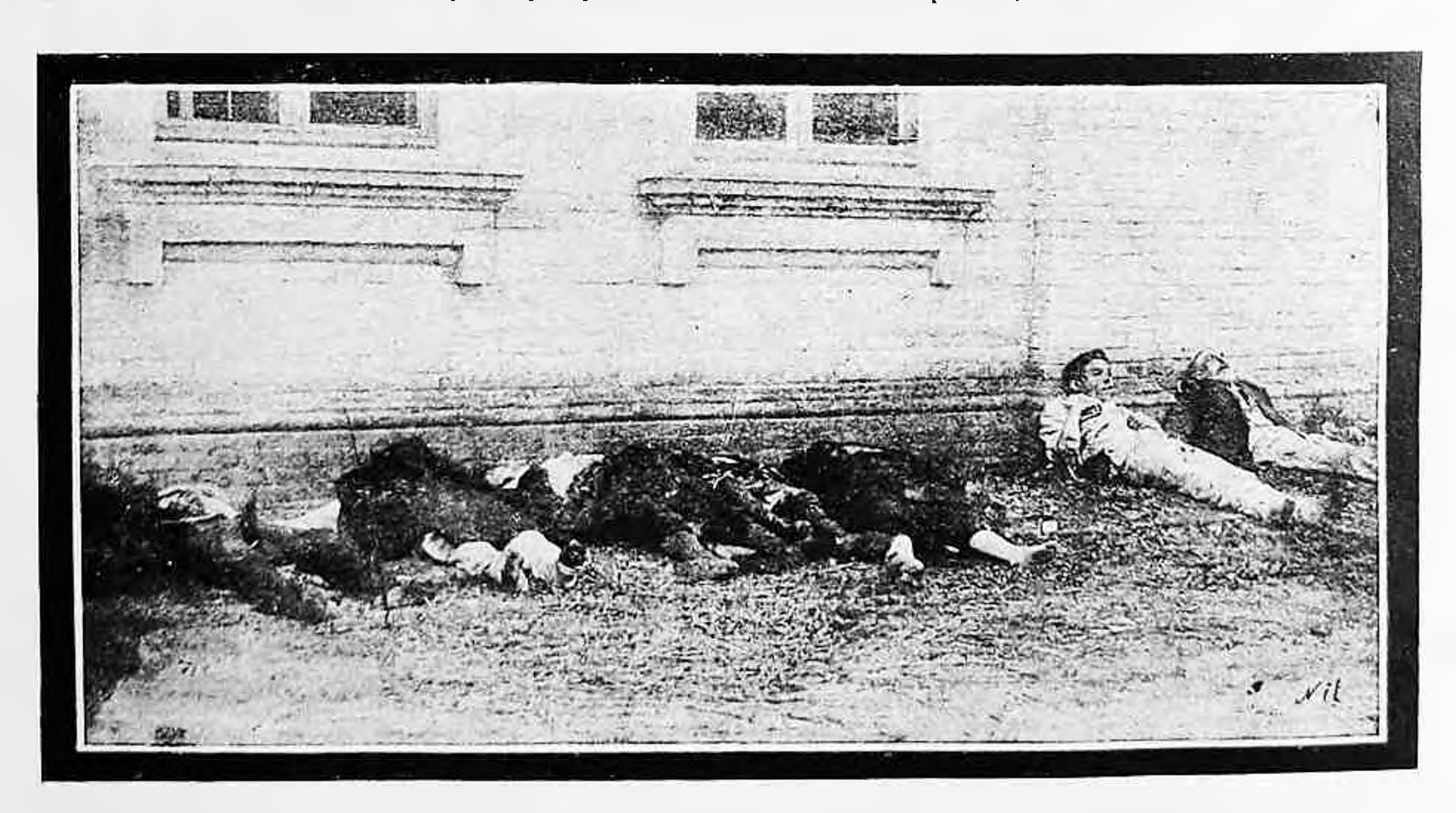

Один из замученных григорьевцами в Херсоне, летом 1919 г.

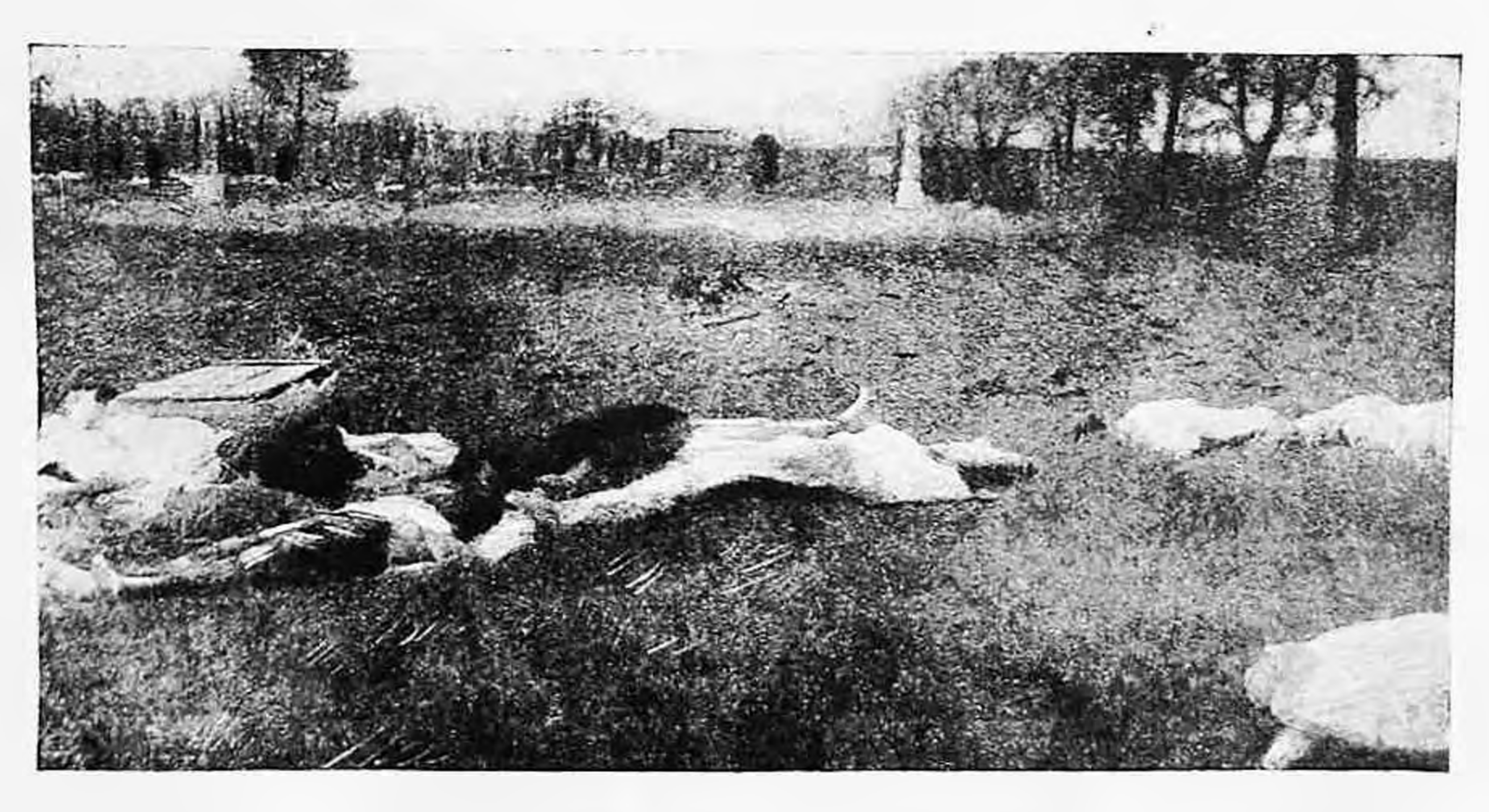
Одна из жертв григорьевской резни в Херсоне, летом 1919 г.

Неизвестная жертва григорьевских банд в Одесском районе, летом 1919 г.

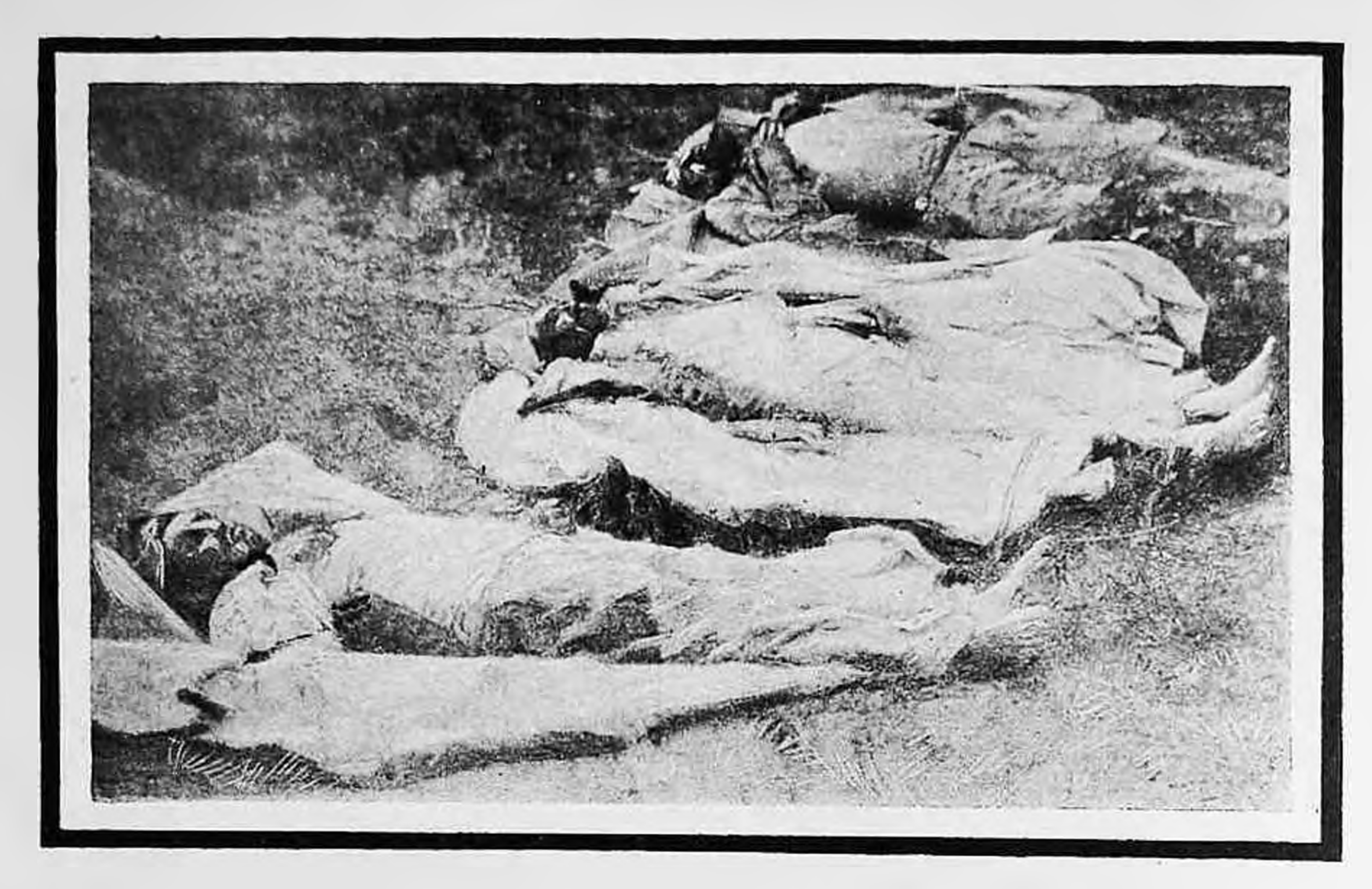

Жертвы григорьевского погрома в Елисаветграде (Зиновьевске), май 1919 г.

Григорьевские зверства в Одесском районе, летом 1919 г.

Жертвы григорьевцев в Елисаветграде

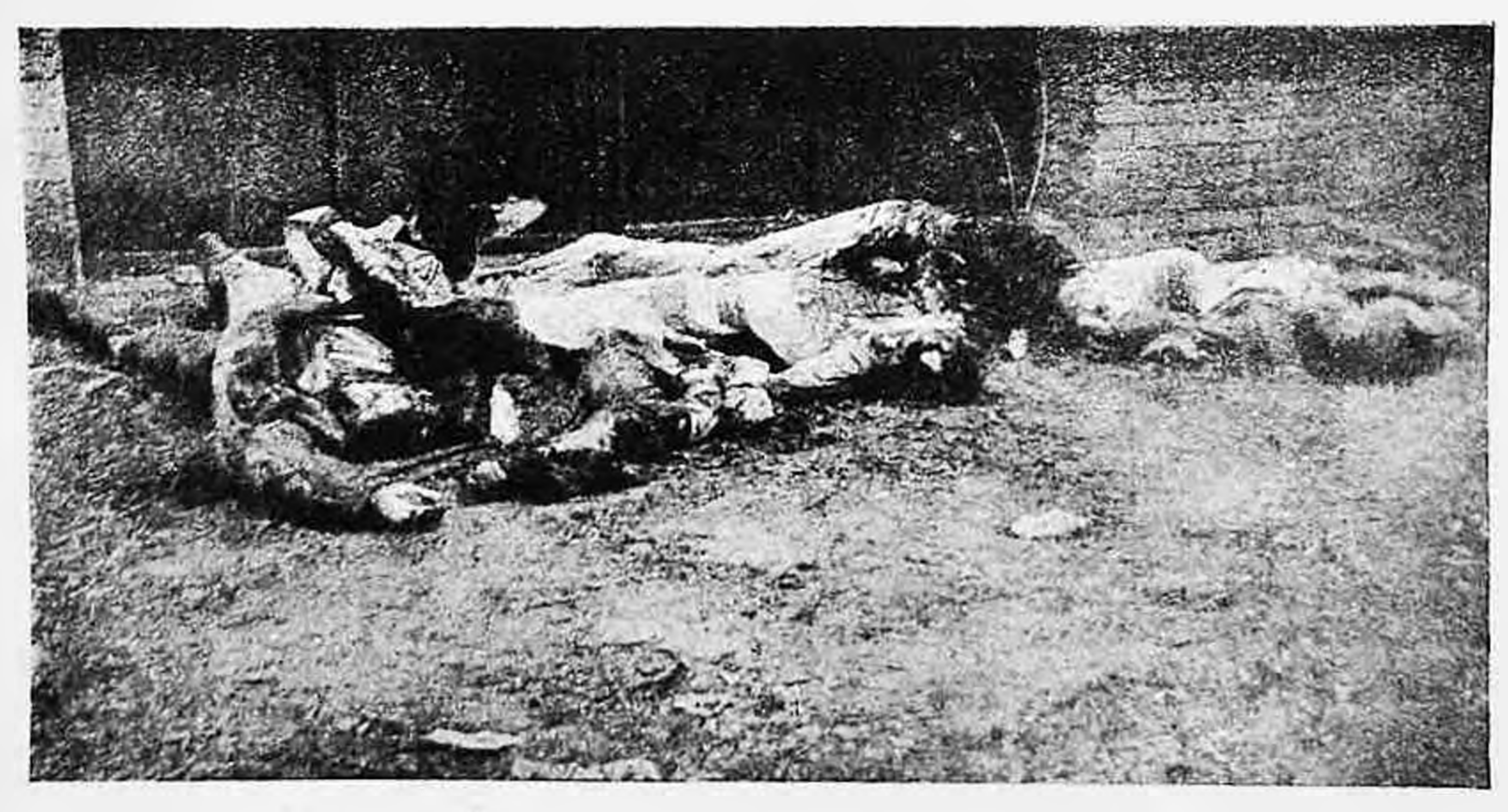

Жертвы деникинского погрома в Черкассах

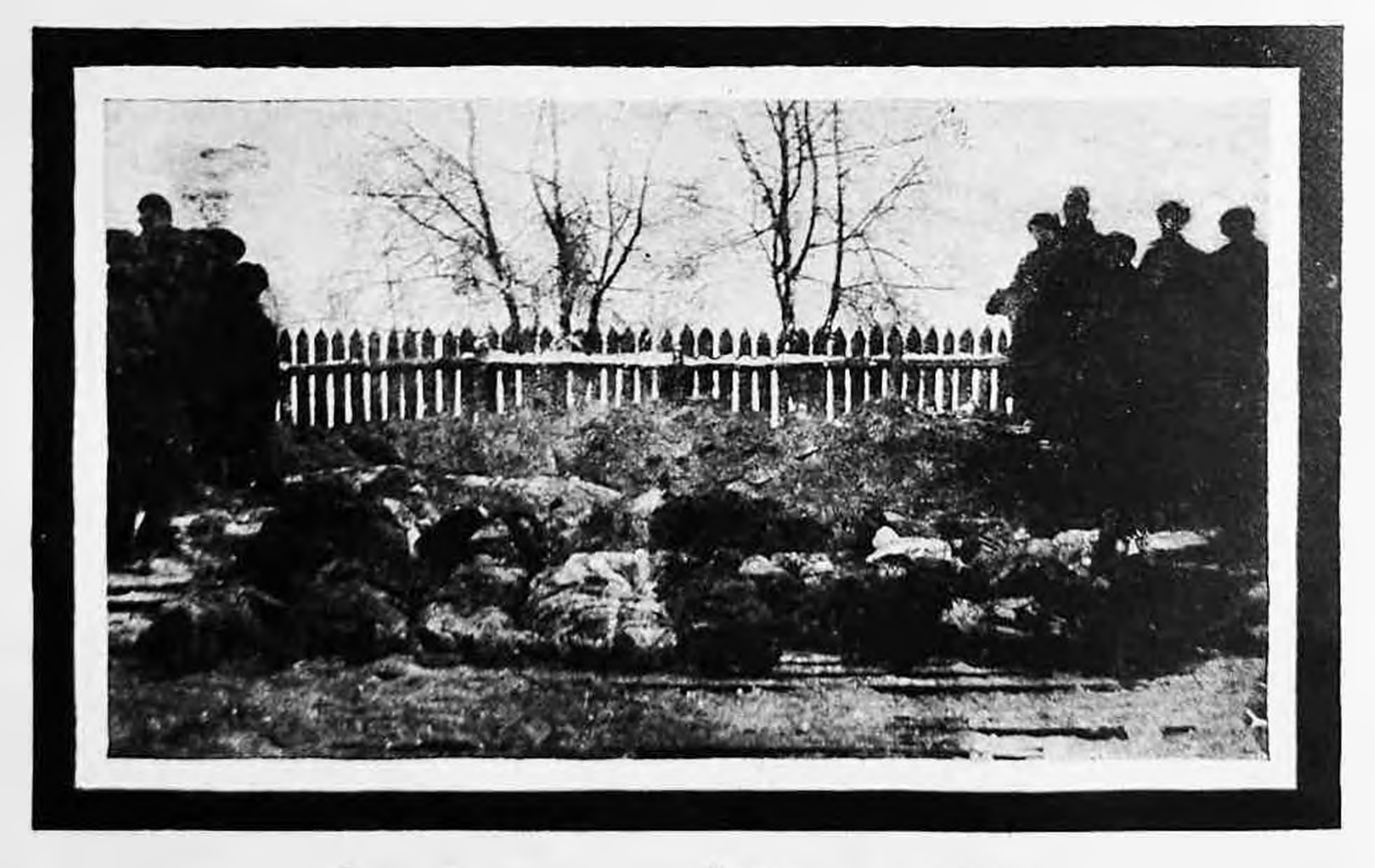
Жертвы деникинцев в Фастове, сентябрь 1919 г.

Жертвы григорьевских зверств. Изнасилованные и задушенные женщины

Григорьевский погром в Елисаветграде (Зиновьевск), лето 1919 г.

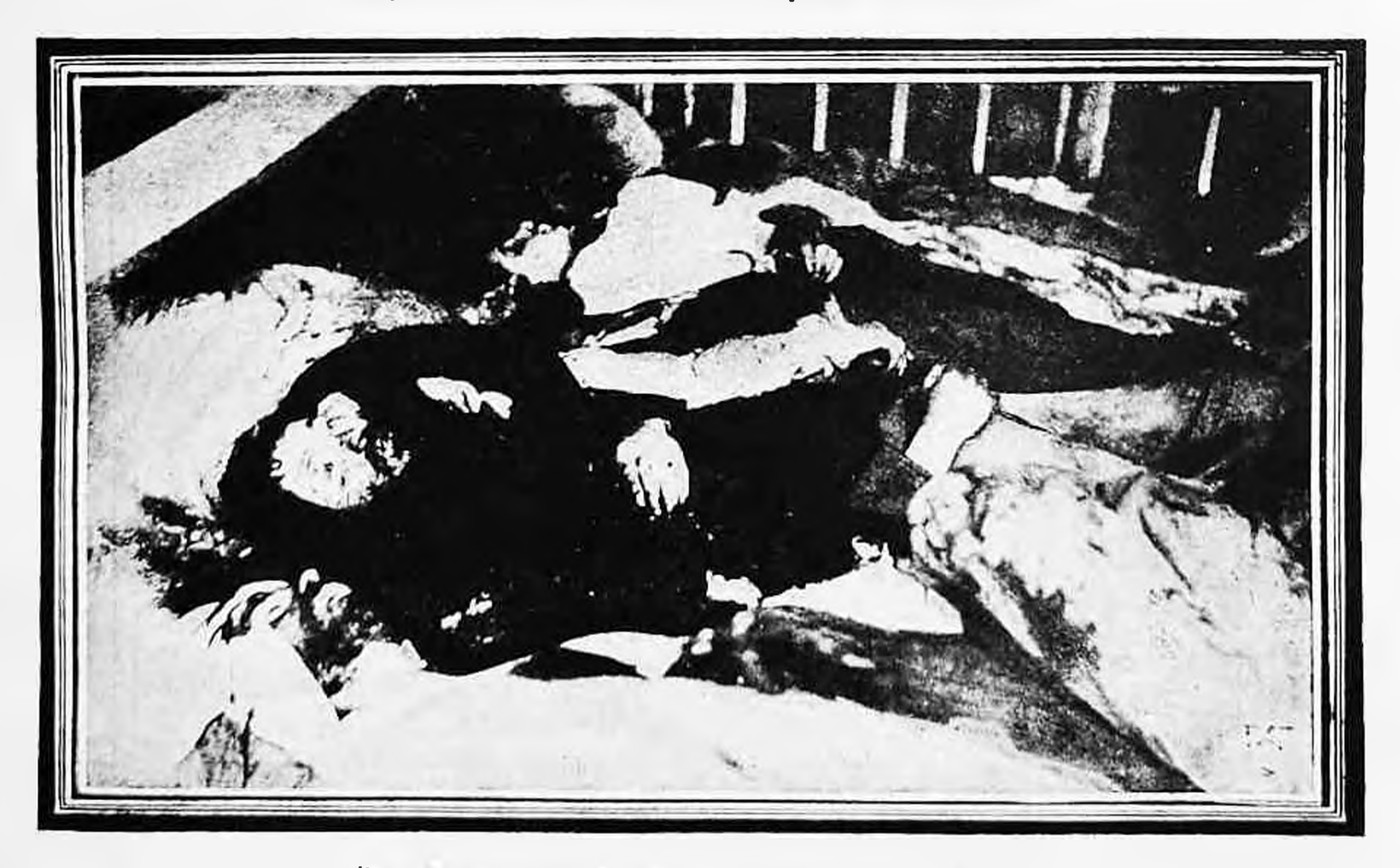
Безвестные жертвы, подобранные в поле зимой 1919 г. на Украине

Жертвы бандитского налета в Городне, осенью 1919 года

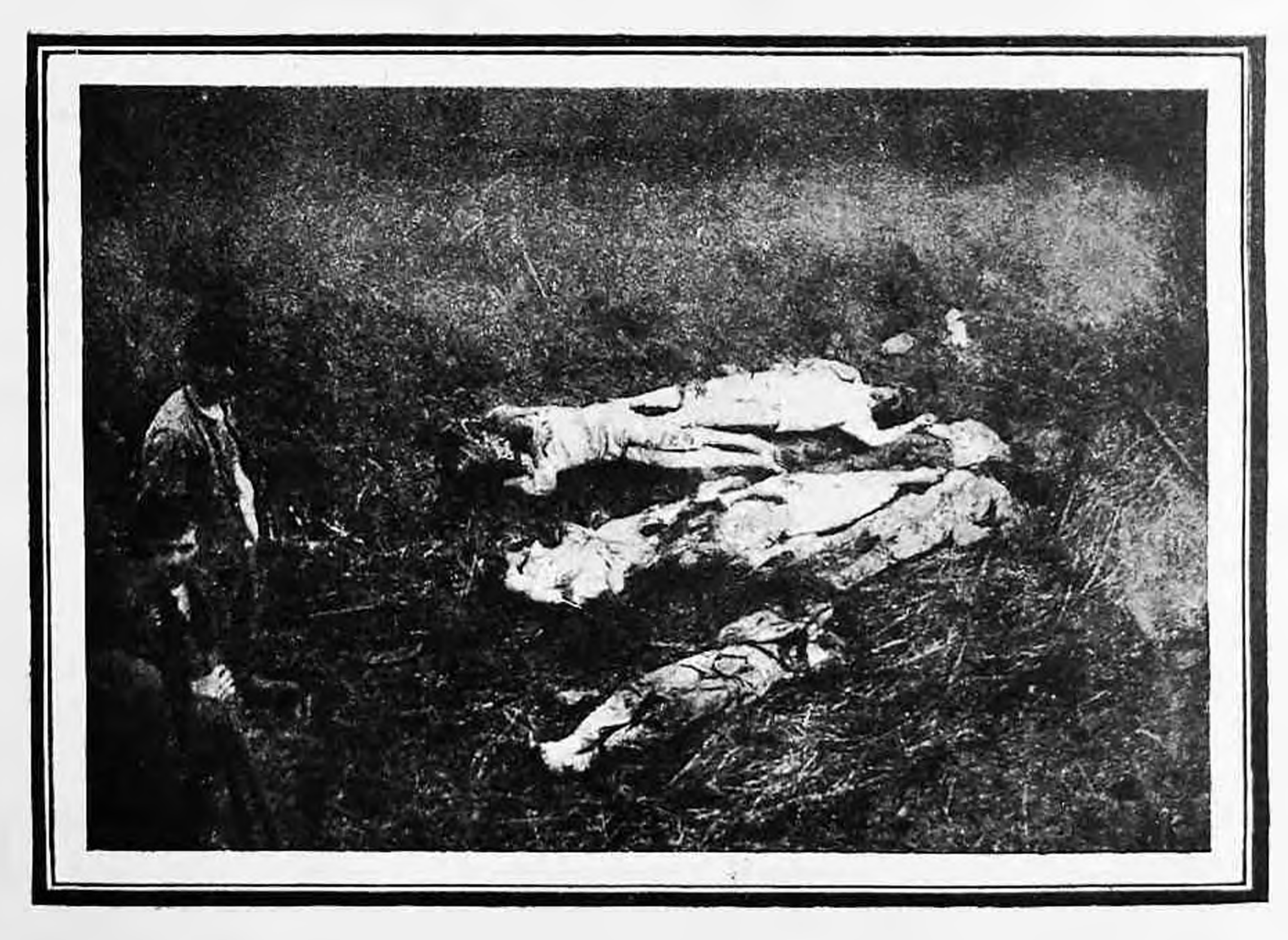

Жертвы бандитского налета на м. Дубово, летом 1919 г.

Второй петлюровский погром в Житомире. Груда трупов

Жертвы григорьевской резни, устроенной в Черкассах летом 1919 г.

Деникинский погром в Черкассах. Группа расстрелянных коммунистов

Могила делегатов еврейско-американской организации „Джойнт", убитых бандитами во время поездки по Украине

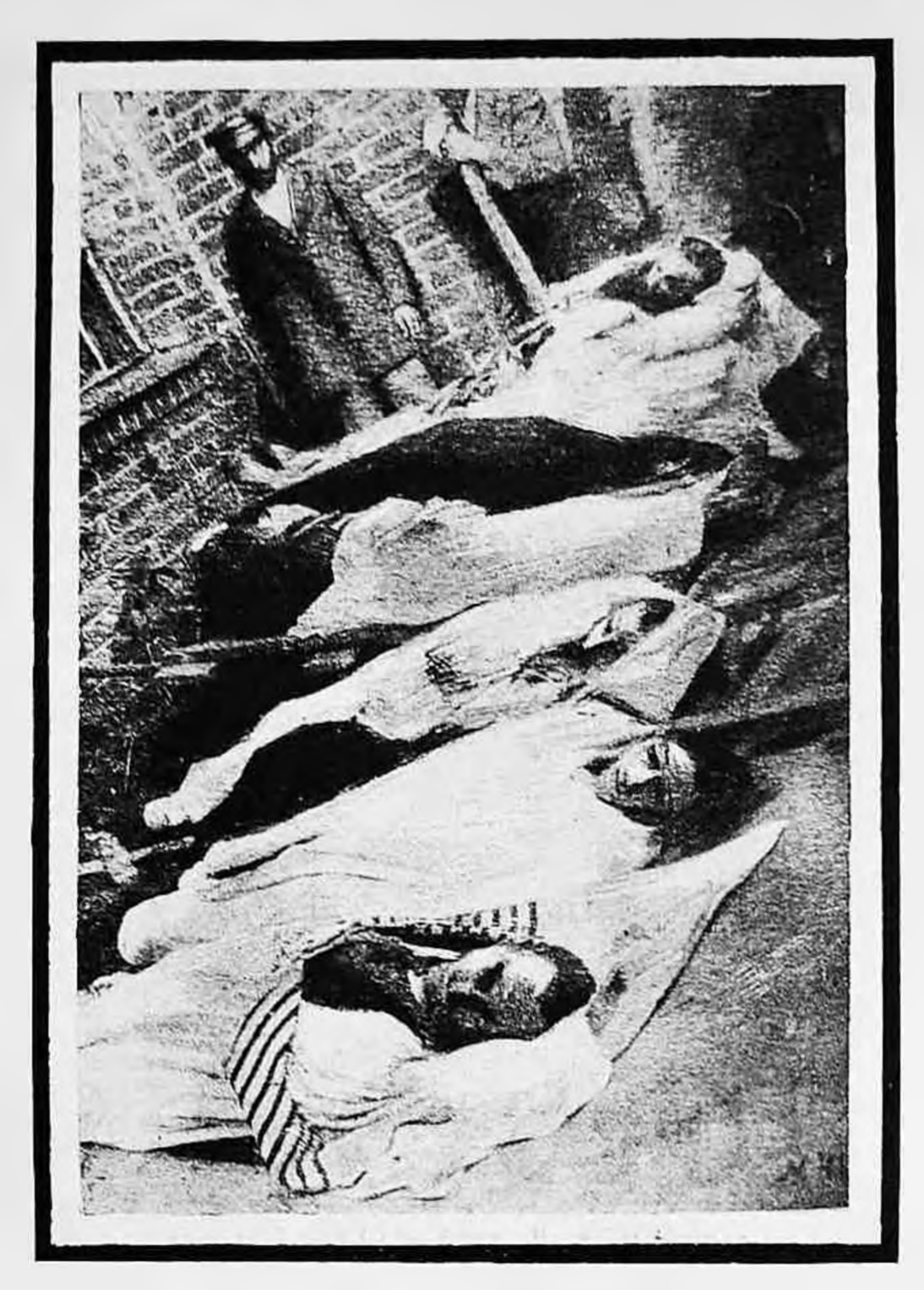

Похороны жертв бандитского налета в Чернигове

Груда тел — жертв городищенской резни

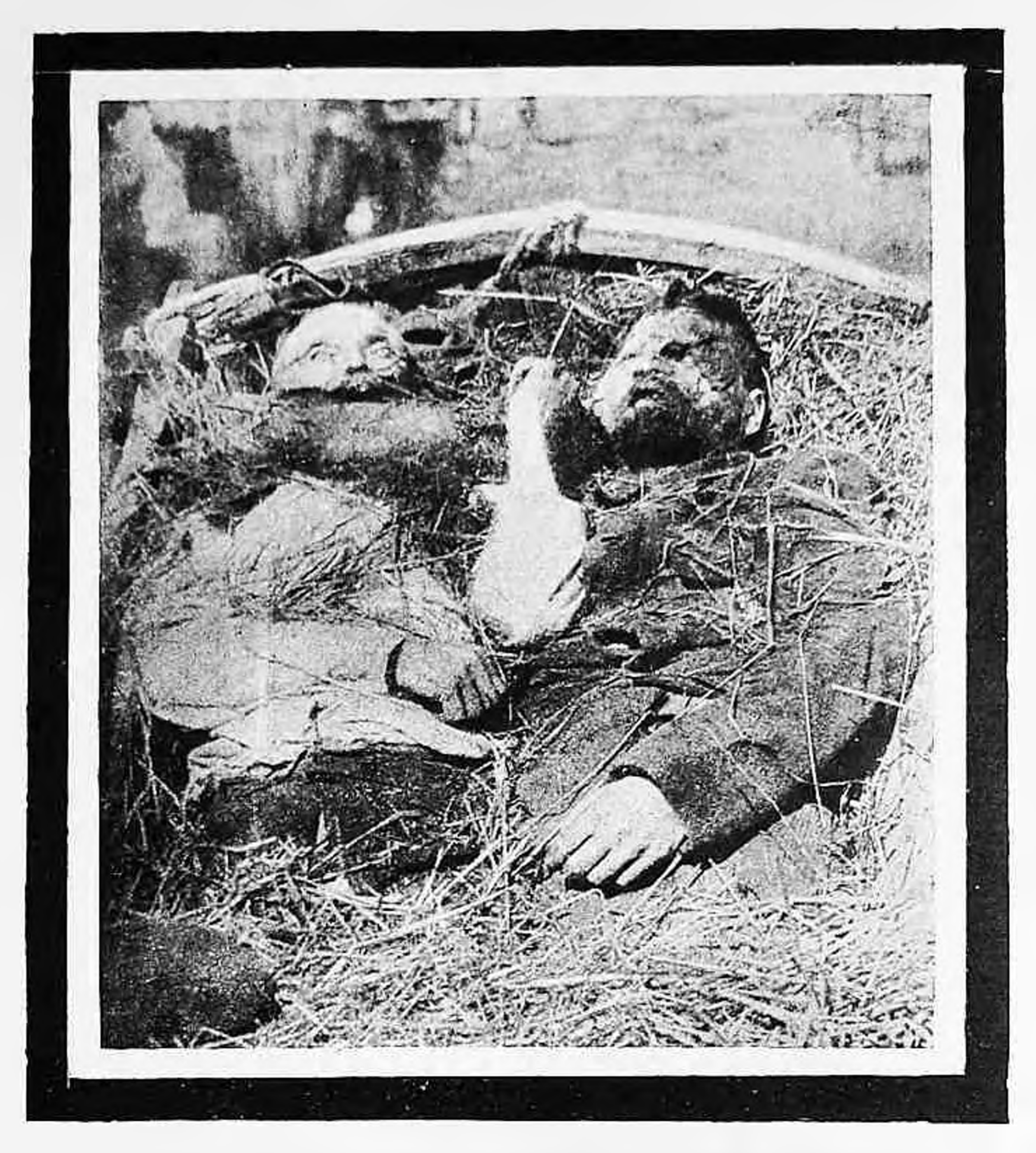
Жертвы махновского погрома в Александровске, Екатеринославской губ., летом 1919 г.

Жертвы польского погрома в Житомире

Зверства поляков в Житомире

Жертвы бандитского налета в м. Глубоковичи, Бобруйского уезда
У обоих головы и лица разбиты тупым орудием

Разрушенная снарядами синагога в г. Борисове. Минской губ.

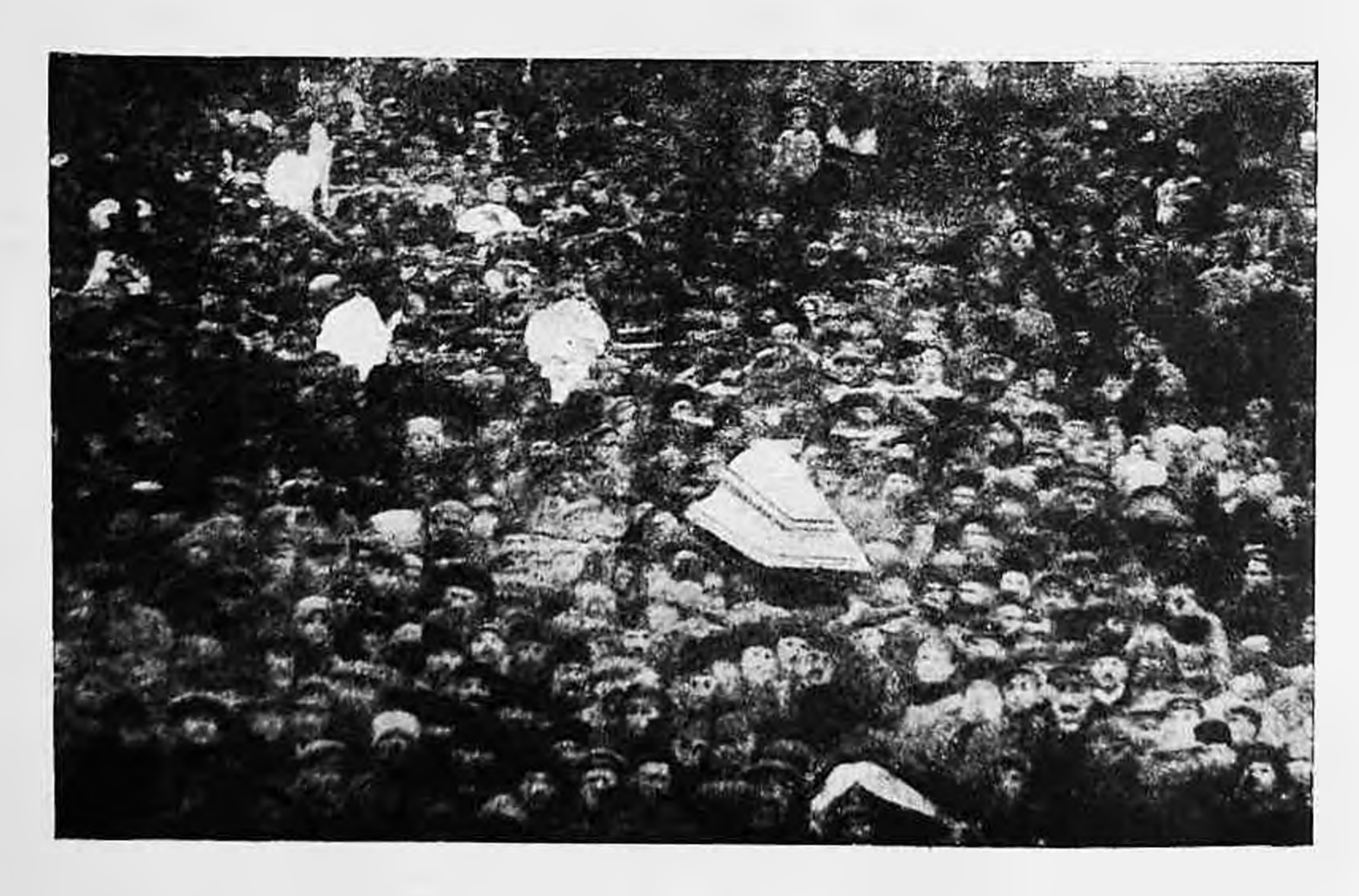
Жертвы бандитского налета в м. Глубоковичи, Бобруйского уезда
Обе женщины с размозженными головами. Направо—беременная в последнем периоде

Траурное шествие на кладбище в годовщину деникинского погрома в Фастове

Безвестная жертва погрома. (Обожжен и изрублен)

Похороны жертв бершадского погрома

Городищенская еврейская самооборона. (Черниговск. губ.)

Таращанская самооборона провожает на кладбище жертвы бандитского налета

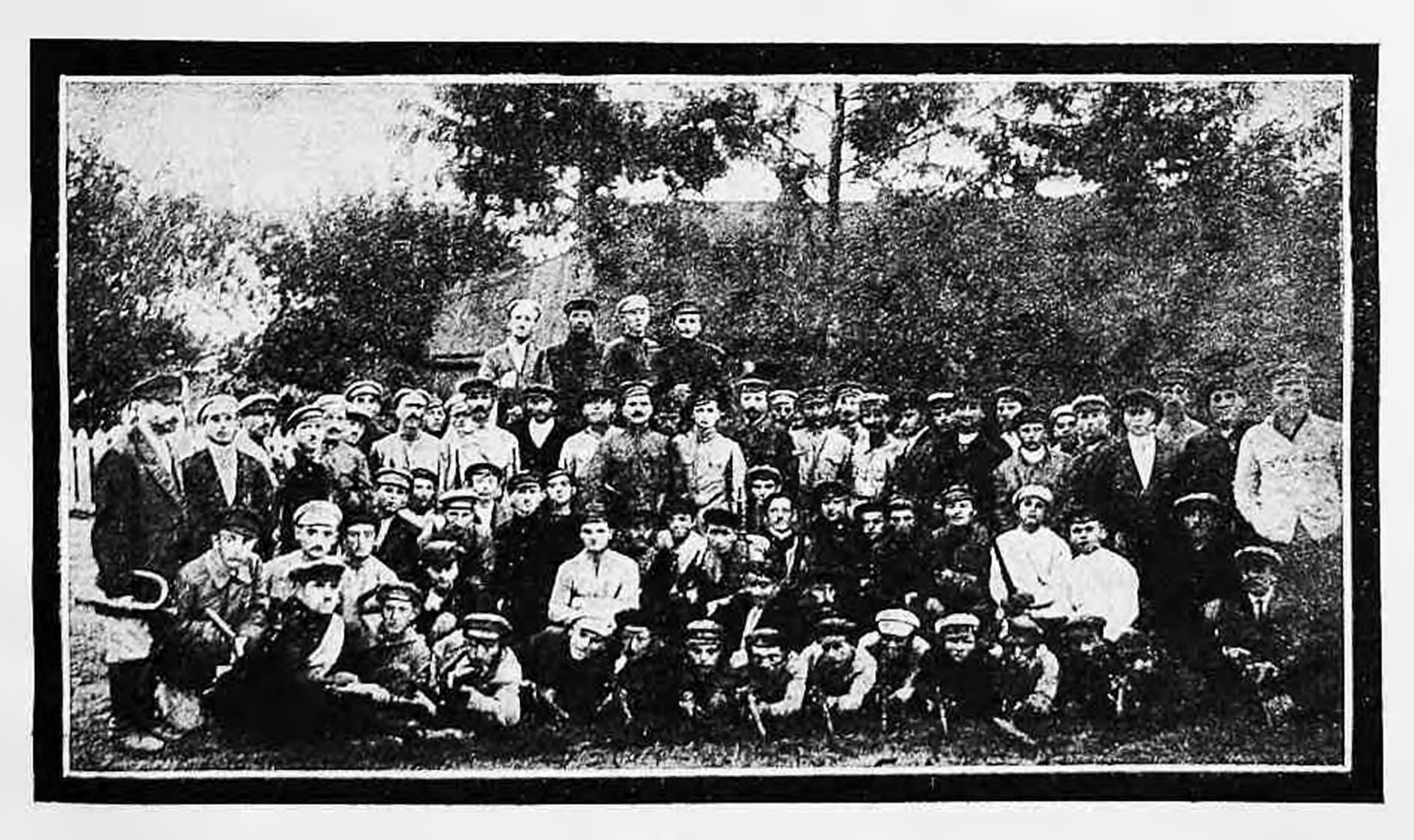

Еврейская самооборона в Богуславе, Киевской губ.

Еврейская самооборона в Богуславе, Киевской губ.

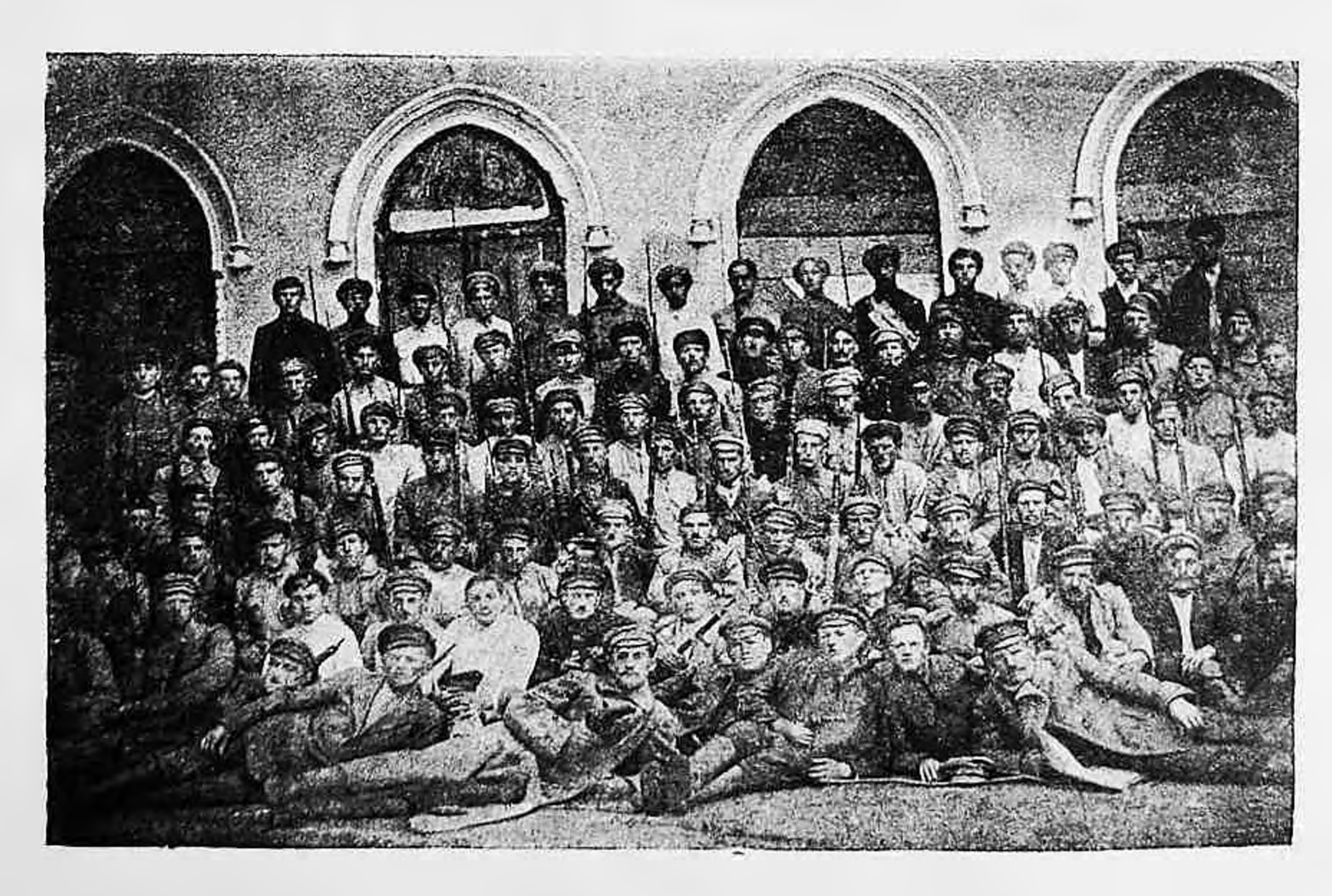
Еврейская самооборона в м. Стеблово, Киевской губ.

Шполянская еврейская самооборона

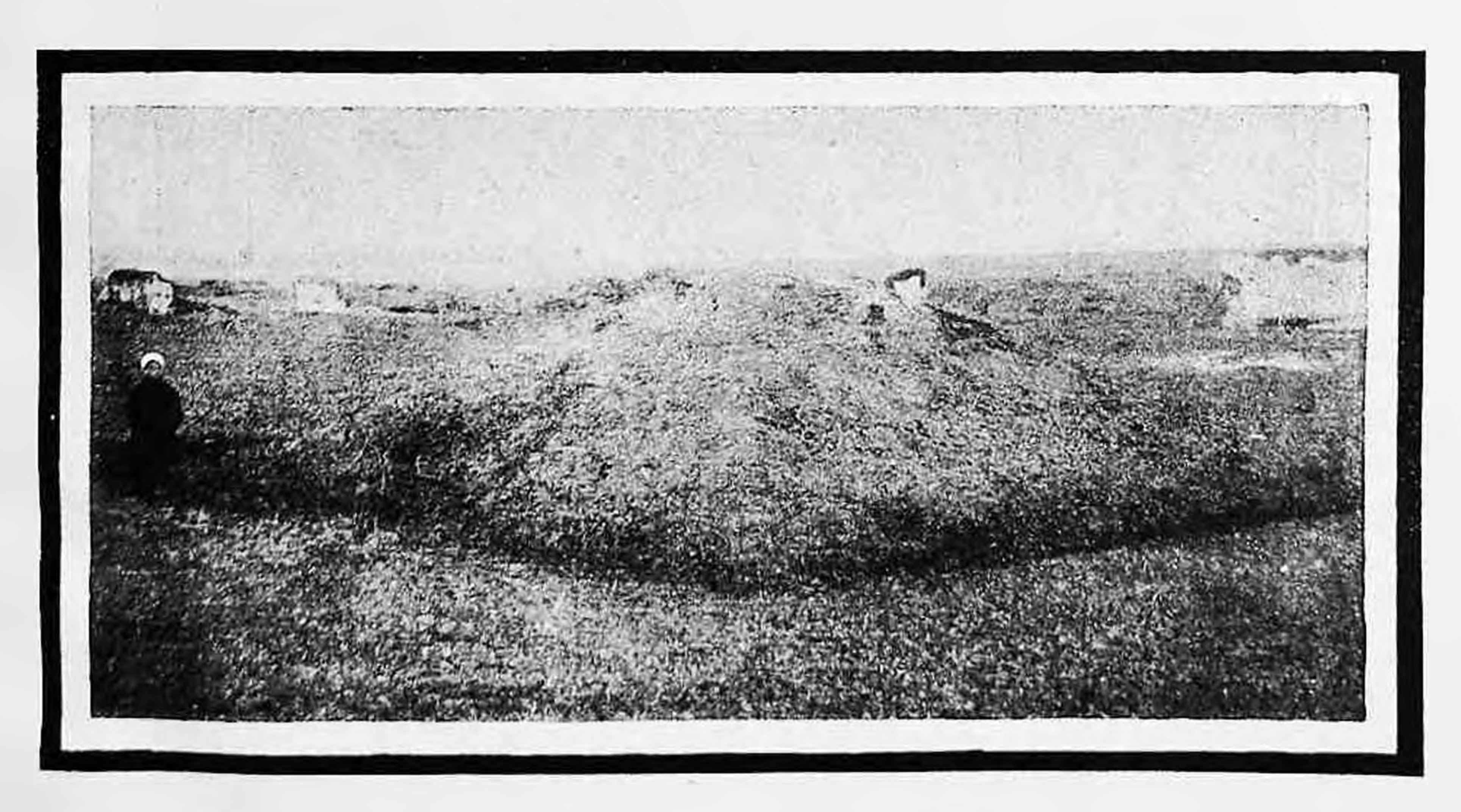

Еврейская самооборона в Ржищеве, Киевской губ.

Корсуньская еврейская самооборона (Киевская губ.)

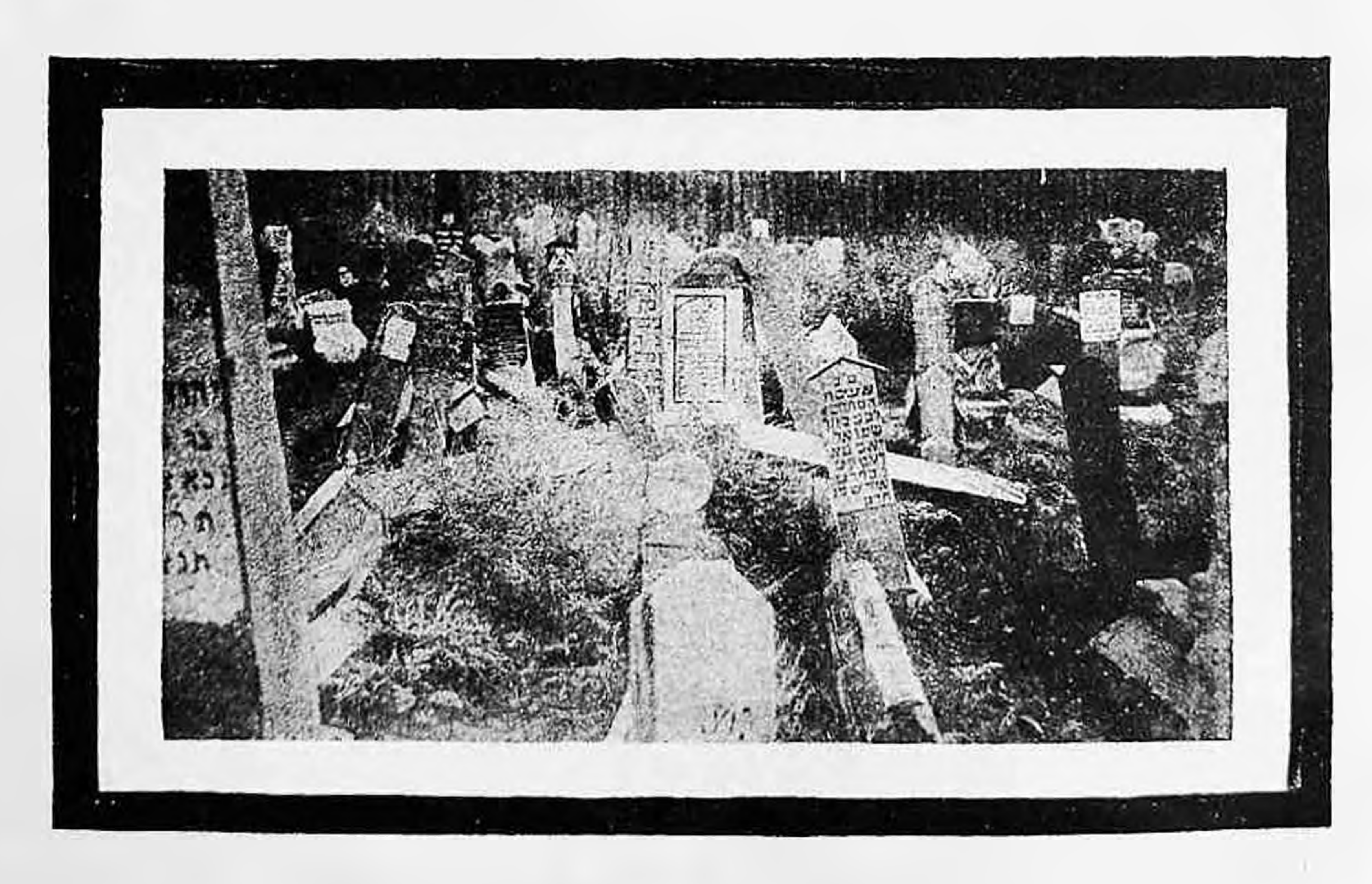
Братская могила жертв тетиевской резни

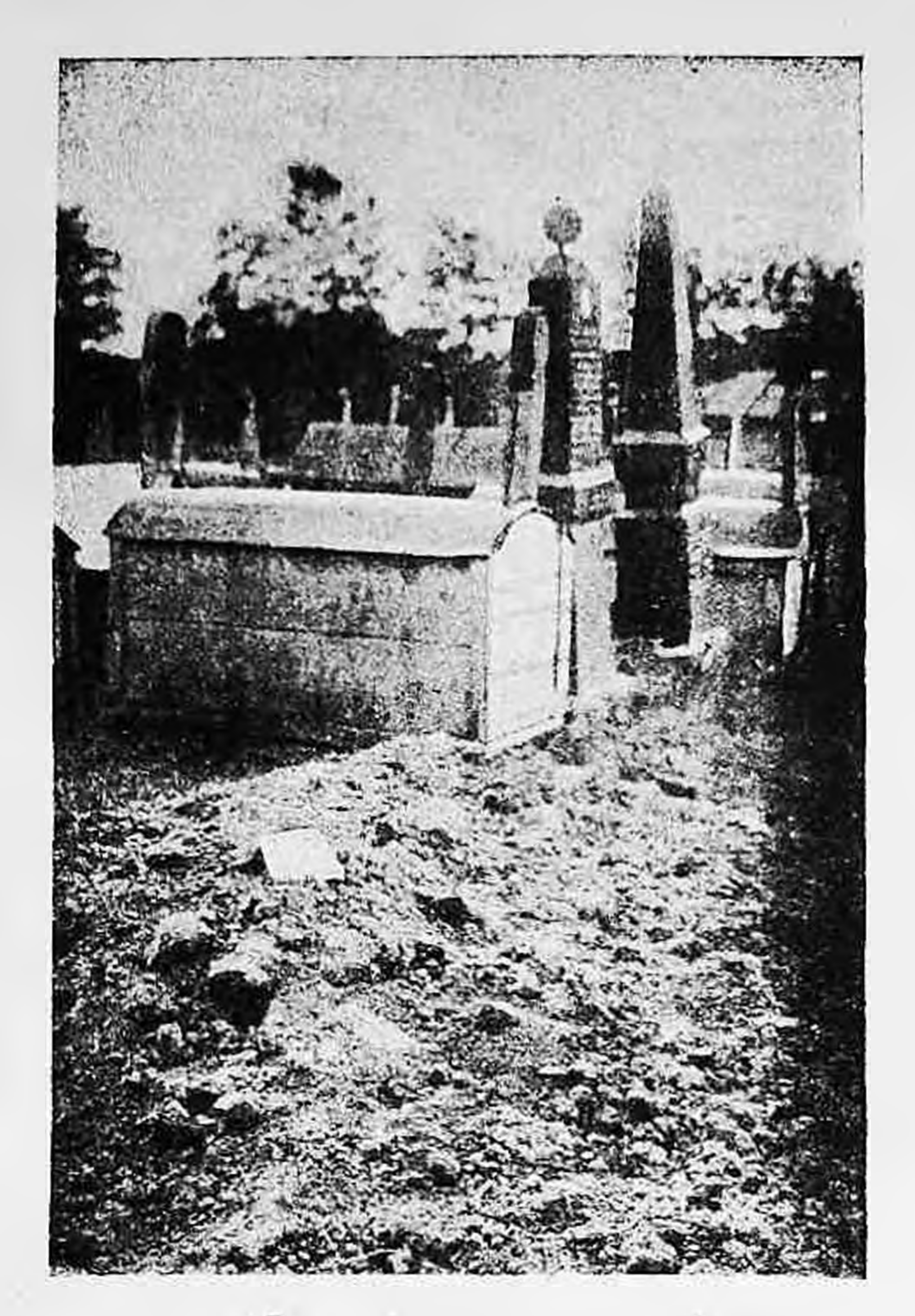
Братская могила в колонии „Трудолюбовке", Екатеринославской губ. Здесь погребено 175 евреев-колонистов, заживо сожженных махновцами в 1919 г.

Могила 37 евреев милиционеров, убитых галицийскими сечевиками при вступлении Петлюры в Киев после отхода большевиков

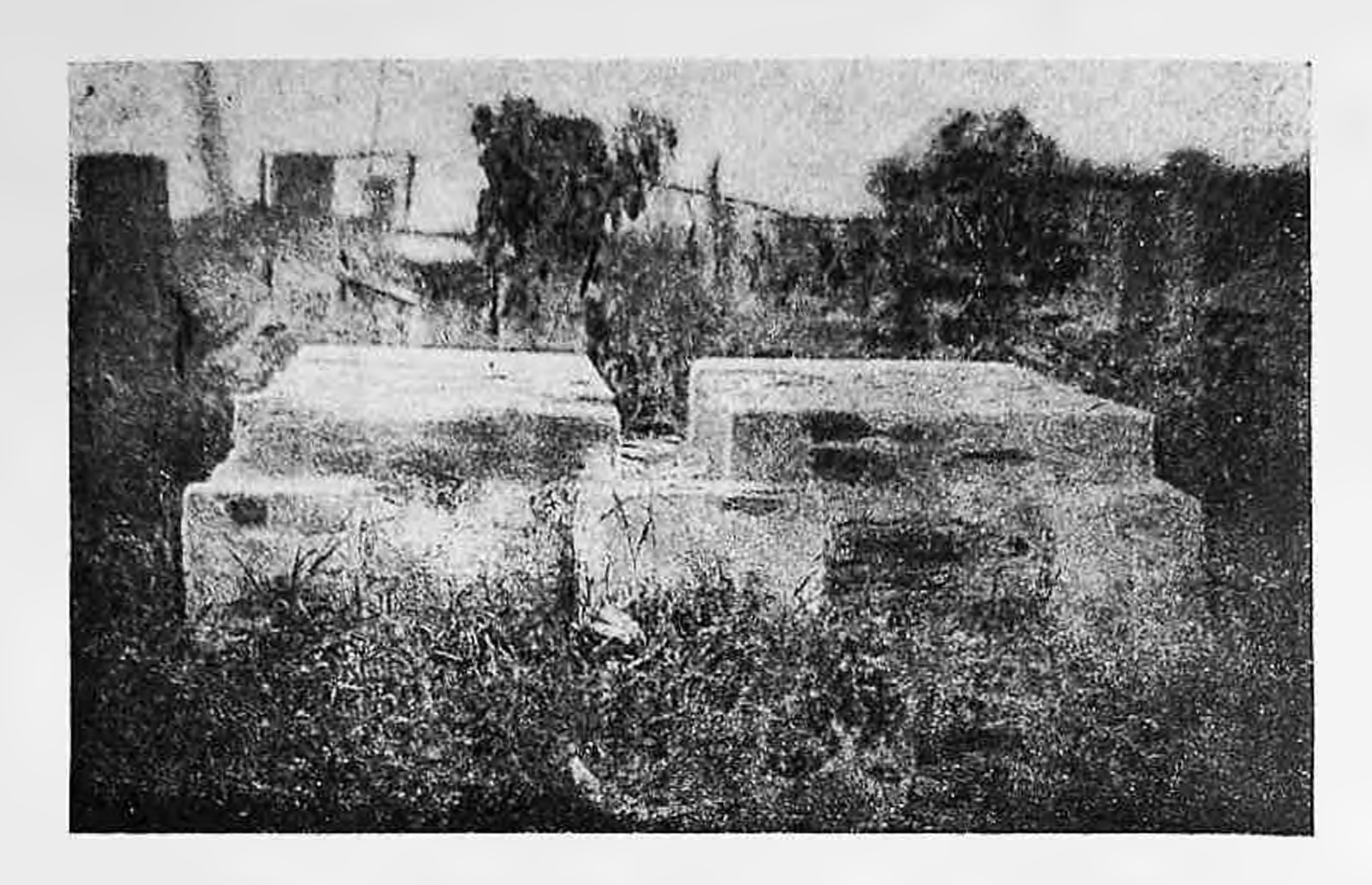
Житомирское кладбище после погрома

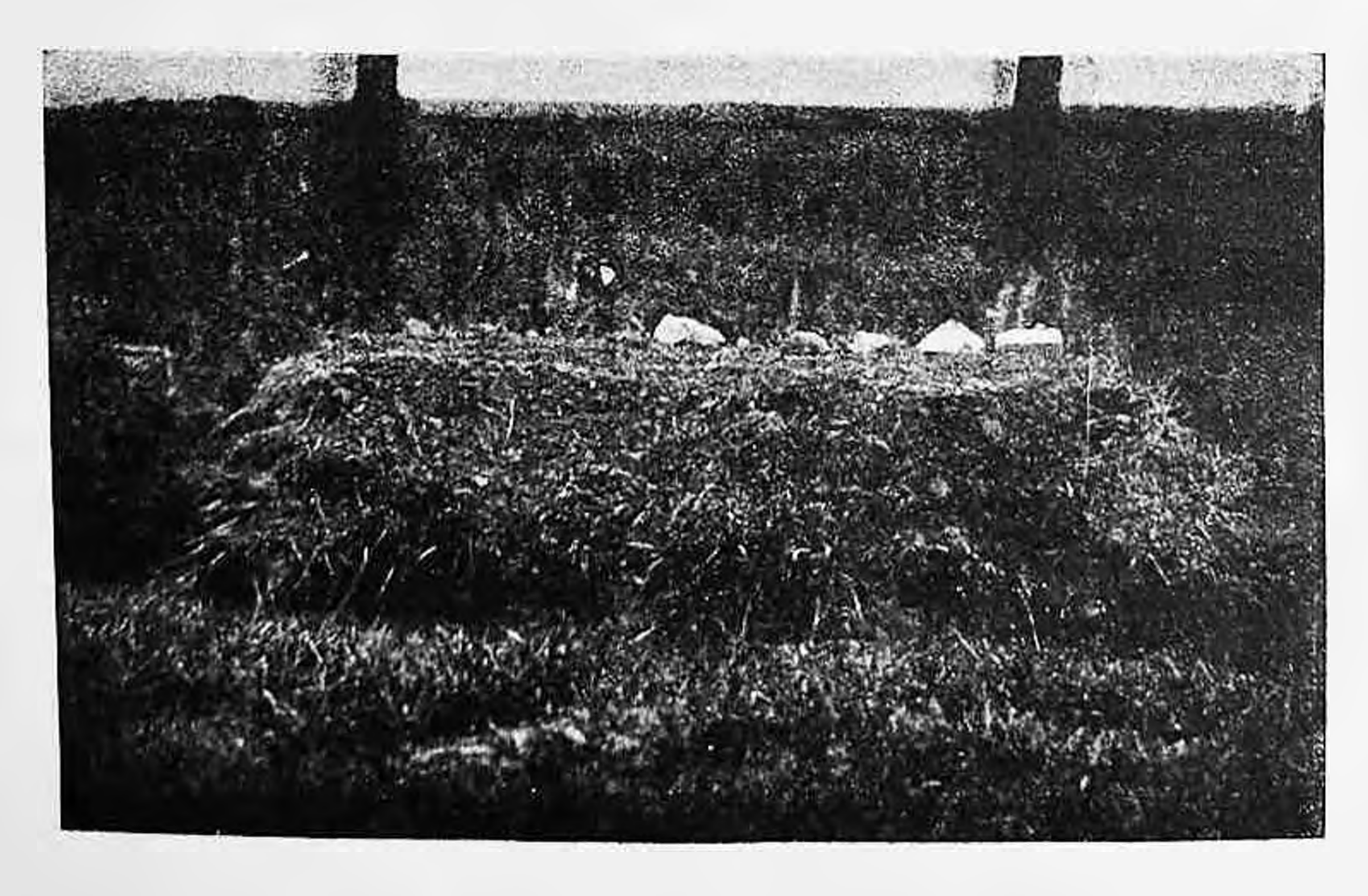
Братские могилы в Городище, Киевской губ.

Брацлавское кладбище после погрома

Братская могила в Сквире, Киевской губ.

Братская могила в м. Сквирь, Киевской губ.

ОГЛАВЛЕНИЕ